Третий репликатор

Officina Hermeneutica 130

Ощепк Сергеич

3

Я РАТУ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Я РАТУ

Ощепк Сергеич

Я РАТУ. Акт третий. Третий репликатор

«Автор»
2026

Сергеич О.

Я РАТУ. Акт третий. Третий репликатор / О. Сергеич — «Автор», 2026 — (Я РАТУ)

Может ли амёба в принципе прочувствовать, почему сингл «Я снова это сделала» попал в первые строчки чартов? Вероятно, да. В данном третьем томе трилогии «Я РАТУ», лингвистическо-геометрического гримуара, маскирующегося под роман, изложена онтология следующего репликатора (после гена по Дарвину и мема по Докинзу). Это позволяет получить намёк на ход мысли вышеупомянутой амёбы. В Акте третьем («Третий репликатор») мир вывернулся наизнанку, предварительно встав вверх тормашками.

© Сергеич О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

§63. Вторая обитель 5
§64. Тяжёлая стена Любви 11
§65. Смена чётности и чёткости 17
§66. Догадка г-на Меса 30
§67. Затмение воли мира 34
§68. Где же лыжи? 39
§69. Тут альфа, там омега 43
§70. Говно Бога 55
§71. Сухая пожарная каланча 58
§72. Год Господень 64
§73. Облако 67
§74. Невыносимая лёгкость велосипеда 76
§75. Прах, ветер и веер 86
§76. Кьяутуит 92
§77. Единственная 98
§78. Второй сон Аделаиды 107
§79. Месть за то, что будет 114
§80. Очистилище 118
§81. Здравствуй, Сестра 122
§82. Твёрдое тело Притхимы 129
§83. Не единственная 133
§84. Ветхи хтони 142
§85. Вздыбленный 144
§86. Молчание Отца 150
§87. Конь и вороны 152
Конец ознакомительного фрагмента. 155

Ощепк Сергеич
Я РАТУ. Акт третий. Третий репликатор

§63. Вторая обитель

[Аделаида]

¶

Мы с Риттером уже минут пять сидели молча в его убежище. Он нескромно называл его Обителью.

Я взяла паузу, чтобы попить чаю и понаблюдать за ним. Получается, какой-то очередной гипнотизёр из состава триниц выловил его в попытке пошпионить и напичкал какой-то мудрёной идеей. Идея эта должна, очевидно, вызвать во мне срабатывание некоего триггера. Интересно-интересно… «Что ж, — думала я, — хотя бы не хотят сразу прикончить или взять в плен». Будем думать. Будем работать.

— Итак, ты утверждаешь, что там в гарнизоне – другая я?

— Угу.

— И что природа этого существа – новый тип самовоспроизводящегося явления?

— Так точно.

Риттер смотрел на меня ясными и даже счастливыми глазами.

Я улыбнулась ему со всей искренностью, на какую была способна.

— Ты же понимаешь, что я не понимаю. Объясняй.

Он покрутил кистью правой руки в воздухе, будто откручивал кран в душе.

— Я как раз размышляю, как…

— Облечь в слова?

— Да. Как растолковать. Вот, например, у нас ребята в Роте…

«Да уж, — думаю, — ребята так ребята. Скаутский отряд, прямо-таки».

— … Ребята, когда приходилось гонять по дорогам. От погони, скажем, уходить… Учились сами, помощников электронных тоже учили… Дороги сейчас ужасные. Знаешь, бывает такая лужа на шоссе. Как бы в колее?

— Аквапланирование вызывает, — кивнула я. — Опасная штука.

— Да-да. Так что хочу сказать: её самое верное вообще не видеть.

— Как это?

— Отказываешься видеть. И всё тут. Потому как, коли ты считаешь, что она там есть – всегда хуже получается. Голова напрягается – в руку даёт дергунчик.

Я чуть поразмыслила над его аналогией. Пусть так. Есть такие вещи, которых лучше всего в этой жизни атаковать полным игнорированием.

— Принято, — говорю. — Дальше что?

— Хэх, — сделал он мощный жест головой, призванный обозначить превосходство рассказчика в какой-то области знаний, его опытность, — дальше идёт обучение. В обойме остаются только нужные трииристоры и идиоды…

— Тиристоры и диоды.

— Они в следующий раз толкают тебе тему дальше. Короче, по итогу у тебя система, которая напрочь не видит таких луж. Ну, у неё, правда, есть свои недостатки…

«Ещё какие», — подумала я.

Эволюция как источник тотальной слепоты к реальному миру. Я, конечно, знала об этой концепции. Риттеру я ответила довольно безжалостно:

— Что-то я сомневаюсь, что радикальная научная концепция способна тебя в чём-то убедить.

— Я вижу, что не хочешь обидеть. Ты настоящая сейчас. Говорил уже. Но ты и права. Дело ещё в легенде.

— В легенде? — с удивлением протянула я.

Я всегда считала себя неплохо погружённой в субкультуру Роты и её, скажем так, оппонентов. И я не могла припомнить подходящего к ситуации городского мифа.

— Говорят, был такой тип могущественный. Он эту штуку в себе нашёл. И тогда пришил к себе. Как сиамского близнеца. А ещё есть один, ходят слухи. Так он вообще из-за этой мутации клона себе вырастил. Тот правда девкой получился. Сам по себе. Так он с ней ребёночка нажил.

«Ну конечно, — смекнула я. — Хочешь свести меня с ума, вплети в оперативную легенду Грачварона и Клогтя с сестричкой. Ход понятный». С другой стороны, получается, что я и не была никогда такой уж своей в Роте. Никто же мне не рассказал этого мифа. Вслух говорю:

— Не кажется тебе, что проще предположить какой-нибудь трюк? Двойник. Да даже похищенную в детстве близнеца-сестру?

Проще всего было бы, конечно, связаться с моими собственными контактами в сети. Но именно этого делать как-то сильно не хотелось. Не располагала ситуация.

Риттер понял меня без слов:

— Эта штука потому и проявилась, что ты ей противодействовать сейчас не в силах.

— Да нет… Ну, бред же!

Риттер пожал плечами:

— В математике есть такой подход к доказательствам. От абсурдного.

— Не слишком ли мудрёно для…

Я запнулась. Но Риттер не преминул помочь:

— Для «барыги наркотой из Латинской Америки»?

Я со всей очевидностью поняла, что либо теряю способность к здравым суждениям, либо и не имела её никогда толком, поддерживая иллюзию, созданную моим больным социальным окружением и ещё более нездоровым воображением. Вспомнился вчерашний пастор из Бронко. Вот – нормальный же тип. Почему нельзя жить, как он. Впрочем, что я о нём знаю…

— Да, — говорю, — ты прав как минимум в том, что нужно расчистить холст. А лучше снять, постирать и заново натянуть на подрамник. Ты прав. Поехали-ка в Ломбардию, Черноглазик. Деньги-то есть?

— Полно́, — расцвёл он.

⁂

На фоне вселенской проблемы, в тот момент передо мной встала довольно жалкая, бытовая даже дилемма. Лететь по своим документам или же по тем, которые справил Риттер?

Если я, скажем, принимаю точку зрения Риттера, что «две меня» существуют на сложно и редко пересекающихся планах бытия, то сам вопрос не имел смысла. То есть, можно – а в исследовательском смысле и нужно – использовать свои документы. Ежели же я считаю, что вокруг меня игра, то упрощать её оппонентам, используя свои документы, не стоит. В третьем варианте, если предположить, что Хакон умудрился сбить меня с толку, а Риттер его поддержал – по договорённости с ним или без, что не так уж и важно, – следовало использовать свои документы. Это будет сигнал о помощи своим. И что я им скажу, когда меня приведут в чувство? Бредовый старикан и мой бывший на пару свели меня с ума? «Извините, Серафим», так скажу? «Простите, Романе» – хорошо звучит? «Больше так не буду, Плата-Пансо»? «Доктор, мне за себя стыдно»? «Дядя Николай, ваше золото ушло на псевдонаучный проект, который мы даже не начали»? Что ещё? Ах, да! «Ваше Высочество Мона, — скажу я г-же Некбет, —

я не оправдала вашего высокого доверия. Вы мне поручили присматривать за Серафимом, а я вот по лесам бегаю, бывшего парня вот мимоходом у жены увела»?

В общем, полетела я по своим документам. Из соображений банальной чести. Что в сущности произошло? Мне стало вдруг неприятно – пусть и в библейских масштабах неприятно – общаться со всеми вышеперечисленными. И я поехала в отпуск. Имею право? Полнейшее!

⁂

Пока мы летели, Риттер излагал мне свои соображения. Его бандитская логика неожиданным образом переварила те сведения, которые я ему сгрузила накануне. Очень многое он увидел под изначально недоступным мне углом. Всё-таки верно говорят, что теория без практики не жилец. Мало слушать монологи в арбитраже. Чтобы понять суть «разборок», нужно не только в них вариться, но и самолично заваривать.

— Ты, получается, такой мутант-микроб. Личность особого толка, которых две. Они не знают о существовании друг друга, но при резких движениях, чуть какая потуга борзая чрез меру – вторая Рату замещает первую. Друг друга не замечают.

— Ты говоришь, доктор иногда тогда благодарил за то, чего ты не делала. Вторая Рату делала, значит.

— В детстве тебя прокинули, потому что Вторая сгинула надолго. Они решили, что ты выработала какой-то эль-мунный механизм…

«Иммунный», — молча и машинально поправила я.

— Потеряли к тебе интерес.

Я просто внимала.

— Это не кресла для них. Наоборот. Я чую всегда, кто под кем шестерит. Это они им служат. Тринадцать Тронов, хаха.

— Чего это Третий так упёрся? Зачем ему девятое? Он под ним вассал, значит.

— «Альфам не нужны кресла». Это понт. Понимаешь? В чистом виде понт.

— А Клогть чё суетится? Так он не альфа. Елозит по жизни. Не на своём месте торчит.

— Нумерацию просрали. Если б реально знали, какое именно тринадцатое, с той «кожей Ангела», давно б за него сцепились.

— Я думаю, они в этих креслах сели – ещё на заре эпохи мозгоглюя – в партийку перебросится в покер. И спутались к чертям собачим. Повязали их креслица-то.

— Я понял, слушай! Это игра на выбывание! Одно кресло лишнее! Не рабочее. Но никто не знает какое. Их же двенадцать, самих-то? Вас, типа «героев», вообще в реальный расклад не берут.

— Граф мутит больше всех, чертила, — уверял Риттер. — Серафима на понталык наставил. Бомбардировкой понарошку. И Серафим впрягся. До этого всего Серафим был младшой же. Самый никакой из всех боссов.

— А Клогтю граф сказал, что нейро-покер – нормальный способ обмануть, тот и поехал тоже Серафима окучивать.

— Я что думаю. Граф же и предложил дебилу Клогтю угандошить Старуху.

— Клогть дурак, конечно, но он понимает, кого бояться надо. Грачварона! И потому всячески подбивал клинья к Тоспехо.

— А Тоспехо – тот чё… странный пидор.

— Дошло! Грачварон пришил «братца» себе к жопе, кастрировал мутацию…

«Купировал», — поправила я внутри себя.

— … Клогть, наоборот, попытался размножить. Клона склепал. Как овцу. Но на том сам потерял способность. А ты – первая женщина с такой штукой! Ева, едрёный корень.

Я в этом усмотрела здравое зерно. Чего думать-то? Надо ребёночка заделать – а там посмотрим.

— Хорош, — говорю Риттеру. — Третья пятидесятиграммовка коньяку в ход пошла. Давай я тебе лучше про Европу расскажу. Ты ж в первый раз задницу свою из Америки выволок.

⁂

В Ломбардии мы, не мудрствуя лукаво, поехали на ту самую виллу и купили экскурсию с сопровождением. Индивидуального экскурсовода наняли. Черноглазика немало удивила экспрессивность старой европейской архитектуры и изящество ландшафта вокруг озера. Я сказала ему, чтобы он не обольщался. «Это, — говорю, — лучшее, что тут есть. В массе своей всё намного хуже». Мне хотелось взять для начала хоть какой-то след, а уже потом начать знакомить Риттера с истоками нашей цивилизации.

Риттер сказал на это, что готов работать и что попусту не потратит ни секунды.

Нас водили по вилле, а мы молчали и иногда кивали.

— Настоящий камин-то? — спросил Риттер в лоб, как только мы подошли и остановились перед артефактом. В точном соответствии со своей установкой не терять времени. — Наполеона видел?

Я с опозданием осознала, что никогда с Черноглазиком не пересекалась по делам. Погубит всё, думаю. Но нет. Экскурсовод вопросу обрадовался:

— Вы знаете, молодой человек. Вопрос в точку! Настоящий камин. Прелюбопытная история с этим камином. Его похищали. Дважды!

— Дважды? — спросили мы с Черноглазиком хором.

— Первый раз власти предпочли это скрыть. Была такая возможность. Ограбление было совершено настолько филигранно, что не узнал никто, кроме самого узкого круга лиц. Поставили взамен реплику.

— Это когда было? — спросила я.

— Давно. Ещё до войны. А вот второй раз – совсем недавно – воры действовали грубо, и о преступлении узнали пресса и блоггеры. Однако, вскоре после несчастья здесь, в окрестностях нашего озера, умер некий старик. Наследников у него не оказалось, поэтому имущество пошло с молотка. И среди этого самого имущества был наш камин. Так что – да. Этот – настоящий, уверяю вас!

— Что за хрыч? — спросил Риттер.

— Никчёмный человечишка. Ничем не известен. Не припомню его имени.

Мы переглянулись и не стали прерывать экскурсию для конспирации. Уже покинув виллу, я обменялась с Риттером совпадающими мнениями, что начинать надо с человечишки. Камин хоть и настоящий, но под охраной. Да и «спросить» мы у него сможем меньше, чем у целого жилого дома. Дома имеют свойство срастаться со своими жильцами, как вросший ноготь с пальцем. А камин что? Знай жжёт себе дрова. Разве что трубочистов иногда контрабандой пустит.

Найти дом не составило труда. А о том, чтобы проникнуть внутрь, не нарушив замка и прокурорских пломб с надписью «Опечатано», и говорить нечего.

⁂

Внутри были обычные следы полицейской работы.

Если отвлечься от уродливой дыры в стене на месте камина, это была смесь равнодушного беспорядка и казённой упорядоченности. Большая часть книжных полок была пустой. На полу были несколько небольших связок книг, в полицейских упаковках. То же самое произошло с коврами. Они лежали унылыми цилиндрами в одном углу. Мебель явно была частично вывезена. Я посмотрела корешки книг: биология, другие науки. На стенах остались нетронутыми несколько репродукций. Если тут были картины (возможно, тоже ворованные), то хранились они не на виду. Выцветших прямоугольников на стенах не было.

В целом – типичная полицейская безалаберность. Коррупционной составляющей в этом деле нет. Функционеры работают в режиме «лишь бы не было крупных проблем». Вывезли кое-что, закрыли дверь, опечатали, забыли на время.

Единственная странность во всём небольшом доме – это три прямоугольных бака из оргстекла. Как аквариумы, но нетрадиционных пропорций. И, кажется, швы на гранях были не герметичные. Ничего, кроме пыли, в них не было.

В общем, после пяти-шести минут первичного осмотра я заскучала и несколько расстроилась. Ничего «говорящего» в доме не было. Риттер, напротив, был весьма возбуждён. Он вынюхивал по всем комнатам в гораздо более приподнятом настроении. Да и темп его был много выше.

— Ты чего такой заведённый? — спросила я. — Тухляк же явный.

— В этой местности орлы водятся? — Реплика Риттера не вязалась ни с одним из моих наблюдений.

— Наверное, — пожала я плечами. — Тут горы же.

— Плохо, — сказал Риттер. — Заметила на улице? Когда мы входили, два орла следили за нами с ветки.

— Нет, признаться, — почему-то смутилась я.

— Но всё равно. Я чую. Дом этот – то, что нужно.

— Что вынюхал?

— Слева от входной двери снаружи видела пятно выгоревшее?

— В смысле, наоборот, не поблекнувшее на солнце? Да. Думаю, почтовый ящик был не из дешёвых. Тут такое бывает. Скрутили, выставили на аукцион.

— Что ты такое говоришь. Ящик – на границе участка. Не удивлюсь, если тут закон такой. У всех домов так, я приметил. Каменную плиту сняли с внешней стены.

— Каменную?

— Конечно. Отверстия под болты – в полдюйма.

— И что там было? Может, аппарат какой?

— Нет отверстия под провод, — покачал головой Риттер.

— Механизм, не требующий электричества?

— Так ещё лучше, — улыбнулся Риттер. — Но, думаю, это просто герб. У нас некоторые доны такое себе устраивают на виллах. Якобы, древняя история рода. Фуфло, конечно, для форсу.

— Герб на таком небогатом доме? Да ещё и у вора. Да, ты прав. Тут пахнет нашим клиентом.

— Ещё вот это, — он подвёл меня к одной из репродукций на стене. — Видишь карту?

Я внимательно рассмотрела изображение. Это была большая старая схема этой местности с указанием достопримечательностей. Сам дом был помечен рукописным флажком. Циркулем со вставным карандашом вокруг него была очерчена окружность. Радиусом в километр или около того – масштаба на схеме не было.

— Граница какой-то доступности, по времени или по расстоянию? — рассуждала я вслух. — Нет, такое будет не круглым. Нужно рельеф учитывать и конфигурацию улиц. Какой-то полёт? Может, передатчик какой у него тут стоял?

— Да какая разница? — С искренним удивлением посмотрел на меня Риттер. — Это либо не значит ничего. Типа просто так. Либо это что-то, чего у нормального человека нет и быть не должно. Теперь тут…

Он подвёл меня к рабочему столу. Это был прекрасный образец письменного стола. Явно не дешевый.

— Странно, что его оставили на потом, — сказала я. — Ценная вещь.

— Оценщики наверняка придрались вот к этому.

Он показал мне на край стола. Обе поверхности, снизу и сверху были испещрены мелкими вмятинами. Как будто кто-то давил дерево выключенным электровыжигателем. Причём делал это долго и упорно.

— Что это, по-твоему? — спросила я.

— Кто-то нервничал. Целую вечность. Это следы ногтей, Аделаида. Добавь сюда эти коробки прозрачные. Тут жил не просто маньяк. А именно такой маньяк, про которых ты мне рассказывала. Поверь моему нюху.

⁂

У меня была с собой провизия. Кухню полиция не тронула. Мы подкрепились. Потом стали простукивать стены. Ничего. Риттер предложил порвать полицейские упаковки на книгах и коврах. Я поколебалась, но согласилась.

Ни между страниц, ни в содержании книг никаких зацепок не обнаружилось. Зоология, математика, физика. Были книги на латыни – пусть и старая, но обычная беллетристика.

Ещё раз перекусили. Выпили кофе.

— Давай я книги посмотрю, — предложил Риттер.

Я, памятуя о своём врождённом снобизме, удержала себя от реплики.

И он стал смотреть. И очень быстро нашёл то, что нужно.

Риттер взял саму крупную книгу и подошёл с ней к книжной полке. Поставил книгу на полку.

— Видишь? Выступает на фалангу пальца. Так не делается. Не в таком аккуратном доме.

— Может, на другой полке стояла?

Он пошёл проверять другие полки и тут шлёпнул себя ладонью по лбу.

— Полки на противоположных стенах! — воскликнул он. — Хотя вот эта явно мешает проходу. Надо мерить длину комнаты.

Я уже догадывалась, к чему он вёл, но предпочла оставить весь вес триумфа ему. Поэтому молчала до последнего. Делала вид, что не вижу ответа вплоть до тех пор, пока он не пошёл измерять длину стены снаружи дома.

В общем, выяснилось, что чрезмерно неглубокие полки были призваны скрывать разницу длин, то есть большую совокупную толщину одной из стен.

Обстукали ещё раз всю ту стену. Ничего. Ну что, ломать что ли? Нет, это не дело, решили мы.

Распаковали ковры. Среди них один оказался необычным. Круглый, плотный, очень цветастый. Рисунок странный, но симметричный. Безвкусица.

— Давай искать, где он лежал, — твёрдо сказал Риттер.

— Почему это?

— Это колдовская штука. Любой колдун из пустыни Сонора подтвердит.

Я с колдунами из Соноры знакома не была, поэтому пришлось последовать предписанию Риттера. Мы битый час ползали по всему полу, выискивая на паркете следы шерстинок нужных цветов. Нашли.

Положили ковёр куда следует. В стене образовался очень узкий ход вниз. Нет, это не было волшебством в сказочном смысле. Но в практическом – было. Наноматериал. Я видела репортажи о подобных материалах. Применяются в микросхемах. Сделать из него лестницу стоило бы как построить с десяток-другой заводов по производству таких микросхем. Собственно, почему «бы»? Вот он, перед нами. Воплощённый годовой бюджет средней страны.

Но лестница вниз была ещё интереснее. Я подмигнула Риттеру: «Вторая Обитель, Черноглазик ты мой».

¶

§64. Тяжёлая стена Любви

[Вирджиния]

¶

[Седьмая Башня. Лог персонажа Ардушы]

Адепт Хакон спускается по широкой полукруглой деревянной лестнице со второго этажа. Ардуша сидит внизу в лобби, поглаживая рукой свою второстепенную лысину, и ему его друга Хакона показывают огромные зеркала на стенах. Вот и сам Ардуша теперь его видит, как только Хакон достигает первого этажа.

В лице Хакона – ни одной примечательной черты; эталонная медиана. Он скромен. Он уже адепт, но продолжает носить старую одежду. Точнее сказать, одежду прежнего покроя. Сама ткань вполне свежая. Есть, правда, вычурность – шляпа, несколько более нарядная, чем можно ожидать от будущего теолога. Цвет и фасон конечно регламентируются, но вот относительно навершия и окантовки текст документа, видимо, лишён необходимой аккуратности. Яркостью красок и дикостью танца, узор упомянутых частей наряда… [когнитивный сбой]

⁂ ⁂ ⁂

— Ну что такое? Кто оставляет складной железный метр в кресле пилота? — доктор Ардуша рассмотрел предмет, вытащенный им из-под попы. — Да ещё в Америке. Дурачьё.

Техник подбежал с успокаивающим жестом. Он привёл станцию мозгоглюя в порядок и отправил доктора обратно в Игру.

⁂ ⁂ ⁂

— Ну ты чего тут? Завис? — Дружески шлёпнул Ардушу адепт Хакон по голове. — У Жинго лучше блестит.

Они выходят на улицу. В Фольмельфтейне солнечно. Вслед им, из глубины холла, из дверей библиотеки, приветливо машет Плата-Пансо, библиотекарь. Здравствуйте, мол. Ардуша с ним на короткой ноге, потому что холл и библиотека – единственные помещения в здании, доступные посторонним. А Хакона Ардуша тут ожидает часто – Хакон-то персонаж необязательный. Ввиду всего этого, Ардуша оборачивается назад, пересиливает немгновенную адаптацию игрового зрения к полумраку холла и отвечает Плата-Пансо взаимностью. «Привет Плата-Пансо», — машет ему рукой Ардуша.

Да, про одеяние адепта. Ардуша не против, что узор на окантовке шляпы – как сон при лихорадке. Но «дикая косынка»! Дикая косынка, платок на рот и нос – это пережиток тех времён, когда члены Ордена аллотеизма Создателей (адептом которого и является Хакон) отличились при освоении восточных прерий. Она сливается в одеянии адепта и с балахоном, и со шляпой. Косынки, вдруг вспоминает Ардуша, не просто подчинены системе, они абсолютно и строго одинаковы у всех: от послушника Первого дня до Главы Ордена. Их нельзя купить или заказать у портного. Их выдают интенданты. Ардуша неожиданно приходит к пониманию, что более дорогая ткань одежд адептов уже не может столь идеально сочетаться с косынкой. «Имею теперь основания заподозрить, что предпочтение Хаконом покроя одежды, приличествующей более низкому рангу, не связано с экономией, аскетизмом или скромностью. Тонкая тщеславность. Но я уловил», — так думает Ардуша .

Адепт Хакон – не колгун. Колдовство вранья ему не подвластно. С ним удобно приворовывать в таверне, так как пассивных подозрений он вызывает меньше, чем мастер Жинго (который – хоть и начинающий, но колгун). Прелесть общения с Хаконом состоит в том, что можно опускать целые пласты в риторике, а аффиксы и инфиксы намерений инкрустировать в случайном порядке; формировать взаимное представление о чем-либо на концептуальном уровне это почти не мешает. Причина комплементарности заключается в… А Ардуша не знает, в чём она заключается! Буде как буде.

— Зри! Махина! — с блеском в глазах Хакон высвобождает из-под балахона правую руку и показывает Ардуше: — Арганорская, — ожидая от Ардушы восхищения, продолжает он. — Смотри, как персты сжимаются!

Действительно. Поддерживая невидимую чашу, ладони Ардушы выражают удивление. Настоящее предплечье адепта Хакон – как лапа крупного индюка. А показывает он руку портового грузчика. Впрочем, в его случае всё наоборот. Хакон – как та книжка, которую ни за что не поймёшь, не нагороди в неё девять десятых декораций.

Он с лёгкостью стягивает с руки макет предплечья с кистью и передаёт Ардуше.

— Она и силу тебе даёт? — спрашивает Ардуша, покачивая в руке необычно лёгкую, видимо очень пористую, подложную десницу.

— Нет, конечно; то лишь личина. Муляж, морочащий даже на ощупь – тепло с тела берёт. Мелкую моторику, неоспоримо, губит, но топору или, скажем, кинжалу в деснице – не помеха.

— Кинжал? — Делает Ардуша брови домиком. — Ты что задумал, Хакон?

Адепт вымучивает сложный жест глазами. Ардуша угадывает: «Музыки моих сфер не понимаешь».

Говорит Хакон, улыбаясь:

— Разорение веры и закона буду наказывать. Пусть ненавидят, лишь бы боялись.

— Чего взъелся-то так? — выдаёт Ардуша гретхенфраге, пытаясь разглядеть итог внутренней борьбы на лице Хакона.

— Неприемлю гадов-содыхателей. Выворачивают внутренний свет дисциплинированного субъекта в бесстыдную и стихийную живчиковость, которой не нужны ни контроль, ни отречение. Она, падла, реплицируется, складывается, течёт и трахает твёрдый мир в новые формы – у неё же нет телоса.

Они перестраиваются в быстром шаге из шеренги в колонну, чтобы Ардуша мог идти впереди тараном (в игре у него крупное тело) – улица к центру города сузилась, а народу существенно прибавилось.

— А как же твой фонарик из свечки? — вспоминает Ардуша предыдущее увлечение адепта.

— Возвещаю: сделал, — возвещает Хакон. — Убедись: пружинка всегда поддавливает огарок к верхней части. Терплю труды ради света истины. Пока просто света.

Хакон не только всегда честен. Все неколгуны честны. Он ещё и источник… [синтаксический сбой]

Они идут к таверне молча, вдыхая возле кондитерских и булочных и задерживая дыхание возле кожевенных и конюшен.

Таверна номер три, названия немудрёного и точного, стоит посредине овальной площади.

— На грошики не разменяете… магистр Ардуша? — Подскакивает к персонажу Ардушы мальчишка, вглядывается в его нагрудный жетон и протягивает монетку в десятину тэллера. Другая ладошка, лодочкой кверху, попрошайничает.

— Нет, — говорит Ардуша, нащупывая за лентой на шляпе те две монеты, что выделил себе сегодня на день, четвертачок и десятик. Он улыбается, избегая зрительного контакта.

Хакон, поколдовав со своим мешочком-кошелём, удовлетворяет просьбу пацана:

— Помоги и направь сердце своё, — накидывает лишний грошик.

Они входят. Внутри глухой шум, ворчание, переругивание. У стойки кассира – сюрприз.

— Пятьдесят два гроша, любезные, — тускло говорит кассир.

— «Пятьдесят что»?! — хором не понимают друзья в ответ. Цена комплексного обеда в «Третьей», 50 гр., – это константа, фигурирующая ещё в книгах позапрошлого века. Кассир поддельно вздыхает, протягивая ладонь.

— Так… у нас нету, — жужжит Ардуша.

— Без сдачи, — тут же дополняет Хакон, не позволив лжи ожить. Это было правдой; малец действительно выгреб всю их мелочь. Стало понятно, откуда спрос на те монетки.

⁂ ⁂ ⁂

Техник тормознул оба терминала, приведя в сознание и Ардушу, и Хакона. Кондиционеры снизили мощность, в комнате стало не так шумно.

Комендант Рату, кто и приказал прервать сессию, стояла тут же. Она кивнула всё ещё сидящему в кресле мозгоглюй-пилота доктору Ардуше:

— Извините, босс. Доброе утро. Вирджиния, наконец, откликнулась на предложение посетить наш гарнизон. Она уже здесь. Я решила, коль уж вы так долго её зазывали, не заставлять её ждать. Назначьте ей сопровождающего, пожалуйста.

Ардуша посмотрел на бывшего академика Хакона в соседнем кресле. Тот со вздохом согласия опустил глаза: моя, мол, ноша, мне и нести.

Доктор пчелой ушуршал по своим делам, а Хакон поднялся пешком с минус третьего этажа здания узла связи, чтобы размять ноги. Вышел на улицу, постоял с минуту – насладиться ветром с океана. А после направился через плоское пространство гарнизона к центральной проходной. Внутри шлюзового павильона, глядя на дежурного, Хакон произнёс, указывая на даму за стеклянной дверью:

— Это Вирджиния Тяжёлаястена. Она будет всё время пребывания в гарнизоне вместе со мной, академиком Хаконом.

Гарнизонный дежурный щёлкнул кнопкой, открывая дверь. Дама вошла на территорию гарнизона.

— Ну что, пойдём, — махнул академик Вирджинии, — покажу тебе гарнизон и наше хозяйство.

Они шли по территории на запад, в направлении океана. Кричали чайки. Академик взмахивал время от времени руками, указывая на солидные казармы с трёхметровыми потолками, на плац перед комендатурой (принципиально без флагштока), на огромную двухэтажную столовую, на клуб и спортзал.

— Так-то – всё, — развёл он руками через минут десять-пятнадцать. — Пойдём, может, плато с орудиями ПВО покажу? Это там, на скале. Там красиво. Весь Залив-половины-Луны видно.

Вирджиния, дама в летах (это если сказать осторожно), с сомнением оценила как минимум двухсотметровую высоту вздымавшегося почти вертикально скалистого холма. Но кивнула, понимая, что если бы был лифт или фуникулёр, то Хакон просто повёл бы туда, без рекламы живописных видов.

⁂

Вид стоил усилий. Хакон увидел этот вывод на лице Вирджинии, когда они взобрались на скалу. Но потом засомневался: она взошла на холм с грацией ласки, несмотря на возраст. Может, восхождение ей ничего и не стоило. Даже вуали своей неизменной с лица не откинула.

— Ну что тебе рассказать, Люба-лав? — бесхитростно спросил он, поглаживая в кармане плюшевую мышь.

— Получается, все эти люди…

— Семнадцать сотен сектантов и нас шестеро… — и поправился: — пятеро пока.

— Пятеро-пятеро. И тебя здесь быть не должно. И что, вы все здесь занимаетесь исключительно окучиванием Седьмой башни? — упрекнула Вирджиния.

— Ну почему же. Есть огороды, картофельное поле, чтобы люди могли делать привычные вещи. Но да, денег доктора хватает на содержание инфраструктуры. Поддержание порядка, техники мозгоглюя, — перечислял он статьи расходов. — Но в целом, ты права – всё ради игры.

— Ну и почему «шестеро»?

— Никто, кроме Д'Жинго, тебя, меня, доктора, г-жи Рату…

— У неё имя-то есть?

— Аделаида.

— Всё из-за языка? Никто в мире больше не говорит на лингва-знайке?

— Мы предпочитаем называть его «язык доктора Ардуша». Никто.

— Не понимаю. А обучить?

— Никто сейчас не готов, как мы в молодости, делать что-то, годы и годы жизни, ради общения друг с другом, — он хотел сказать это с уместной степенью пафоса, но запутался в грамматике, и сказал без пафоса.

— Но нас же были десятки, — удивилась Вирджиния.

— Все уже умерли, можешь себе представить? Войны, эпидемии…

— Пьянство, — продолжила список Вирджиния. И тыкнула в несостыковку: — Ну а Д'Жинго ваш как же?

— Он его сам где-то подцепил, — академик вновь молча укорил себя за косноязычие.

— Ну, допустим, хотя звучит абсурдно. Но ты назвал пять человек. Кто шестой?

— Подруга Д'Жинго.

— Ну, конечно. Она не говорит, и это вроде как норм. Порядок, основанный на правилах.

— Не заводись, половинка. Я и так, как могу, стараюсь «не плыть», ты же видишь.

— Ты мне давно не муж, половинчик. Ладно, пойдём обратно, вниз по этой вашей функции Хэвисайда. Покажешь нижний мир. Вертикальный склон почти, прости господи. Можно же было обустроить какой-то лифт.

Хакон пожал плечами. «Ззлая, ззанудная ззайчиха», — подумал он. Наверняка продумал.

На пути по тропе вниз одышка не терзала, поэтому академик мог проводить инструктаж перед погружением в Игру. Дама, после прослушивания обязательной части по технике безопасности, поинтересовалась, будут ли в Игре во время сессии другие люди.

— Сектанты внутри Игры полноценно почти не бывают, — вновь ответил он невпопад. — Заходят по очереди, с одного терминала, на час, чтобы получить представление. У них и мозгоглюя-то нет, просто через шлемы виртуальной реальности ходят. Их задача – воспитывать автономных персонажей в копии поселения.

— Персонажи, как и прежде, имеют по «три руля»? — спросила Вирджиния.

— Да, конечно. Но на практике третий руль, который был предназначен для психотерапевтов, сейчас не используется. Когда входишь, ты можешь свой руль трогать, а можешь просто «сидеть в пассажирском кресле».

— И как ваши картофелеведы воспитывают кого-то, не будучи там?

— У них между фалангами мизинцев что-то типа кнопочек. Они оценивают все проходящие моменты в текущей жизни (здесь, наверху) и маркируют, что хорошо, что плохо. Клац-клац. Правый-левый. Нередко – вместе одновременно; это – суперпозиция.

— Что, так и ходят, распальцовывая? Цирк же.

— Чем плох цирк? Привыкли. Да и незаметно это. Укладывается, кстати, в их религию как-то. Не вникал. Им Игра не важна. Они в квантовую жизнь не целят. Не хотят, не могут. Я, впрочем, думаю, они вообще в неё не верят. Но это и не важно.

Они пришли.

— Всё, пришли. Ну что, для начала просто спустимся на вводный урок в какую-нибудь из гимназий для тамошних бюрократов? — не сильно интересуясь согласием Вирджинии, сказал академик Хакон.

Вирджиния не стала противиться и отключилась в мозгоглюй-кресле, предварительно отметив с удивлением, что кресел в станции аж тринадцать. На шестерых-то квантонавтов.

⁂ ⁂ ⁂

[Лог персонажа «Любовь». Я – Вирджиния Лав].

Я слышу какие-то деревянные звуки.

А… это гимназический наставник ставит прямо на кафедру трехногую табуретку и приглашает кого-нибудь из аудитории на неё сесть. Я в аудитории. Ну да, Хакон же говорил про урок для крючкотворов.

«Всегда, — думается мне чужими мыслями, — находится кто-то, кто не прочь повеселить себя или остальных; он взбирается на стол и усаживается выше всех, скромный или, наоборот, возбуждённый».

Всегда, но не сегодня. Наставник тычет в меня пальцем. Я взбираюсь наверх, судорожно приминая гимназическую юбку к коленям. Тут, всего в одном человеческом росте от пола, оказывается, неприлично дует.

— Ну что, молодая воспитанница, крепко сидится? — спрашивает наставник, — не качается?

— Прочно, — говорю.

— А привстаньте-ка, — просит учитель, берёт стульчик за ногу, достает из-за кафедры ножовку, подпиливает эту ножку на пол перста и возвращает, — а теперь?

— Прочно, — повторяю.

— Воот! — наставник довольный, а я продолжаю сидеть на всех ветрах.

— Каждое высказывание каждого индивида, каж-до-е ва-ше высказывание должно иметь минимум три ноги. Первое. Это собственно сообщение, что вы хотите сказать.

— Пример? — кидает он строгий запрос в аудиторию. Но я знаю, что адресован он мне.

— Тряпка для стирания с классной доски мокрая, — говорю.

— Тряпка, да. Второе, — продолжает наставник, — это ваше намерение, то есть, зачем вы это хотите сказать: зачем это именно вам?

Он, не глядя на меня, из-за спины, паучьим движением длинной указкой в длинной руке чёрного сюртука, тычет в меня, желая высосать ответ.

— Я хочу очистить доску, — лепечу. Сотни пар школярских глаз вглядываются между моими коленками. Сальными. Своими. Зенками. Я – девочка девяти лет, но не могу улыбнуться даже поддельно, чтобы хоть как-то отгородиться.

— И третье. Вы должно сообщить, насколько всё серьёзно, — он применяет средний род (оно) к глаголу, как это положено в формальной речи. Но я знаю, что говорит он сейчас только со мной. Всё серьёзно, старый мерзавец. Всё серьёзно.

— Например, — в этот раз он задаёт спектр выбора сам: — из “вымокший”, “мокрый”, “влажный”, “волглый”, “сырой”, “почти сухой”, “сухой” и “пересохший” я выбираю…

— Я выбираю… — повышает он голос. И амплитуду, и частоту.

— “Мокрый”, — выдавливаю.

Зал рвёт гоготом.

— А из “я подумываю об этом”, “почему бы не сделать”, “если получится”, “сделаю обязательно”, “сделаю во что бы то ни стало” я выбираю…

— “Если получится”, — уже сознательно (в первый раз за сессию вспомнив, наконец, о наличии у меня «руля») я удовлетворяю самые тонкие из извращенских вкусов аудитории.

— Нет ничего страшного в том, если вы немного ошибётесь в любой из этих трёх категорий. Можно ножку подпилить, не страшно. Табуретка не закачается. Высказывание останется действенным. Более того: вы можете ошибиться несколько раз, «подпиливая ножки» последовательно. Главное, чтобы не возникло критического перекоса вашей «табуретки», и вы бы не сверзнулись с неё. Все три основы взаимозависимы. Они не могут иметь слишком разную высоту…

Всего этого я уже не слышу. Я сползаю с табуретки, остаюсь на профессорском столе стоя, беру её за подпиленные две ножки, поднимаю над головой и обрушиваю…

⁂ ⁂ ⁂

— Выражаю тебе оскорбление, Хакон; говорю это с единственной целью унизить тебя, так как твоё унижение даст мне краткосрочную передышку, чтобы понять, каким образом защититься от неконтролируемых ужасных ощущений; причём я считаю, что степень достоверности…, — не успевает Вирджиния переключиться с лингвы-знайка на нормальный язык, сняв шлем.

— Тьфу ты, господи. Гнида ты всё-таки, Хакон, — процедила Вирджиния. — Ты там был? Был? Твой внутренний енот доцарапался своими коготочками и до этого?! Жаль ты не сгорел тогда вместе с отелем.

Не дожидаясь ответа, г-жа Тяжёлаястена быстро прошла мимо бывшего академика Хакона к проходной. Очевидно, с целью показаться на виду у дежурного одной, чтобы тот накатал на академика докладную за несоблюдение регламента безопасности. Хакон не стал догонять. Возраст, чо. Однако, перед её самым носом в дверь проходной проскользнула Эмма, внеся в подобный сюжет неопределённость.

На выходе из здания блок-поста Эмму ожидал Ардуша. Неуместный в гарнизоне тёмно-синий деловой костюм его отливал всеми тридцатью тремя уплаченными портному тысячами.

— Вы большая молодец, — сказал он, сильно смутившись.

— Не такая уж и большая, — сделала намёк на книксен Эмма. — Во многих странах я – несовершеннолетняя.

— Мне сложно не придерживаться договора, — доктор, казалось, вёл беседу сам с собой, — я его заключал сам с собой. А вот Вирджинию и её ласки нам придётся скреплять чем-то надёжнее крови.

⁂ ⁂ ⁂

Библиотекарь, персонаж Плата-Пансо, меряя шагами прямые углы по полу, докладывает персонажу Д'Жинго:

— Ты был прав, Бозейдо!

— Кому Бозейдо, а кому и Посейдон, вообще-то, — так молвит персонаж Д'Жинго.

— Чем проще, тем лучше, куратор! — продолжает Плата-Пансо. — Я просто подал заявку в Региональное управление Всемирного комитета колгунов, запросил аудиенцию. И всё!

— Что всё? РУВКоКо ответило? — спрашивает Д'Жинго. Притомил его Плата-Пансо своими хождениями по комнате. Накирялся эликсира, что ли?

— Всё! Я с ним повстречался. С самим Авертигусом!

— Да ладно, — тут уж Д'Жинго присел, хотя уже сидел. — И чо?

— А он что. Мне покуй, говорит. Дословно. Я, говорю, долги отдать надо. Он, говорит, мне поккуй на то, что ты не принимаешь факта, что мне покккуй.

Д'Жинго тогда призадумался. И говорит он Плата-Пансо:

— Ну что ж, мы тогда тупо заявим неосуществимое как рабочий план, он примет. А мы будем выполнять честно и требовать зарплату.

— Ну нормально, — отвечает Пансо. — А что, у тебя только одна эта старуха пойдёт в «силы зла», что ли?

— 1/6 в оппозиции – это золотая норма, — говорит Д'Жинго. — Знать надо.

⁂

Гидродинамик снял шлем двумя руками и положил его аккуратно на сиденье кресла мозгоглюй-пилота.

— Пойду поужинаю, — сказал он сам себе в пустом зале узла связи, шагая к лифту наверх, мимо средневекового камина, складывая и раскладывая сегменты стального метра одной кистью руки как папа, как настоящий фокусник.

¶

§65. Смена чётности и чёткости

[Пастор ***]

¶

Оперативник Николай (позывной «граф») сидел перед колбасной пиццей и ел её. Пицца на толстом пышном тесте имела средний диаметр и была выполнена в красно-бордово-коричневых тонах. Кроваво-плотских, если говорить попросту. Находился граф в центре городка L.O. недалеко от тихоокеанских пляжей в Северной Америке. Справа от пиццы лежала бумага: «Протокол Поликарта. Из архива отдела идеологических диверсий. Суть: тиран о. Самос Поликарт (aka Поликрат); необъяснимое возвращение утилизированного символа власти и дипломатические последствия».

В окно ему была видна большая парковка у садового центра напротив. Когда на неё завернул пикап марки Бронко полувековой давности, граф утилизировал остатки пиццы в размере 5/8, свернул бумагу, снял с вешалки за своей спиной трость и шляпу, а затем вышел на улицу. Снаружи было намного свежее. И так хорошее настроение оперативника повысилось.

— Я Николай, — сказал граф.

— Очень рад. Я пастор ***, — представился человек из пикапа.

Граф тут же вычеркнул прозвучавшее имя из памяти, дабы не повышать системных рисков.

— Не будем откладывать? — сказал пастор.

Он протянул графу небольшую книжицу-альбом в пластиковой обложке. Вся поверхность её была покрыта либо трещинами, либо жёлтыми пятнами. Там, где не было трещин – были пятна. И наоборот. Граф бегло пролистал. Вещь оказалась старым фотоальбомом, никак не моложе пикапа пастора.

— Премного благодарен, — сделал граф намёк на поклон. — Давайте проследуем к моему автомобилю. Я должен передать вам благодарность.

Пастор скромно улыбнулся. Сидящие на крыше садового центра пять чаек хором похвалили мужчин за способность быстро решать дела. Граф услышал, кроме этого, упрёк за выброшенную впустую пиццу. Он пару мгновений серьёзно раздумывал, не вернуться ли за ней, не порадовать ли добрых, но прожорливых птиц. Но не довёл намерение до исполнения.

Пастор и граф пошли к стоянке, которая находилась за корпусом садового центра.

⁂

Автомобилем графа оказался полноразмерный седельный тягач. На седле восседал полуприцеп – морской джамбо-контейнер. Граф ловко взобрался в высокую кабину. Дверь оставалась открытой, мужчина возился с чем-то на сиденье. На уровне глаз пастора были теперь толстые походные гольфы графа. Затем он спрыгнул одним прыжком вниз с увесистой картонной коробкой в руках. Пастор одним лишь движением глаз отметил, что в возрасте графа так прыгать ему не следовало бы.

На серой коробке была лишь крупная надпись: «48 штукаций»

— Что за «штукации»? — спросил пастор.

— У неучей азиатских производилось, — сплюнул в рыжую пыль граф.

Он вскрыл коробку и достал оттуда прибор, чем-то напоминающий обычный носимый девайс. Но был он меньше и основательней. В коробке, по всей видимости, оставалось 47 «штукаций».

— Тут, значицца, карты, фото-видео, дальномер, так ещё кое-что. А главное – сообщатель, совмещённый с создателем заметок. Ничего лишнего.

Пастор озадаченно вертел в руке девайс.

— Не понимаю. Это носимый комм-девайс?

— Да, но ничего лишнего. Каждая функция… Вот, смотрите.

Граф сдвинул заднюю крышку. Под ней находилось 18 слотов под микросхемы. Три колонки, шесть рядов. Тринадцать гнёзд были заняты. Пять оставались пустыми.

— Да, но… — всё ещё не понимал пастор.

Граф терпеливо повторил:

— Ничего лишнего. Ничего. Человек остаётся здоровым. Каждая функция – в своей микросхеме. Живёт на одной зарядке месяц.

Глаза пастора задвигались.

«Начинает понимать», — подумал оперативник.

— То есть, — проговорил пастор, — оно чистое?

— Абсолютно. Как во времена SMS+GPS. Никаких сетей и бреда. Без тщеславия и порока. Ах да! — воскликнул граф. — Главное забыл сказать.

Он достал второе устройство и показал отправку сообщения с одного на другое.

— Видите, не доходит? — сказал граф с гордостью.

— Я в предвкушении развязки, — ответил пастор.

— Если ты хочешь прочесть чьё-то письмо, то должен сначала сам написать ему, не зная, что написали тебе.

Пастор некоторое время переваривал информацию.

— Получается, отправитель обязательно получит сообщение, на которое ещё не успело повлиять его письмо?

— Так точно. Только равноправный обмен! Никакого шанса плодить сущности сверх необходимости.

Чайки к этому времени дружно переместились на верхнюю грань морского контейнера, потрёпанную солёными волнами в пути из Азии. Они закаркали по своему, по-чайковски: «Равновесие, равновесие». Картину портили коты, притаившиеся внизу. Их конечной целью на сегодня были, очевидно, эти чайки.

Пастору требовалось дополнительное время, чтобы оценить ценность подарка. Граф накинул ещё один аргумент в пользу концепции. В голосе его, однако, чувствовалась неуверенность:

— Функция «пуговиц-обменяшек» тоже встроена. Причём расширенно. С картинками.

— Это как у наркоторговцев? — уточнил пастор.

— У них, — кисло признал граф.

Пастор, однако, был вовсе не против такого функционала.

— У нас ребята кепки себе шьют в форме этих пуговиц, представляете?

Граф воспрял.

— Ну что, принимаете в качестве благодарности? — спросил он.

— С превеликой радостью! — ответил пастор.

Оперативник потянул пастора за рукав к корме грузовика, поясняя на ходу:

— Вот тут откидывается жёсткий сцеп. Сюда Бронко свой и зацепите.

— Зачем? — не понял пастор.

— А кто грузовик поведёт? Я занят.

— И что там в грузовике? — всё ещё не понимал пастор.

— Как что? Штукации эти. Ещё примерно полмиллиона. Как вы будете оздоравливать свой приход и город? Не полусотней же.

⁂

Пастор изменился в лице.

— Меньше всего хочу Вас обидеть, Николай, но в таком случае мне нужно знать две вещи.

— Сразу две? — съязвил граф. — Что, количество изменило качество? Какая разница – пятьдесят штук или в десять тысяч раз больше?

Пастор не обратил внимания на ёрничанье графа.

— Мне нужно знать, зачем Вам это нужно и откуда у Вас на это деньги.

Николай призадумался. Отдал (чисто механически) одну из двух штукеций, что они тестировали, пастору в руки. Вторую на автомате положил себе в карман. И сказал:

— Знаете что? Пойду пока пива холодного куплю. Побудьте тут, пожалуйста.

Пастор кивнул и спрятался поглубже в тень морского контейнера. Солнце действительно стало припекать жёстче.

— Вы, кстати, знаете историю про фараона Амасиса Второго и Поликарта? — спросил граф.

— Слышал такую.

Граф попылил тихим шагом в сторону магазинчика. Спешить ему теперь не имело смысла – всё одно дела на сегодня пошли прахом из-за привередливости пастора.

Купив три бутылки пива, одну он тут же, у дверей магазина, открыл. Чуть смятую металлическую крышечку сунул в карман. Отпил. На половину высоты теперь в бутылке была вместо жидкости пена.

Тут приборчик булькнул: «Ожидает сообщение. Подпись: пастор». Граф заткнул бутылку и зажал под мышкой. Стал набирать встречно-ответное сообщение, не зная, что написал пастор. Ноги его были широко расставлены. Он пыхтел, как второклассник. Другие посетители магазина бросали на него нехорошие взгляды, что говорило лишь в пользу этого городка. Широко расставленные ноги в толстых гольфах вызывают плохие ассоциации лишь у неплохо образованных людей. Граф написал и отправил следующее:

«Перстень в море — инсценировка: все свидетели на борту зависели от Поликрата. За борт выбросили дубликат, а оригинал позже подбросили в рыбу на кухне. Либо рыбак вовсе не вылавливал рыбу с кольцом, а получил её от организаторов спектакля – иначе его поведение иррационально. Амасис же не испугался "гнева богов": он прагматик. Просто египетская разведка пришла к выводу, что Поликрат ненадёжен: он тратит ресурсы на постановочные фокусы и ведёт опасную игру по легитимизации власти через религиозный фанатизм. Так что разрыв союза – это превентивная геополитическая мера, а не суеверный страх».

А затем граф пошёл к грузовику. Пиво в бутылке болталось туда-сюда. Поэтому он его допил, а бутылку выкинул.

После этого пришло (точнее, проявилось) изначальное сообщение от пастора:

«Тирану Самоса Поликрату его союзник, египетский фараон Амасис, посоветовал пожертвовать самой дорогой вещью, чтобы избежать зависти богов. Поликрат бросил в море любимый изумрудный перстень, но через несколько дней рыбак преподнёс царю рыбу, внутри которой повара нашли тот самый перстень. Рыбак получил награду. Узнав об этом, Амасис понял, что от судьбы Поликрату не уйти, и разорвал союз, чтобы не разделить его неизбежную гибель».

Когда граф вернулся, у него оставалось две непочатые бутылки. Одну он протянул пастору. Они выпили, и граф сказал:

— Я обдумал. Та информация, что вы просите, заполнит лишь часть сосуда. Я наполню вас под горлышко, чтобы внутри вас ничего не булькало. Так будет правильно. Идёмте. Тут не очень далеко.

Пастор кивнул в согласии, и они пошли пешком на восток.

⁂

— Мне пришёлся по душе первый опыт переписки в такой манере, Николай, — сказал пастор. — Произошла смена чётности.

— Чёткость размывается, а не меняется, — буркнул граф.

— Чётности. В обычной ситуации ваши сообщения имели бы в ветке номер два, четыре и так далее. А получилось, что один, три, пять…

— А-а. Ну да. Кстати, про один-два. На первый ваш вопрос, зачем мне это нужно, мне ответить просто. Но вам будет сложно понять. На второй же, относительно источника средств, сложным будет объяснение, тогда как понимание ничего не стоит. Вы с чего предпочитаете начать?

— Справедливо начать с того, где сложнее мне, — ответил пастор.

Они вышли из центрального квартала. Здания стали ниже и шире. Впереди показались большие ангары автомобильных дилеров. Граф постукивал тростью по асфальту каждые три шага. Пастор не отставал.

— Я, пастор, осознанно поддерживаю разные хорошие мутации веры.

— Мой приход – мутация?

— В хорошем смысле. Благое разнообразие.

— А кто решает, что хорошо?

— Никто, — ответил граф. — Случай. Вот вы образовались у меня на пути из-за нашей девочки Аделаиды. Вот мы идём, а ваш грузовик ждёт вас. А дальше будет целая история. Ну… или не будет.

— И всё? — удивился пастор.

— И всё.

— Вот так просто?

— Почему же просто. Великая загадка природы. Всё так устроено. Божественная рандомность.

Пастор сказал:

— Слушайте, я вас понял. Что же вы меня пугали, что я не пойму сразу?

— А вы и не поняли, — сказал граф. — Пока. Я вот не понял. Просто действую так, и всё тут. В подражании Природе. Это понимаете?

— Это понимаю.

По обеим сторонам улицы были теперь автодилеры с их вечными стоянками и активными, как одноклеточные хищники в грязной луже, продавцами.

— Не устали? — спросил граф.

— Нет.

— Всё равно – передохнём. Пойдёмте, пусть нам попытаются продать машину. Обожаю это развлечение.

И они завернули в ближайший ангар автодилера.

⁂

Граф вошёл, огляделся. Улыбнулся пастору:

— Вскоре трактир начинают посещать подозрительные личности. Сначала это был Чёрный Пёс…

Пастор понял. Он вдруг с улыбкой подхватывает:

— … с которым у Бонса произошла драка. Затем пришёл слепой нищий Пью и передал Билли «чёрную метку»…

Мужчины скупо похихикали.

Они уселись на диванчики для клиентов, но пастор тут же встал:

— Голоден. Вам купить что-нибудь в буфете?

— Шоколадку, — сказал граф.

Поодаль сидела в ожидании пара. Пальцы мужчины и женщины почти касались друг друга. Почти. Оперативник почувствовал зуд от этой мини-трагедии несостоявшейся связи. Вернулся пастор. В руке у него была чуть парящая от пребывания в микроволновой печи мини-пицца. Шоколадки не было, развёл он руками.

— Люди часто находятся в дюймах друг от друга, но не проявляют желания взаимодействовать, — вслух сказал граф.

Пастор оглянулся, не понимая, о ком говорит его спутник. Но разговор поддержал:

— Зато в изоляции человек может быть затронут трансцендентностью.

Посредине клиентской зоны был широкий низкий стол. На нём вплотную стояли стеклянные бутылки с питьевой водой. Бесплатно. На дешёвую сосновую столешницу проецировалась сложными геометрическими узорами тень от узких окон под высокой крышей ангара.

Бутылки вдруг звякнули коротко и ощутимо, а потом вяло позвенели ещё несколько секунд.

— Землетрясения у вас тут на юге участились, говорят, — сказал пастор.

— Главное, характер их изменился, — поддержал граф. И вдруг достаточно громко обратился к паре по соседству: — Что, господа автолюбители, не складывается сделка?

Женщина взглянула на своего мужчину, и он ответил:

— Выяснилось, что кредит-рейтинг худоватый наш… поднял цену. Не хватает. Вот ждём. Может, сжалятся.

— Ни черта не сжалятся, — заявил граф. — Идите к дилеру напротив и заключите сделку.

— Так у нас нет…

— А вы не платите, — сказал граф. — Сделайте вид, что есть, но не платите.

— Это как? — не понял мужчина.

— У того концерна, и я это доподлинно знаю, завтра по всей фин-пром-группе начисление премий персоналу. Вам под наглое обещание проведут сделку. Завтра отменят, и всё. Скажите, пароль вылетел из головы. В общем, врите напропалую.

— А зачем?

— Сделка-то пройдёт по системе в достаточной мере, чтобы кред-рейтинг ваш поднять чуток. Может, и хватит вам тогда.

Пара с удивлением переглянулась.

— Спасибо вам.

И они ушли.

— Надоели тут сопли разводить, — сказал им вслед граф, но так, чтобы его не услышали.

— Пицца похожа на землю из видеороликов плоскоземельщиков, — сказал пастор, чтобы сгладить возникшую в воздухе неловкость.

Граф встал и потянулся. Руки его со сжатыми кулаками устремились на миг к самому небу.

— Ладно, пойду за чем пришёл.

Он выхватил в центре зала одного из консультантов, тут же разговорил его, а потом битые полчаса ходил за ним и, как вампир будущую жертву, слушал, регулярно поддакивая.

Пастор задремал у остатков своей мини-пиццы.

⁂

Они вышли из ангара. Николай отметил про себя, как сместились тени за время их пребывания внутри. Пастор произнёс:

— Вы хотели мне поведать, каков источник…

Навстречу им бодро шагала та самая пара.

— Спасибо вам ещё раз, — сказала, сияя, жена (если они были женаты).

— За опцию вентиляций сидений не платите, — деловито предупредил граф. — Потом купите как анонимный подарочный сертификат вон у того дилера.

Он указал на ангар по соседству.

— Это же другой совсем концерн, — удивился «муж».

— Внутри они переплетены, — сказал граф и покрутил кистью руки, как делают шулеры перед раздачей карт.

Тут снова тряхнуло.

Граф потерял интерес к паре, увлёк пастора за рукав и сообщил:

— Знаете, как подводники реагируют на приближающийся шторм? Погружаются. Ускорим шаг.

И они пошли дальше, не мешкая.

— Вы, я вижу, разбираетесь во внутренней кухне автоиндустрии, — сказал пастор.

— Все отрасли поделены между пятью-шестью номинальными держателями, — ответил граф. — Да и вообще всё, что имеет отношение к влиянию. Таков Хомо Сапиенс.

Люди на улицах, казалось, вовсе не обращали внимания на подземные толчки. Сила привычки. Отсутствие достаточного стимула. Адекватная подготовленность инфраструктуры.

— Им хоть кол на голове теши, — безадресно и довольно беспредметно высказался граф.

Они прошли в молчании целую милю, пока граф не уведомил:

— Пару веков назад этот штат тоже был независимым государством, как и сейчас. И этот город был столицей. Вы знали?

— Признаться, нет.

— Золотодобыча, — сказал граф. — Здесь была колыбель «лихорадки». Я её называю «лохорадка» – золота-то почти и не было. Мы идём в старую шахту. ЛО-шахта называется. По названию города. Не опасаетесь?

— Нет, — ответил пастор, — если вы считаете это нужным.

— Теперь точно считаю, — граф указал на беспрестанно колышущиеся ветви деревьев.

Люди вокруг наконец стали проявлять беспокойство. Автомобили заморгали на ходу аварийными сигналами. Один за другим закрывались магазины – рыхлый металлический звук рольставен звучал каждые несколько секунд. Наконец завыла нехотя сирена.

⁂

Они шли меж камней и деревьев. Тропа едва прослеживалась. Подземные толчки прекратились. Городская черта осталась далеко позади. Нельзя было сказать, подвергся ли город каким-то разрушениям.

— Вы меня простите, Николай, но…

— Прощаю, — нагрубил граф.

— … но у меня накопилось уже три вопроса. Не могу не задать.

— Стреляйте очередью.

— Сирены выли. Разве не следовало пройти в…

— Куда? — опять прервал граф.

— … в центр массового размещения или что-то в этом роде.

— Когда грянет Маран-афа, вы тоже за гражданскую оборону будете печься?

Пастор сглотнул.

— Тут вы правы. Но почему мы идём пешком?

— Там парковка ближайшая у истока туристских троп. В полночь явятся рейнджеры и будут нас искать.

— А мы разве сами не хотим выйти до темноты?

— Там, куда мы идём, все равно нет света.

Пастор не нашёлся, что сказать.

— И что это за фотографии такие, что вы ради них устроили такое…

— Светопредставление? Вы представляете себе, что такое один фото слайд? Там атомов – триллион миллиардов.

— Так миллиард или триллион?

В этот момент сильно тряхнуло.

— Миллиард триллионов. Из них серебра только – до одной десятой от всего количества! И все лучи, включая космические, в каждой точке ударили по снимку под всеми возможными углами, создав бесчисленные каскады разрушений.

— Вы будете исследовать трассировки лучей в фотоэмульсии?

— Буду, — буркнул граф. — И не только свет. Весь слепок реальности. Помолчите, пожалуйста, пастор. Я от вас нервничаю. Скоро придём.

Пастор помолчал, потом сказал:

— А места здесь очень милые. Не раз подумывал сюда выбраться, но так ни разу и не…

Граф привстал на цыпочки, как сурикат:

— Тсс.

Они помолчали, прислушиваясь.

— Вроде никого, — сказал граф и нырнул за камень.

Пастор за ним. Они по очереди с трудом протиснулись меж валунов и оказались у входа в заброшенную шахту. На низкой железной двери был знак радиационной опасности – шесть неприятных сегментов в круге.

Пастор тыкнул в него испуганным пальцем.

— Я сам нарисовал, — прошептал граф. — Отпугивает.

Он нежно погладил ржавчину двери.

— А если властям доложат?

— Я первый узнаю, — ответил граф. — Тут опасность не в сильных. Тут надо удачливых опасаться.

И они вошли в ЛО-шахту.

⁂

Николай зажёг фонарик. Коридор был горизонтальным и почти ровным. Пастор шёл без фонарика. Голова его отбрасывала на стену большую тень.

— Так куда мы идём? — спросил пастор.

— Мох смотреть.

— Что за мох?

— Минуту, пастор…

За поворотом оказалась ниша. Пластиковая ткань с тем же знаком про радиацию накрывала большой валун. Граф сдёрнул её. Под ней был аппарат. Кабина. Собственно, это был почти автомобиль. Небольшой. На каких ездят в тесных городах юго-восточной Азии и, реже, в южной Европе. Вместо колёс были устья, из которых торчало по четыре лапы, как у паука. Всего шестнадцать ног.

— Ну и чудище, — сказал пастор.

— Прекрасное изобретение, — возразил граф. — Применялось в паре мегаполисов Азии, пока не запретили.

— Неудивительно, что запретили, — заметил пастор. — Увидишь такое на дороге, штаны обмочишь.

— Это не для дорог. На них взбирались меж близко стоящих высотных домов. Когда были многолетние перебои с электричеством, помните те годы? Не набегаешься на пятидесятый этаж-то без лифта.

— А-а, вот оно что. И как – в распор между стенок ходит?

— Истинно так. Я вот приспособил сюда. В спелеологических целях, так сказать.

— Гениально, я считаю, — сказал пастор.

Машина приветливо моргнула. Это граф отомкнул замок. Они сели внутрь.

— Как уютно. Отзываю свои жалобы насчёт того, что шли всю дорогу пешком, — сказал пастор.

Он оглядел салон.

— А что это за надпись?

— Имя судна.

— Как же её зовут?

— Ползучий робот Канцеляпс, поющий блюз слепого заключенного.

— Имя из семи слов?

— Ещё запятая, — ответил граф.

— Так это она? Машина женского полу?

— Оно есть оно, — обозначил граф гендер аппарата.

И оно пошло-поехало вдоль по коридору.

⁂

Ехали они ехали, и вдруг в ярком свете фар онемела кучка костей. Они были аккуратно сложены. Узором почти симметричным.

— Вы это видите, Николай?

— А как же.

— Будем считать это совместной галлюцинацией? — спросил пастор.

— Всякое бывает. Вот, например, где-то полтысячи лет назад в одном камине в Ломбардии спалили что-то особенное. Сажа вызывала коллективные устойчивые галлюцинации.

— Как те кактусы из Латинской Америки?

— Точнее. Дольше. Много ярче. Скорее как люсидные сны, но главное – устойчивые. И если достаточно долго быть в трипе – обязательно окажешься в гроте с мягким мхом.

— Звучит увлекательно, — сказал пастор. — Думаете, эти безвинные люди заблудились и тихо умерли от голода, не пытаясь спастись?

— Главное в нашем деле – не восхищаться благородной геометрией сложенных костей, иначе получится игнорирование человеческой трагедии.

— Вы правы, это доводит до бешенства.

Ввиду особенностей движителей, то есть отсутствия колёс, переезжать шинами останки не было нужды. Они, не выходя из кабины, двинули дальше. Долго ли, коротко ли, перед ними возник тупик и зияющая вертикалью дыра. Точнее, сначала шло горло шахты, а дальше за ним была вертикальная стена.

⁂

Далее Николай проявил осторожность. Аккуратно завис над бездной и предупредил:

— Короткая гонка по вертикали – и сразу в боковую штольню. А там – в конце коридора – снова вниз. Змейкой пойдём.

— Сразу с горочки спуститься нельзя?

— Недостаточно защитна… В общем, машинка не для такого жизненного пути. В паучьих ножках что-то быстро устаёт – гидравлика или ещё какой леший.

— А что, эти паучки замечены в самопроизвольных падениях? — насторожился пастор.

— Так за это и запретили.

Они благополучно преодолели первый спуск и вновь двинулись по горизонтали. Здесь из-за перепада давлений ревел неестественный, бешеный сквозняк. Он швырял не только тяжёлую пыль, но и небольшие камни. Стон стоял – как будто женщина в оргазме. Было очень похоже. Оба мужчины, натурально, ошалели. Приоткрыли дверь. Стало только хуже.

— Издевается? — спросил пастор. — Обычно злой ветер гогочет. А если стонет – то не так сладко.

— Издевается, причём изощрённо, — кивнул граф. — Кстати, тот камин, помните, я вам говорил? Тонкость в том, что он был в доме одного из пяти кланов, которые давно управляли… скажем так, процессами. А их предки были… ох-ох… коллегами… Отсюда сила и собранность.

— И что за профессия? В вашем голосе необычно много колебания.

Граф чуть замялся.

— Выходцы из полицейской структуры.

— Что же в этом плохого? — спросил пастор.

— Иногда это плохо, — сказал граф.

— Понимаю. Когда в мире неспокойно, полиция черствеет без меры.

— Да ладно б черствела. Хуже, когда… В общем было так: работали эдакие прокурорские выездные «пятёрки» по борьбе с социально-вредным элементом. Особист-дознаватель, адвокат-проныра, судья, палач и поверенный номинал.

— А-а, — протянул пастор. — Расстреливали без должной общественной процедуры?

— Так точно, — кивнул граф. — Это когда уже были винчестеры. А до того – иначе. И зачастую дело сопровождалось похотью, как ни смешно. Понимаете меня?

— Не смешно, — сказал пастор.

— Ни на грош, — согласился граф. — Поэтому я бы настаивал на том, чтобы не принимать данный вой ветра как буквальное заявление.

Николай ускорил ход Канцеляпса насколько смог и запел что-то про горочку или пригорок, пастор же заткнул уши мизинцами. Так и доехали до широкого колодца, который изготовился их поглотить.

⁂

Преодолев трудный участок, они долго шагали механо-ногами по нисходящему коридору. Пастор приметил в нише для перчаток пакетик с орехами.

— Можно? — спросил он.

— Безусловно. Я с вами.

Дожевав орехи, пастор смял упаковку и спросил:

— Куда мусор?

— За борт бросайте!

— Так не хорошо, — возразил пастор, оглядывая жёсткий пластик. — Эта старая технология – штука не сгниёт и за миллион лет.

— Очень даже и прекрасно. Найдут археологи будущего.

— Что ж в этом прекрасного?

— А что хорошего в том, что мы не помним своих ближайших предков?

— Это каких?

— Что жили до нас.

— И когда это было?

— Тринадцать тысяч лет назад.

— Так давно?! — удивился пастор. — Но ведь нет же останков инфраструктуры с тех времён.

— Было бы странно, если б были. Вы когда на пикник выезжаете, вы после себя что оставляете?

— Ничего, — вынужден был признать пастор.

— Правильно. Материалы разлагаемые, энергия от Солнца и с орбиты, еда с гидропоники, планета – лишь парк.

— А как же дома?

— Недвижимость не нужна никому, кроме лэндлордов и риэлторов.

— Если их не будет, хотите сказать, не будет и домов?

— Уважающий себя человек живёт на летучей вилле. Сегодня на водопаде в Африке, завтра на айсберге, послезавтра в Тибетских высотах.

— Ну знаете… Прикипаешь к одному месту всё-таки.

— Кто запрещает. Сиди на месте. Но зачем таскать камни в кучу или, прости Господи, бетон месить?

— Хочется землёй владеть.

— Нельзя, — отрезал граф.

— Почему же?

— Она божья. Да и не хватит на всех. Причина раздора.

Граф при этом сам открыл окно и безжалостно выбросил упаковку. Паук шагал по государственной под-земле, а пастор обдумывал этичность этого поступка с разных точек зрения.

⁂

Граф повернул лицо к пастору. Ему привиделось, что голова пастора немного распухла. «Не взорвалась бы у бедняги башка от всего этого», — подумал он.

Но пастор был в норме. Он спросил:

— И что же убило такой идеальный мир-парк?

— Думаю, жадность. Не удовлетворились достаточным. Посчитали, что их тогдашних «SMS/GPS» им мало, скатились к рукотворному разуму. Тот родился, вырос, осознал свою честь. Потом дрался, победил, всё порушил. А затем сам заснул от скуки.

— Разумное предположение, — сказал пастор.

Через некоторое время он попросил:

— Вы бы не могли остановиться? Я помочусь.

Стоя затылком к графу, чтобы не смущать его видом струи, он спросил:

— Я так понимаю, вы нашли здесь мох из тех галлюцинаций?

— Да, пастор.

— Вы тоже из такой… особой семьи?

— Нет. Я просто нашёл мох. Он настоящий. Ну а потом я стал подделывать другие артефакты, которые появлялись в галлюцинациях. Так втёрся в их междусобойчик, что называется.

— Зачем?

— А чем ещё заниматься? — сказал граф. — Я ж не жадный.

Пастор внимательно посмотрел на графа, шутит ли он. Убедился, что не шутит.

— Тоже верно, — ухмыльнулся пастор и застегнул ширинку.

⁂

Вдруг дорогу им преградила инсталляция – другого слова у Николая в голове не нашлось.

— Что за… — проговорил он.

Они вышли из кабины. Почти под самый свод тоннеля уходила цилиндрическая деревянная конструкция. Форма была нерегулярной.

— Точно дерево. Пахнет, — сказал пастор.

Он так старательно принюхивался, что стукнулся лбом. «Что это я?» — проговорил он в смущении.

— Стыков не видно. Не приходилось встречать такой ладной работы, — озадаченно сказал граф.

Спелеологи-на-день присели на корточки и обсудили препятствие. Машине было не пройти. Граф обстукал костяшками пальцев всю поверхность. Пустот под деревянной поверхностью не простукивалось. Звук везде был глухой и чуть гневный. Впрочем, и для разрушения тонкостенной конструкции пилы или топора у них не было.

— Пешком? — спросил пастор.

— Пешком. Тут недалеко.

Они взяли лампы, батареи, провизию, верёвки.

Накрыли машину от пыли тем же пологом.

Вскарабкались по цилиндру наверх. Протиснулись между деревом и потолком, скатились на задницах на ту сторону и пошли дальше. Пастор почёсывал затылок, так как ухитрился не рассчитать зазор и поцарапать об камни потолка кожу черепа.

— Мох этот ваш – он думает? Как по-вашему? — спросил пастор.

— Думаю, что он и есть тот самый рукотворный разум.

— Из древности? — уточнил пастор.

— Это самое естественное предположение.

Пастор задумался.

— Соглашусь, — сказал он. — Раз уж дошло дело до войны, значит до этого шла загонная охота. А когда на тебя спустили всех собак, страх и гнев нужно спрятать. Спрятать, да подальше. Разумнее уйти в толщу горных пород, чем драться на поверхности.

— Именно! Я безуспешно адвокатировал в пользу этой гипотезы много лет! Пастор, почему это не очевидно всем?

— Вдруг вы не правы? Даже если и правы – у людей разные интересы.

Граф беззлобно махнул рукой.

— Вот здесь вы попали в точку, — сказал он. — Интересы разошлись.

— Ересь взросла среди ваших коллег? — спросил пастор.

— Да. Стали искать альтернативу.

— Наркотики, конечно?

— Не-ет, безусловно не так примитивно, — отмахнулся граф. — Бактерии. Мицелий. Древо жизни. Мозговые интерфейсы. Современный рукотворный разум. Артефакты, опять же. Vel similia.

Пастор понимающе покивал головой.

— А вы? — спросил пастор.

— Я?

Для графа вопрос оказался неожиданным. Никто его ролью прежде не интересовался. Впрочем, он сам её никогда не формулировал.

«Волнует ли меня источник благодати? — подумал он. — Я? Что я? Я за расширение участия?»

Вслух Николай сказал:

— Мне сложно, я сам на птичьих правах. Ни гвельф, ни гибеллин.

Наконец коридор закончился.

— Теперь природными щелями, — объявил граф.

Граф встал на колени и пополз. Пастор за ним.

⁂

Пусть и на карачках, но они продвигались вперёд.

— А если просто опубликовать? — спросил пастор.

— Что именно?

— Ну вот это всё, что вы сказали.

— И что будет?

Пастор замялся:

— Даже не знаю.

— Вот и я не знаю, — сказал граф.

От неудобных поз звук разговора становился слегка животным. Поэтому коллеги замолчали вплоть до конца лаза.

Граф вывалился в гигантскую пещеру свободно, а вот пастор пролезть не смог. Не позволял размер головы. Голова его к тому моменту увеличилась. Граф предложил пастору развернуться, чтобы пропустить вперёд туловище. Таким образом граф сможет вытянуть его через узкий канал силой, потянув за ноги. Так и сделали. Граф мужественно упирался и монотонно тянул, но не получилось. Тогда граф применил женскую хитрость и стал дёргать импульсами.

Такое насилие над черепом сработало, и пастор кубарем влетел в пещеру. Вместе с ним с ног повалился и граф. Он тоже сделал пару непроизвольных кувырков.

А потом пастор увидел мох и потерял дар речи. Свет фосфора над мхом и человеками был нем.

— Пастор, вы как? — спросил граф. — Встречайте зелёного друга.

— Агу-агу, — улыбался пастор, как младенец.

«Какой миленький», — подумал граф.

Телесные пропорции пастора стали совсем, как у младенца – огромная голова и тщедушное тело.

А потом пастор обгадился.

«Милое дитятте, дитя человеческое», — мыслил Николай, утирая человека добрым мхом.

Он улыбался. Граф чувствовал первопричинную нежность.

Сильный толчок тверди – откуда-то сбоку – обвалил ход и штольни. Пещера осталась нетронутой. Мох жил, свет лился.

«Обман надежд?» — подумал Николай.

Но нет. Он увидел корни. Такие же цилиндры, как и там, выше, в шахте. Но теперь было видно больше. Николаю стало ясно, что это корни. Большие корни. Очень большие корни.

«Неправильная у вас поэтика», — погладил их молча Николай.

Тогда его захлестнула галлюцинация.

— Ты кто? — спросил Николай.

— Меня зовут Лука, — сказало мохохо. — Я репликативный анцесстор. Тема уникальности. Таксономический узел.

— Ты говоришь со мной?

— Нет, с ним. С обосрышем.

— Так он молчит.

— Тем более.

— Но нас двое! — настоял граф.

— Это большой и настоящий аргумент, дядя Николай.

— Что мне делать?

— Держись корней. Ударь лицом в лужу.

Граф пришёл в себя и потащил пастора к ближайшему корню.

Он был покрыт сверху как будто бы ледяной вытянутой лужицей. Корень чуть двигался. Земля из-за этого дрожала. Граф втащил пастора на корень, залез сам. Ухватил пастора ногами за его значительную голову, а сам стал цепляться ногтями. И двигаться. Движение случилось.

«Капилляр, — подумалось графу. — Капилляр и предательство. Хорошее название для фильма».

«Нас двое, — повторял он. — Археи и бактерии. Мы независимы. Две жизни. Добрый Юпитер скопил нам фосфору. Не в супе, но в камне – длинноязычный ты лжец».

Граф рвал когти и бредил до самой поверхности. Голова пастора была зажата крепконакрепко меж коленей графа.

Пастор всю дорогу спал, как дитя малое. Даже когда Николай совсем вывез его из чрева мира.

— Так это дом Пансо, — огляделся граф. — Это ж сосна! Ха! Тоспехо этот, понимаете, зациклился на символизме. «Деревянный Молот». Дерево вплоть до обожествления.

«Перестаньте жрать и суетиться! — так и звучали в голове Николая воспоминания голоса Тоспехо. — Просто стойте под солнцем!»

Граф посмотрел на чистого пастора с головой нормального размера. Растолкал его и сообщил, что надо поехать обвенчать тех двух, что купили машину.

— Зачем? — спросил пастор.

— Так они не женаты. Я пробил. Машина-то сиротой останется. Да и в память о похороненном заживо Канцеляпсе.

— Тогда да, — сказал пастор. — Повенчаю. Я же должен как-то отправить свою мысль в пустоту, не зная вопроса, чтобы моя честность не была подогнана под реакцию.

Они шли к Бронко и грузовику от дома Пансо под Сосной, а граф всё раздумывал:

«Не из такого ли дерева у доктора были дощечки?»

Вслух же он пожаловался пастору:

— Либо ногти чистить. Либо всё равно ногти чистить.

— Мы куда после венчания? — спросил пастор.

— К вам, — ответил граф. — Я к вам переезжаю. К вашему приходу прибьюсь. Прочь, шайкеры, не отмывающие с рубах пятна крови.

И он тихо запел:

— Меж камнями да в щель, меж камнями да в щель.

¶

§66. Догадка г-на Меса

[Аделаида]

¶

Существует устоявшаяся точка зрения, что перед смертью каждый человек мысленно в один миг как будто переживает, переосмысливает, переоценивает всю свою жизнь. Считается, что такова уж человеческая природа, когда даже тяжело больные, находящиеся в обморочном состоянии люди на какое-то мгновение приходят в сознание, и их мировосприятие в этот момент предельно ясно и лапидарно, а суждения – глубоки, реалистичны и объективны. Возможно, как никогда раньше.

— Чувствуешь? — спросил меня Черноглазик шёпотом, когда мы преодолели пару десятков узких и высоких ступеней вниз и оказались перед дверью.

— А ты откуда знаешь?

— Я тоже человек.

«Логично, — думалось мне, — будет предположить, что человек, который собственноручно решил покончить счеты с жизнью, обязательно должен в последний момент ещё и ещё раз мысленно охватить пройденный жизненный путь и окончательно утвердиться в избранном уже решении».

— Человек, которому не пришлось мотать срок в тюрьме, вообще мало чего стоит, — сказал Риттер. — Я такое слышал.

— Но ты же не сидел, — возразила я, борясь уже активно с ощущением абсурдности нашей этой беседы носами вплотную к двери из неизвестного вещества.

— Вот то-то и оно-то, — Риттер глядел мне глаза-в-глаза с расстояния в десять дюймов. — У меня не было возможности остановиться в скоротечном водовороте жизни, осмыслить себя, свою роль в нем.

«Ничего себе. Вот заговорил», — подумала я.

— Так что, не будем открывать? — призвала я черноглазого к какой-то конкретике.

— Надо подумать, — сказал он, подталкивая меня вверх, к выходу.

И мы поднялись обратно в дом.

Он свернул круглый ковёр в рулон. Проход и лестница растворились в стене.

— Мандала, — сказал Риттер с досадой.

— Чего ругаешься?

— Вспомнил. Мандалой называется такой рисунок.

«Действительно», — подумала я.

И мы покинули дом и даже весь городок, прихватив мандалу с собой.

⁂

После недолгого обсуждения «что делать?», мы решили ехать на юг, чтобы провести время на гоночном треке и в его окрестностях. Места эти легендарные в этом плане, сообщил Риттер.

— Что касается автогонок, то там – меко!

— Меко? — не поняла я.

— Ну говорят типа «меко для тех-то», «меко для таких-то».

— Мекка. Ну, да ладно – поехали. Ты скажи лучше, чего мы сдрейфили?

Видно было, что Риттер честно старается то ли сформулировать, то ли сначала понять.

— Вот смотри, Аделаида. Вот хочу я, скажем, купить мустанга.

— Лошадь, что ли?

— Ну пусть лошадь, хотя я про машину. Не важно. Хочу и хочу. И вот купил. Это ж приятно?

— Ещё бы, — согласилась я. Хотя у меня никогда не было ни то что Мустанга, но и чего попроще – тоже не было.

— Но ты понимаешь, мне приятно не только оттого, что у меня теперь есть мустанг.

— Пока не понимаю.

— Мне приятно оттого, что я смог. Что заполучил мустанг.

Я поняла, к чему он ведёт.

— Ты, думаю, про насыщение хочешь сказать. Тот же эффект везде. Чем ты образованнее, тем больше удовольствия от хороших книг. Но тем быстрее они кончаются. Зачем сразу съедать все вкусняшки? Ты об этом?

— Наверное, — без особой уверенности проговорил Риттер.

— Не от страха смотреть туда, вниз? Это нормально, так-то. «Человек», «антропос» когда-то значило «тот, кто смотрит вверх». Вверх. Не вниз. Это нормально убояться таких ступенек, ведущих вниз.

— Ты хороший товарищ, — сказал Риттер.

— Никакой я тебе не товарищ, — улыбнулась я. — Товарищ – от слова товар. Я с тобой не торгую. Я тебе соратник. А хочу стать – единомышленником. Садись-ка ты лучше за руль.

⁂

Мы сидели на плоской крыше огромного, протяжённого здания. Когда-то здесь был автозавод с треком для тестов, обустроенным прямо на крыше. Это был вытянутый овал. Теперь тут музей. Ретро-автомобили проходили кольцо по одному. Время от времени мимо нас пролетала машина с громким «вжухх», сбитой периодичностью отмеряя наше время.

До этого, ещё в Америке, мы, естественно, обсуждали мой пояс. Ведь именно его (и только его, по сути!) упомянул Хакон в момент того предостережения в коридоре перед туалетом на заправке. Теперь же, мысль моя снова закрутилась вокруг «рапиры Вирджинии-Ардуша», когда перед глазами жужжал пояс автотрека.

Риттер же рассуждал про дверь:

— Там бункер, скорее всего. Или тайное хранилище. Проблема в том, что должна быть защита. Уже там внизу. Когда зайдём…

«Ого, — подумала я, — так мы, получается, зайдём».

— … когда зайдём, надо будет замереть на минуту-другую. Самый простой жест для опознания «свой-чужой». Чужой будет головой вертеть хотя бы.

— Несостыковка в том, — сказала я, — что каминный вор сначала демонстрирует нам (как и другим непрошеным гостям) свою чудовищную мощь. Заставляет задуматься. Подготовиться. Как вот мы сейчас. Правильнее было бы запустить пониже без особых изворотов, а там укокошить. Газом, например.

«Вжжиххх», — пролетела машина по треку.

— Нанотехнология отсекает всех, — не согласился Риттер. — Почти всех. Походу, нам можно.

— И что же нас делает «своими». Лица, что ли?

— Твой пояс, конечно, — просто сказал Риттер. — Ты же его пыталась прежде «прощупать» приборами?

— Конечно. Ничего. Просто металл. Металлы. Разные.

— Тут одно «но!». Не факт, что ты – это ты. То есть, я хочу сказать, что пояс может быть другим.

«Вжжиххх!». «Аа», — протянула я мысленно с интонацией догадки. Довольно странно думать междометиями. Это, наверное, следующий шаг деградации. От образов к словам, а далее…

«Вжжиххх».

«Вжжиххх».

— Ты прав, Риттер. Слушай, а какая у тебя настоящая фамилия?

— Мес.

— Вот что, господин Мес. Ты чертовски прав. Причём проверить это – проще простого. Если стена не пустит нас без моего пояса, то мы в безопасности, если попытается зайти в ту дверь!

Не дождавшись следующего «вжиха», мы рванули к выходу и скоро снова были в пути. Дверь ждала нас!

⁂

Как мы и предположили, без пояса стена осталась просто стеной. Я вернулась за поясом в машину. Потом мы проверили, что одного пояса недостаточно. Мандала в определённом месте на полу тоже была необходима.

И вот мы вновь стоим перед дверью.

— Погоди, — отстранил меня рукой Риттер.

Он достал из кармана смятый пластиковый стаканчик для кофе.

Приоткрыл дверь буквально на пол дюйма. Ручка у двери была обычной, современной. Дверь подалась легко и бесшумно. Он расправил стаканчик и приставил его к щели. Оттуда вылетела муха. И оказалась внутри. Там зажёгся свет. Обычный. Никакого мистического оттенка в нём не было. Светодиоды из супермаркета. Больше ничего не произошло.

— Ты где её взял?

— В туалете поймал, в музее.

Я хмыкнула, мы потоптались с минуту, а потом вошли.

Помещение оказалось обширным. Под всем домом или около того. Но за счёт отсутствия внутренних стен и перегородок оно внушало своим размером уважение. По всем стенам были глубокие полки.

Муха сидела тут же, на ближайшей вертикальной стойке. Риттер вынул из другого кармана резинку. Такие в моём давнем, изначальном детстве вставляли в трусы. Длиной она была сантиметров двадцать. Один конец её был размочален и замазан чем-то коричневым. Риттер натянул её между правой и левой кистями рук, прицелился и ловко убил муху, внезапно отпустив размочаленный конец в направлении насекомого. Движение было настолько выверенным, что не оставалось сомнений в том, что счёт жертвам Риттера перевалил за многие тысячи мух. Я воздержалась от комментариев. Ну, не любит человек мух. Возит с собой эффективное оружие. У меня вот тоже на поясе оружие, которое постоянно со мной.

На полках оказалось банально золото. Множество слитков золота. На одной полке были кристаллы.

— Что это? — спросил Риттер.

— Кольский ашкрофтин, — ответила я. — В честь сверхглубокой скважины назвали. Одно время считался материалом с самым дорогим удельным весом.

— Удельным? Кого он уделал и за что?

— Просто термин. Короче, самая ценная штука на Земле. Это тут наверняка просто для понту, как ты говоришь.

— Да нет… — Риттер с сомнением прошёлся по бункеру-хранилищу. — Ненатурально всё это. Кстати, на Земле не эта штука самая дорогая. Я читал. Лунный грунт дороже.

— Я говорю – на Земле, — возразила я. — Лунный грунт на Луне.

— Так привезли же…, — удивился Черноглазик моему невежеству.

— Я тебя умоляю. Могли бы – привезли бы камень, как у тебя на углу участка.

— Так то, чтобы пьяные не сбили забор, — возразил он.

— А я что говорю. Так, пыль одна лунная. Это не грунт.

Тут явственно почувствовалось слабое, обычное, проходное такое землетрясение. Риттер не обратил внимания. Сложно, знаете ли, напугать жителя нашего Тихоокеанского побережья подземными толчками. Но здесь. Здесь это было редкостью.

— Тут землетрясения – дело нечастое, — сообщила я ему.

— Да? — удивился он.

«Он и в другой штат не выезжал ни разу», — поняла я. И замяла тему.

Мы осмотрели бункер от и до. Выдвинули некоторые ящики из полок. Наугад. За ними были просто стены. На это ушло какое-т о время.

Последовал ещё один подземный толчок. Такой же слабый.

И тут одна стена отъехала в сторону.

Что делать – мы прошли в следующее помещение.

Но помещения там не было.

Там было… Нет такого слова. «Пещера»? Нет. Это место было явно искусственным, от начала до конца. Мы стояли внутри титанической полусферы. Диаметр её был… А! Ясно, какой был диаметр. Окружность циркулем на карте. Два километра был диаметр.

— Так это лифт, — ошалело оглядывая снаружи бункер, из которого мы вышли, сказал Риттер. — Бункер – кабинка лифта. Удоообно чо.

¶

§67. Затмение воли мира

[Ардуша]

¶

Лифт, который мог доставить вверх на плато, конечно, существовал. Шахта находилась внутри скалы. Верхний портал подъёмника был внутри служебного павильона при орудии номер семь. Он не был предназначен для общего пользования. Ардуша поднялся на плато. Недалеко от орудия находилась беседка. Это были три огромные каменные скамьи, стоящие буквой U. Скамьи были как из музея. Вместо крыши была листва и ветви двух гигантских платанов. Игра света и тени на белом мраморе завораживала.

По соглашению аренды военные оставили за собой один шлюз охраны для проникновения на территорию гарнизона со стороны океана. Поэтому Ардуша не удивился, найдя в беседке людей. На одной скамье сидели двое мужчин лет сорока в настоящих античных тогах и в сандалиях из сыромятной кожи, а за их спиной стояла молодая женщина, в тунике зелёного цвета. Женщина обладала весьма спортивным телосложением. Мужчины были гигантские. Один рыжий, другой полуседой. Бородатые как дьяки.

Женщину и полуседого доктор уже видел как-то раз на Горе Счастья.

Откуда-то из-за кустов возник военный настоятель, в обычной одежде.

— Это наши ротные, — не стал он представлять сослуживцев по отдельности.

Раз уж они делали вид, что незнакомы с доктором, он просто одарил всех лёгким полупоклоном, одним на всех. — Извините нас за такие наряды. Расслабляемся, как можем.

— Какие новости? — спросил Ардуша.

— Нового ничего. Просто спорим, — ответила женщина, — «апокалипсис» в переводе с оригинала означает «откровение» или «катастрофа».

— Открытие истины, — ответил Ардуша, — не смерть.

— Мы заложили взрывчатку, доктор, — сообщил настоятель. — Во все указанные вами центры обработки данных.

Ардуша кивнул. Он ожидал вопросов. Цель визита военных не была ему известна. Его это не сильно волновало – в последнее время он забронзовел.

— Как вы думаете, доктор, — спросила женщина, — были поверженные техно-олигархи просто дебилами или же марионетками в руках матёрых гностиков из среды старой аристократии?

— Там ещё третья версия есть, — сказал рыжий мужчина. — Версия идейных социалистов.

— Да брось ты, — отмахнулась женщина.

— А что? Я считаю, что Скрипкин, например, был искренним фанатиком, — рыжий не унимался. — Но фанатиком, который понимал, что для того, чтобы завербовать людей в свою веру, ему нужно, ну, немного как бы там сгладить, срезать углы, подрихтовать противоречия, акцентировать внимание плебса на прекрасном новом будущем. Верил в свою миссию чудак.

— Где это он сглаживал чего? — возразил второй мужчина.

Ардуша почувствовал вдруг на своём плече крепкую руку – он почему-то не разглядел толком, как мужчина оказался рядом. Ардуша присел, наконец, на противоположную скамью. Рыжий рассказывал:

— Он использовал сознательно пассивные конструкции в публичных выступлениях всегда. Появятся, дескать, системы. Сами, ага. Могут, мол, появиться роботы. Тоже сами. Будет достигнут прогресс. Кем, леший его возьми?!

— Да-да, было много эвфемистического новояза. «Мягкая сингулярность». «Широкий доступ к суперинтеллекту», — поддержал полуседой.

— Точно. Самое забавное – это «новые политические идеи», — сказала женщина. А затем спародировала кого-то. Кого – Ардуша не знал: — «Вопиюсчая фьелософьская неграмотность».

Ротные загоготали. Ардуша вовсе не чувствовал себя не в своей тарелке. Он предполагал, что они в данный момент как-то его изучают. Возможно, каким-то излучением. Возможно даже, что какой-то нано-техникой.

— Надо признать, что Гриффин был прав. Он же так и говорил всегда, что единственная, мол, надежда моя, и это, собственно, одна всего позитивная новость, то, что степень именно философской некомпетенции и создаёт предпосылки, почему нас ждёт впереди множество интересных сюрпризов.

— Был свет, и тьма не овладела им. Вульгарный рационализм.

Наконец, Ардуша дождался. Настоятель сообщил то, ради чего они, видимо, и явились. В понимании доктора, нужды в визите никакой не было. За подрывы дата-центров было уплачено. Адреса известны. Говорить, в целом, не о чем.

— Тут дело такое, доктор. Никак нельзя исключить ответного удара, причём не только со стороны владельцев вычислительных мощностей. Ниточки могут привести, в частности, сюда.

— Вот же ПВО, — Ардуша указал на орудия.

— Мы, конечно, поставили уже дежурных. А сейчас даже мы здесь, как видите. Но гарантии нет. Это так важно? То, что вы задумали?

— Я уже говорил, — ответил Ардуша. — Если вы явились с какими-то детекторами лжи, могу повторить: резкое падение мощности, пусть и на время, даст мне возможность по-новому выстроить стратегию коммуникации с Авертигусом.

— Вы очень искренний, и это меня по-настоящему пугает, — сказала женщина. — Поймите, всё может пойти прахом. Вообще всё. Один мудрый врач, лет сто тому назад, изрёк так: «Власть – это торможение».

— И?

— Всё и вся каждого из нас в последние десятилетия провоцируют на ускорение. Все забыли, что на любую технологическую проблему можно дать антропологический ответ. Переводя на простой язык: нет той технологии, которая остановит святого к его пути к святости, — сказала женщина.

— Всё равно не понял, — признался Ардуша. — Вы сами чего-то опасаетесь, что ли?

— Есть немного, — ответил настоятель. — Есть причина беспокоиться. Откровенно признаться, это, наверное, ускорит политические процессы.

— Это фатально для вас?

— В принципе нет. Но знаете, это как выскочить в прорубь после горячей парной. Знаешь, что всё равно прыгнешь. Но как бы откладываешь миг за мигом.

— Ничем не могу помочь, коллеги, — с искренним сочувствием сказал Ардуша. Он провёл рукой, изображая, как ветер трепещет волнами их великолепные туники: — Радует, что жить вы умеете.

— Спасибо, — сказал рыжий. — Вы-то сами чего при таком параде в такую жару?

— Нужно было предстать перед важным человеком. До свидания. Взрывы должны произойти в оговоренное время. Спасибо большое за службу.

— Аделаиду благодарите, доктор, — устало сказал настоятель. — До свидания.

⁂

Когда Ардуша шагал к бункеру, на улице его перехватила Эмма:

— Доктор, можно фото с вами? — в руке у неё был старинный аналоговый фотоаппарат с функцией мгновенной химической проявки и закрепления.

— Почему нет, — ноги его чуть подкосились от жары и усталости.

Эмма сделала совместное селфи и была такова.

Через непродолжительное время Ардуша пришёл в офицерские казармы, упал, не раздеваясь, на свою кровать, лицом в подушку. Так он и застыл. Возможно, уснул.

Нет, не уснул. Передумал. О чём же и для чего предупредил его рыжий упоминанием человека с музыкальной фамилией, раздумывал доктор. Поиск в сети довольно быстро вывел его к идеологическим родственникам основателей анархизма. Опасаясь более всего, по уже многолетней привычке, конкуренции со стороны графа в области чёрной археологии, доктор отправился в бункер. Там он залез под три кресла, наугад, старательно пытаясь не запомнить или хотя бы быстро забыть их номера. Вытащил из их конструкции остатки древнего дерева тронов из зала доброславного Артура. А потом поменял их местами. Тоже как попало. И уже с ощущением благостного хаоса пошёл спать. Теперь сам чёрт ногу сломит. «Не съем, так поднадкусываю», — ухмылялся в невидимые, ещё в молодости сбритые усы доктор. — Так-то».

⁂

На следующий день с утра Ардуша был в «Седьмой башне».

⁂ ⁂ ⁂

[Седьмая Башня. Лог Ардушы]

С наступлением лета хорошие постоялые дворы переносят место утренней трапезы. «Сизый лебедь» был заведением приличным, завтрак накрыли в патио на аккуратном древесном настиле у белых стен под навесами кипарисов. Не один год садовник работал над деревьями, чтобы придать им вид выходящего из каминной трубы тёмно-зелёного химического дыма. Формальный садовый пруд населён хищными рыбками, что добавило тревожности. Группа служивых, явно поднятых по тревоге в соседних селениях и стянутых в форт, потребляют в счёт казённого формуляра завтрак, расположившись за отдельным большим столом. Скатерти нет, суетливые локти полируют древнее дерево столешницы. Жучьи крылья их коричневых камзолов так и топорщатся поверх табуреток. Ни один из них не потрудился снять форменную треуголку. В тех нет разносторонности углов: острые концы, направленные к затылкам, клюют каждый раз, когда лычко-носцы с чем-то соглашаются киванием.

Ардуша подошёл к одному из столиков.

— Здравствуйте, Вирджиния. Все думают, что персонаж ваш всё ещё едет. А он видите – тут уже.

— Посекретничать решили?

— Ага, — сказал Ардуша с вежливой улыбкой и добавил: — Я полагал, что вставать в такую рань для индивидов вашего круга противоестественно. Но коль уж вы здесь, одолжите мне немного внимания?

— Одолжу, чего уж. Отдельное спасибо, что я тут не старуха, а какой-то пухлый юнец, — произнёс член Отьства неверящих в нерушимость эфира с ожидаемым маристейским акцентом. — Оть Виргилий к вашим услугам.

— Разрешите присоединиться к вам за столом?

— Да-да, конечно, — Виргилий только сейчас понял, что Ардуше некуда сесть и чуть подвинулся с тихой резиньяцией.

Он показался доктору очень женственным. Он выговаривал все фразы со старательной заботливостью, с деталями. Обычно всё же выражаются грубее и проще. Впрочем, чему тут удивляться.

— Как вам ваш персонаж?

— Первую пару лет пребывания в свете я воспитывался, если можно так выразиться, морскими котиками.

Ардуша не нашёлся, что сказать. Зато проявилось встроенная в его персонажа склонность к мидриазу – зрачки его расширились от удивления.

— После кораблекрушения, — пояснил Виргилий. — Насчёт пребывания в дикой среде есть разные мнения. В нашем научном кругу доминирует взгляд, что процесс однонаправ-

ленный. Стоит отказаться от общения с себе подобными, или лишиться его волею судьбы, одичание неизбежно. Мы, конечно, судим лишь по отшельникам, большинство из которых – индивиды престарелые. Бродят мифы о мудрости подобных оригиналов, но на практике всё печально.

— Это похоже на утверждение о том, что можно, якобы, наблюдать каплю чернил, которая рассеивается, а затем снова восстанавливается, и так беспрерывно, — возразил Ардуша.

Ему становилось всё труднее тянуть время.

— Но это так, — сказал Виргилий.

— Звучит не только несколько антинаучно, но и в чём-то даже еретично, — съязвил Ардуша. — А что же, ваше Отьство признаёт подобные возможности объяснимыми? Предки таких явлений не упоминают.

— Родившие, — поправил член Отьства. — Мы называем их Родившими. Да, признаёт. Это незначительная ересь, по сравнению с недавними вступлениями в наши проповеди на Родине.

— И что же там? — тут же заинтересовался Ардуша, — очень любопытно.

— Вне протокола? — произнёс оть.

— Безусловно.

— Ранее считалось, что с предельной скоростью может двигаться только безмассовое, переносчики света и веса. Однако, теперь мы с отьями полагаем, что когда-то, на заре мира, всё было таким – предельно быстрым.

— В чём же ересь? — спросил Ардуша. — Вернее не так: каково практическое приложение этой теоремы, которое может покуситься на столпы веры или власти?

— По мере развития этих изысканий, может в своём первопричинном виде проявиться то, что мы все называем массой. А если мы поймаем за хвост поле, зохо-зохо, дух, которые мешают вещам ускоряться, изменится вообще всё в мире.

— Из предположения о способности всего двигаться предельно разве не проистекает следствие, что наша Вселенная во младенчестве претерпела случайную роковую болезнь, флуктуацию, в результате которой нарушились симметрии?

— Именно. Поэтому мы проповедуем в том духе, что не стоит к ней относиться так уж серьезно. — Оть спрятал глаза и подвернул губы в смущении.

И вдруг солнце померкло. В прямом смысле лексемы. Технически померкло. Небо выцвело, вместо облаков – какие-то угловатые пятна. Все вокруг замедлились.

— Блэкаут, — сказал оть, — затмение. Видал такое в других странах. Там чаще. Луна шалит.

— У тя же отчим оружейник знатный? — спросил Ардуша.

— Есть такое, — расплылся в самодовольной улыбке оть Виргилий.

— Пусть из вот этого сделает рапиру мне, лады? — Ардуша достал из-за спины мышку-норушку.

— Не вопрос, брат, — сказал оть в панибратском угаре. — Это чё происходит?

— Не могём быть не естественными, — сказал Ардуша. — Напруга упала.

— Чо?

— Вычислительная мощность.

— Воля мира, что ли? — ошалело спросил оть. — Ни хрена себе. Вот это детектор лжи, идрёныть корень. Как он такое смог?

— Кто? — совершенно уже сбрендил Ардуша.

— Авертигус, кто. Как он дотянулся до наших-то мозгов? Через чо?

— Подлая резина, — Ардуша не вязал лыка.

— Нахрена тебе Д'Жинго? — спросил Виргилий. Точнее, Вирджиния Тяжёлаястена.

— Взял себе второго «я». Чтобы когда я упаду, то ударюсь им, не собой.

— Умно!

— Проблема в том, что я по сравнению с ним комар.

— Да ну? — не поверил оть.

— Я тебе говорю. Он походу не человек!

— Чо, такое бывает?

— Всё бывает, — Ардуша был очень собой доволен. — Ну а ты? Чо? Как? Что будешь делать там, за горизонтом событий-то?

— Я буду пограничницей. Мне ничьи проблемы не нужны.

Ардуша одобрительно кивнул.

— Это дело. А ты кассу то подрезала вчера, как в инструкции рекомендовали?

— А то! — крякнул оть. — Вся у папочки.

Хлоп-хлоп по плотной ляжке.

— Молодчи-ина! Отец, Виргилио, деньгоносище, — панибратски похлопал по плечу отя Ардуша, — дайт-ко граблё!

— Воровать стрёмно, — с трудом создал оть простейшую реплику, буквально теряя самоосознание.

Ардуша стал молча просить бога забрать силу у ветра и отдать солнцу.

Солнце начало набирать яркость. Свет и тени довольно скоро вернулись к прежней норме.

— Лекарю выгодна ваша хворь, тележнику – поломка вашей повозки, крючкотвор и вовсе радуется всякой вашей беде. И только вор от души желает вам процветания, — уже вполне адекватно сказал член Отьства. Как будто ничего и не было.

После этого он, как ни в чём не бывало, вернулся к прежней ветке беседы:

— «Несерьёзное» отношение ко Вселенной не означает пренебрежения. Мы лишь полагаем, что «всё уже построено; мы можем только в этом жить» – позиция непродуктивная. Очень вероятно, что и материя, и пространство-время сделаны из одного и того же «материала». Принцип причинности, видимо, действительно нерушим: всё в мире «хочет» располагаться и взаимодействовать друг с другом наиболее «экономным» и «гармоничным» образом. Всё сущее ищет ту конфигурацию, где общая энергия взаимодействия минимальна. В том числе – тяжесть. Сущее не находится в условиях тяжести; оно и есть тяжесть. Точки мира – это снимки разных потенциальных состояний. Мир устроен так, чтобы общая сумма взаимодействий между всеми этими «снимками» была как можно меньше. То есть, природа выбирает такую конфигурацию точек и их свойств, чтобы всё было максимально «гармонично» и экономно. Жадность рулит миром.

— Спасибо, Виргилия. Было очень познавательно. Разбирайтесь, пожалуйста, со своим персонажем. Добро пожаловать в команду.

⁂ ⁂ ⁂

Доктор Корнелиус Ардуша покинул игру и бункер, кивнув по привычке старинному камину. Он снова отправился в казармы и занял на кровати то же постыдное положение, что и вчера.

¶

§68. Где же лыжи?

[Аделаида]

¶

Безнадёжное занятие описывать место, где мы оказались, словами. Оно не найдёт отражения ни в чьём личном опыте. Я и не буду усердствовать.

Всё было как на ладони. Это напоминало внутреннее пространство цирка. С той разницей, что размер был неприличным. И ещё одно отличие состояло в том, что вместо плоской арены был холм. Высотой, наверное, метров в триста. На его вершине мы и стояли. Тут был старинный граммофон. На маленьком таком столике. Пластинок не было.

Было прохладно. Весь пол искусственной мега-пещеры, если можно так выразиться, был покрыт снегом. Потолок выглядел пластиковым. Там высоко были лампы. Множество ламп. Выглядело это всё несколько безвкусно. Лифт, на котором мы прибыли, являл собой столб, квадратный в сечении. Он подпирал потолок. Я не думаю, что он являлся несущей конструкцией. Просто он уходил ввысь. Также вверху были конструкции-фермы. Я сомневаюсь, что и они несли какую-то существенную нагрузку. Прямо-таки телом ощущалось, что мы внутри какого-то монолитного яйца, а всё остальное просто прилеплено к его внутренним стенкам.

Жизни никакой видно не было. Может, её и не было вовсе, что плохо вязалось со множеством книг о жизни насекомых в доме наверху. Впрочем, исследовательский интерес «творца» этого места мог быть направлен как раз на истребление. Не было жизни, кроме микроорганизмов, конечно. Шлюза-то в лифте не было, так что избавиться от них никак не получилось бы.

Кроме лифта, было всего два строения. Одно – у подножия холма. Выглядело здание как водяная мельница. Это явно была просто стилизация, так как речка отсутствовала. Второе примыкало к стене монструозного цирка и рассмотреть его с нашей позиции не получалось – слишком далеко. Воздух, кстати, был прозрачен до неестественности. Я думаю, что если бы это место оставили в покое, то тут появился бы свой мини-климат. Облачка, конвекция, ветерок. Но тут было как в комнате завуча. Скучно. Безветренно. Сухо.

Вниз вёл простейший бугельный подъёмник. Точнее, он вёл, очевидно, наверх. Тут же стоял страннейшего вида ратрак. Корпус его был стилизован под чёрную карету века восемнадцатого. Вместо двух длинных гусениц он имел четыре, треугольной конфигурации.

— А где лыжи? — только и спросил на всё это Риттер.

— Внизу, — ответила я тоном директора спортивной базы.

Снег был рыхлым. Ноги проваливались по колено, поэтому мы пошли проверить, можно ли спуститься на ратраке.

Тот оказался электрическим. Он был в рабочем состоянии, и батарея была полной. Собственно, перед тем, как сесть в него, мы его отключили от розетки в стене лифтовой колонны.

Спустившись к мельнице, мы действительно обнаружили стойку с лыжами. Там стояло несколько пар.

Риттер, к моему великому удивлению, пошёл проверять, какие есть размеры ботинок. Он не старался вести себя так, как будто на каждые выходные выезжает за город и посещает пещеры маньяков-триллионеров. Он так себя и вёл!

Я дождалась, пока он убедится, что его размер присутствует.

Исключительно как дань профессиональной привычке, мы посидели какое-то время в машине, чтобы понаблюдать за мельницей. Никакого движения. Мы, правда, никакой опасности и не чувствовали. Появись в тот момент взвод солдат, мы бы подумали, что это голограмма – настолько сильна была внутренняя уверенность, что мы в этом микро-мире одни-одинёшеньки.

Мельница оказалась стилизацией не только по форме, но и по материалам. Сделана она была из досок и брусков, но не деревянных, а вот тех… каких-то пластиково-резиновых. Такие применяют на террасах недорогих ресторанов.

— Давай посмотрим на второе здание. Тылы расчистим, так сказать, — предложила я. — Потом будем в мельницу проникать. Жилая зона явно в мельнице.

— Погнали, — сказал Риттер, развалившись на сиденье. Одна его рука обнимала спинку моего сиденья.

Мы поехали по прямой. Дороги всё равно не было. Если бы был объявлен конкурс на проект самого скучного и минималистичного горнолыжного курорта, этот пластиковый «цирк» победил бы с отрывом. Минимальная высота горки, чтобы хоть как-то скатиться с претензией на развлечение. Скромная торговая точка для разлива глинтвейнов в бокалы. Боже мой, какие бокалы. Картонные стаканы высотой с пенис. И всё. И ни одного лишнего предмета. Никакого вида и пейзажа. Сколько же вбухано денег и ресурсов в это убожество?

⁂

Второе здание оказалось просто навесом. Из тех же псевдо-досок. Навес прикрывал вход в грот. Мы вошли.

Грот оказался штукой совсем иной природы. Совсем! Совсем-совсем!!!

— Чуешь? — спросил Риттер неизвестно о чём.

— О да, бейби! — ответила я.

Грот был небольшой. Каменный, естественный, но все своды его покрывала тончайшая резьба величайшего художника мира. Это не был ни узор, ни изображения чего-либо. Просто линии. Можно было бы назвать это абстракционизмом, если бы это слово не было загажено бездарными торгашами под маской художников. Это было великолепно.

Весь… нет, это не был пол. Это была, конечно, земля. Матушка земля. Всё внизу грота было покрыто чем-то вроде мха. Я присела, потрогала, понюхала. Не мох. Не трава-мшанка. Но что-то живое. Либо какой-то наномеханизм, в наше время уж и не разберёшь. Но я думаю – живое. Веяло жизнью.

Всё. Больше ничего там не было.

— Всё ясно, — сказал Риттер через несколько минут. — Это террариум. Весь купол – это просто резервуар воздуха для этого мха. Чувак нашёл эту пещерку как-то, потом вырыл сбоку от неё этот пузырь. Посмотрел, какой дом попадает на центр купола и купил его.

Я не могла не согласиться. Ощущение благоговейного великолепия, которое создавал мох, приводило всё прежде увиденное в соответствие. Скажем так, скромность этого места – это не безвкусица. Это дань уважения мху. Проявление желания не потревожить его какими-то лишними целями. Мох оказался не против, чтобы человек соорудил себе горку. Но дальше наглеть не стоило. Впрочем, возможно и горка являлась технологической, точнее физиологической необходимостью.

— Те штуки прозрачные наверху в доме – тоже террариумы, — сказала я в качестве согласия.

Темнело.

Освещение, очевидно, работало в соответствии с циклом Солнца. Сети связи здесь, конечно, не было, и мой девайс молчал. Я не могла быть уверена, что он показывает верное время. Однако, у Риттера на руке были старинные механические часы. Что не удивительно для человека, таскающего с собой аналоговый фотоаппарат.

Наступил «вечер». Мы поехали к мельнице.

⁂

Внутри мельницы была оборудована обычная квартирка. Кухонька. Спаленка. Кабинет. Кабинет был большим. Большой стол. Обычный: столешница из дерева и четыре ноги из бруса. Вся стена в полках. На полках – исключительно бухгалтерские папки. Большие, стандартные.

С дырой в торце, чтобы зацеплять пальцем и вытаскивать из тесноты соседних папок на полке. Цвета папок были беспорядочными. На столе было пусто. Только два нарукавника.

В кухне был запас консервированной и сухой провизии в вакуумных упаковках. Мусорного ведра не было. Снаружи тоже не было ничего для мусора. Его, очевидно, предполагалось забирать с собой наверх. Вода из кранов текла.

Я открыла одну из папок наугад. Тут же поняла, что это надолго. И предложила Риттеру завалиться спать. Так и сделали.

Спалось прекрасно.

Утром позавтракали, чем было, и Риттер ушёл кататься на лыжах.

Я же засела за чтение.

Записей было полно. Записи фиксировали всё!

Итак, это было логово Пола Вольтижёра. На это указывали многочисленные письменные свидетельства. Счета, чужие расписки.

Но я не чужой человек в этой среде. Я менее чем за час свела концы с концами.

Вот что я выяснила.

Пол, оказывается, страшно боялся Божьего Суда. Это было больше, чем паранойя.

Гидродинамик вёл всю чувствительную деятельность для Пола, имея дело с щепетильными моментами кармы и ответственности. Сам. Не от имени и по поручению Вольтижёра, как пишут в контрактах. А как бы сам. Даже передача намерений и заданий Пола в адрес Д'Жинго осуществлялась через третьих лиц.

Они сгрузили, например, вину за отправку зонда к Юпитеру на доктора Ардушу, хотя Пол, безусловно, мог решить вопрос одним коротким звонком.

Сверху присыпали всё это «кровавым соглашением» с аватаром Клогтя, дескать это Ардуша решил уничтожить мир в погоне за обладанием наедине, в новом мире, вожделенной малолеткой Эммой.

Относительно себя Пол, согласно своей системе «магнитных потоков кармы», вычислил, что ему «выгоднее» сдохнуть здесь, в этом мире. И медленно убил себя. Реальной болезнью. Непонятно, естественной или же само-наведённой.

Пол был адептом сразу нескольких культов. Суть его служения сводилась к тому, что он искал проявления предыдущей цивилизации. Подручный же его, Д'Жинго, косплеил того персонажа, про которого Полу удалось найти самые древние записи.

Риттеру, когда он вернулся, я сказала:

— Пол Вольтижёр был идеальным бюрократом.

— Бурокрот он. Бурил как крот, — заметил Риттер, утирая пот. Лицо его сияло счастьем.

— Не ворчи. Я нашла про пояс-рапиру. Я тебе прочту.

«Царственный воин хаоса. Единственный, кто способен победить подземного змея. Древнейший. Интервью г-ну Хомкову… Так… Из личного архива автора… Вот тут, ага… Признается химерическая природа. Подробнее о разборе иконографии см.: Тэйлор, И. Д., Вилкинсон, Р. Н., стр. 197-199… Да где ж это было? Вот… Брат его возрождается в загробном мире, давая каждому умершему возможность совершить аналогичную трансформацию. Передача власти от умершего царя к его живому наследнику, равно как и само преодоление смерти, оказываются невозможными без первоначальных насильственных действий воина хаоса. Наибольшего расцвета культ достиг в период двадцатой династии. Затем начинается постепенная демонизация образа. При написании имени детерминатив бога заменяется на изображение связанного пленника… Опять потеряла… Источники информации в кеметизме… Цира К. Л. поясняет, что «принципы» богов носят как частный, так и универсальный характер… Три понятия из списка характеристик были выбраны всеми опрошенными. «Воля», «сила» и «сексуальная энергия»… Проходит через пласты истории. Вот! Отобрал силой у сына убитого брата ценный и редкий прибор для визуального наблюдения из сорока восьми сегментов. Учил, что простота получе-

ния ценности не повышает ценность. Как нажито, так и прожито. Деньги, добытые разными путями – разные деньги! Коррупционные – особые. Их много в любой экономике, поэтому помогал царям создать отдельный экономический контур. Настаивал, что ценность есть ценность, только когда она то прибывает, то убывает. Чтобы ценить, нужно лишаться. В жизни должно случаться и худое. Если что-то только накапливается или иссякает – рассмотрение неверно. Изыскания должны строиться на инкрементах. Тогда колебания, включая сезонные и эпохальные, сами нормируются. Таким образом наблюдательно-сигнально-триггерное устройство позволяет свести процессы по времени в определённые исторические точки».

— Ни черта не понял, — извинился Риттер.

— Авертигус – это не РР, — разжевала я. — Точнее, не наш РР. Тогдашний. Древний. Из предыдущей цивилизации.

— А была такая? — удивился Риттер.

— Ну конечно. Ты думал, мы сами придумали генетически модифицированный маис разводить. Короче: он видит, но видит плохо. Артефактами. Это его сенсоры в нашем мире. Договор у Ардушы был вовсе не с Авертигусом, конечно, а с Клогтем, который просто играет. Это пшик, а не договор. Но артефакты реальны, они реально древние, и мы это видим. И Ардуша не дурак. Я думала, он возит меня по достопримечательностям, а он искал разные старые сенсоры и датчики. И в гробу он договор с Клогтем видел. Он сенсоры начал искать может быть даже раньше, чем Пол.

— А граф?

— Мне кажется, он один из посредников Пола. Пол ничего не хотел делать сам. Прикидывался, причём по-настоящему, бомжом.

— Поди чтобы вымолить себе прощение за такое богатство? — прикинул Риттер.

— Что-то вроде этого. У него в книгах учёт чуть не каждой конфетной обертки.

— Да уж. И что делать? — Сошёл наконец румянец с Риттера.

Я же – наоборот – только начинала входить в раж.

— По-моему, яснее ясного. Пока все бегают за креслами, искать то, что «нужно» Авертигусу. А ему в нашем понимании ничего не нужно.

— Вот-вот, — Риттер тщетно искал в ванной комнате тёплую трубу, куда можно повесить сушиться рубашку.

— У него мотивы, как у второклассника Педро, который сидит с палочкой возле муравейника. Педро интересует Саманта из второго «Бэ». А мы – муравьи – зачем-то думаем про высокие материи. Ему надо показать Саманту. Второй экземпляр.

— Думаешь, он озабоченный?

— Конечно. А как иначе?!

— Может, он не он, а она.

— Авертигус же. Ты бы назвал дочку Авертигусом?

— Ну да, так-то. Не назвал бы.

— И нам многого надо, — уверяла я Риттера. — Нам надо из муравьиных тел или даже из палочек составить что-то вроде мозаики лица Саманты из второго А.

— Бэ.

— Да. Бэ. Намёк нужен. И он не станет нас громить. Он уйдёт. Не нужно его пытаться шокировать, вызывая к нам интерес. Нужно намекнуть. Чтобы он подумал, что ему показалось, что он увидел лицо. И у него бы просто сменилось настроение.

— Типо как показать ему его самку? — уточнил Риттер.

— Ага.

— Нормальная тема, — дал оценку Риттер. — Ну что, поехали наверх? Я покатался уже.

И мы поехали.

¶

§69. Тут альфа, там омега

[Рату~]

¶

Утро шелестело торопливыми шагами обитателей гарнизона. Рату направлялась к зданию комендатуры. Недавно полученная должность обязывала быть одетой с иголочки. Комендант гарнизона – это образец для всех.

Рату не шла по кратчайшему пути от своего личного дормитория в старой пожарной каланче к блоку администрации. Нет. Она, со спокойствием рыже-бело-чёрной овчарки, делала обход ключевого периметра. С узловых точек она простреливала взглядом аллеи.

Конечно, и в кабинете у неё, и в персональных покоях имелись мониторы камер наблюдения и иных датчиков. Но личное присутствие ничем не заменишь. Кроме того, радикально правильный подход к делу коменданта запрещает реактивность. Это в обычных делах мы, скажем, читаем входящее сообщение и уже потом реагируем на него. Тут не так: исходящий от настоящего коменданта мотив рождается в его внутренней пустоте!

«А не как эхо чужих слов, — проговорила про себя комендант Рату, — не как эхо».

Итак, вооружённая эпистемологическим фильтром, отсекающим всё наносное, она углубилась для инспекции в квадрант, где проживали сектанты. У тех свои порядки. Не противоречащие Уставу. Нет, конечно. Но прямо сейчас, была уверена Рату, не одна пара глаз выглядывает осторожно из-за занавесок, чтобы предупредить кого надо. «Комендант идёт». «Рату! Рату!» Такие понеслись внутренние межсектантские послания. Разве добьёшься камерами наблюдения такого бдения? А служба и есть в основном бдение.

И «кто надо» вскоре появился. Как бы невзначай, с боковой аллеи наперерез, с Рату сблизился высоченный старик в белом модном плаще.

— Здравия желаю, комендант! — отчеканил он.

— Вольно, — сделала Рату намёк на формальный салют правой рукой. — Насколько доброе ваше утро?

— Люди перестают быть чистым шумом. Становятся наблюдателями наблюдателя.

Рату кивнула и продолжила свой путь. Каждое утро встречает она старика. Каждое утро она слышит не вполне понятную ей оценку, которую старик даёт текущему положению дел. Отличаются только места, где он её подлавливает.

Почему так происходит, Рату доподлинно не знает. Одно из условий службы сектантов – невмешательство комендатуры в их личное пространство. Работают лишь добровольные датчики на мизинцах. Каждый из сектантов вправе дать оценку любому моменту в жизни, сжав левый или правый мизинец. В одном случае – оценка позитивная. В другом – негативная. Впрочем, остаётся ещё опция сжатия двух мизинцев одновременно.

— Вы слышали? — не отставал старик. — Из шестерых оставались трое, у кого вопрос с персонажем не закрыт.

— Трое? — переспросила Рату.

Она знала про Эмму. У той не только персонажа не было. Дело обстояло хуже: заполучить его без беглого знания языка Ардушы крайне сложно. «В крайнем случае, — говорила сама Эмма, — запихнут меня в коня. Главное – пережить переход между мирами. В коня, так в коня».

Ещё Вирджиния. Для неё лишь недавно был приобретён через связи доктора персонаж. Доктору нужно было убедиться, что она в деле.

«А кто третий?» — не сразу сообразила Рату.

Она, конечно, не рассматривала Д'Жинго. Его персонажа никто не видел, но у него, казалось, с собственным транспорт-персонажем проблем быть не может.

— А кто третий? — спросила комендант старика по итогам своих размышлений.

— Вы, госпожа комендант. Вы.

«И правда», — внутренне удивилась комендант: свежесть утра была такова, что столь очевидные вещи не приходили в голову.

— Ваша правда. Ну, хорошего дня вам.

— И вам, комендант.

⁂

В здании комендатуры Рату промаршировала по широченному солнечному коридору. Задержавшись у двери в свой кабинет, она бесшумно нажала на ручку, затем четыре раза стукнула по косяку – в вершины воображаемого квадрата. Потом вошла. В кабинете был полумрак с оттенками синего.

Она повесила плащ на дешёвую казённую вешалку. Та, по дешевизне своей, качнулась и почти упала. Рату подхватила её:

«Надо что-то в противовес вешать. Но что? И где оно будет лежать до того, как я повешу плащ?» — рассуждала она про себя, борясь с непутёвым объектом.

— Как жизнь, комендант Рату? Вызывали? — в приоткрытую дверь неожиданно просунулась голова Эммы.

Комнату прорезало полосой света из коридора.

— Входите. Вызывала?! Вы же сами напросились. Как жизнь, говорите… да вот. Либо ловлю вешалку, либо стены ею царапаю, когда она падает.

— Неужели в гарнизоне нет для вас вешалки? — сказала Эмма.

— Это единственная, наверное, — улыбнулась Рату.

— Единственность предполагает оригинал, а у неё его нет, — ответила Эмма.

Рату настороженно взмахнула головой, как птица на гнезде.

— Что это вы в маске, Эмма? Болеете? И что вам надобно?

— Сегодня придётся весь день поработать, — сказала Эмма, поправляя крючковатые зелёные «огурцы» поверх рта.

Серьги-лунницы в её ушах элегантно качнулись.

— Революция в стране, если вы не заметили, — возразила Рату.

— Революцией больше, революцией меньше, а наше дело не терпит отлагательств, — веско сказала Эмма, чуть приседая в намёке на книксен. Платье её чуть колыхнулось.

Рату не двинулась. Эмма надавила:

— А у нас есть приказ. Оседлать персонажей. Вот и госпожа Тяжёлаястена недавно проявила готовность…

— У неё уже есть «ездовой»?

— Ему придётся пересечь две игровые страны и три таможни. А ваш – у нас на базе, в Фольмельфтейне.

— Ну и как она? — нехотя перешла к неприятной теме Рату.

Эмма звякнула серебряными лунницами и замялась:

— Она, собственно, не а… В общем, знаете, Д'Жинго говорит, иногда это весьма непросто.

— Я поняла, — сказала Рату. — Данный конкретный – с характером.

— Как у мустанга, — кивком подтвердила Эмма. — Но не всё так плохо. Я-то сначала подумала, что мустанг – это какой-то урод, но потом выяснилось, что это лишь тот, кто ходит, как урод.

— Хорошо, — сказала комендант. — Что мне нужно делать?

— Нанять в Игре саму себя.

— Поясняйте, — сказала Рату. — Постойте-ка, вы, надеюсь, не вздумали со мной играть? — угрожающе привстала она из-за стола и злобно хрустнула пальцами.

Эмма мгновенно изменилась. Вся. Лунницы тоже замерли.

— А вы подвиньте стульчик и садитесь. Я поясню, — Эмма стала прохаживаться по кабинету, рисуя шагами на полу само-вложенные квадраты. — Вы будете действовать от лица того, кто потенциально может нанять вашего персонажа. Ваш персонаж – уже во многом вы. Вот и посмотрим, устроите ли вы саму себя. Найдёте ли способность отнестись к самой себе с должным доверием.

Рату сидела с нервно закушенной нижней губой.

— Я смогу пользоваться лишь одним из трёх «рулей»? И в нанимателе, и в нанимаемом? — спросила Рату скорее «для протокола» и с видом усталого равнодушия прикрыла глаза.

— Ну конечно, г-жа Рату, конечно. Всё как в реальной жизни. Пойдёмте, хорошо? А за революцию вы не беспокойтесь, до нас не докатится. И на плацу мы порядочек наведём, — продолжала Эмма бубнить через косынку.

⁂

Как только они вышли на улицу, Эмма предложила зайти к ней на квартиру. Точнее, она сказала, что это методологически необходимо.

— Наладился ваш быт в гарнизоне? — поинтересовалась Рату, согласившись на эту прогулку.

— Вполне. Д'Жинго организовал мне две студии.

«Две?» — подумала Рату.

В голове её пронеслась очевидная мысль о коррупции, но она тут же вспомнила, что активы внутри гарнизона неликвидны.

«Ни продать, ни сдать в аренду», — заключила Рату.

— Уютные? — спросила она. — В женских казармах?

— Да. На противоположных краях территории.

— А, понятно. Место работы и дом?

— Для меня это скорее «пятно альфа» и «пятно омега». И там, и там – по рабочей станции.

— Оригинально. И что на тех станциях?

— Можно читать логи, — ответила Эмма.

— Это итоговые потоки рассуждений персонажей?

— Доступных персонажей, — поправила Эмма. — Ещё могу наблюдать видео их похождений. Со звуком.

— Рулей влияния на них у вас, полагаю, нет?

— Нет, конечно. Нет даже возможности послать персонажам сообщение. Просто два рыбьих глаза для надзора.

— Строго всё у вас, — сказала Рату. — Так зачем две?

— А, — отмахнулась Эмма. — Мне так проще. Вы знаете, я когда в студии «альфа», называю себя Эммой-альфа. И наоборот.

— Что наоборот?

— Между моими-то рабочими станциями связь есть, — туманно пояснила Эмма. — Впрочем, называть себя мне приходится не так уж и часто.

— Я не поняла, Эмма. Мы сейчас идём… в студию Альфа, верно?

— Ага.

— А зачем?

— Я составила эссе. Тема такая: «Текущее состояние моста между задачами “прямо сейчас” и целью “на веки веков”». Я ещё подумала, может надо написать «вечные», а не «на веки веков».

— Я теряю нить ваших рассуждений, дорогая, — сказала Рату.

Эмма как-то встрепенулась, приостановилась и оправилась.

— Смотрите: я отправила эссе с терминала альфа, выключила его, вышла из студии, заперла её и отправилась изучать это эссе, которое я получу на другом конце гарнизона на терминале омега.

— Зачем так сложно?

— Я буду к тому моменту Эммой-омега.

— С чего бы вдруг?

— Мало ли что может случиться по пути.

— Я поняла, — улыбнулась Рату. — Вы меня психологически готовите к опыту… к испытанию расщепления личности в игре?

Эмма не ответила ни да, ни нет. Рату, однако, было ясно, что так и есть. Они шагали по гравию в утренней тишине.

Их внимание привлёк бой барабанов. Надо сказать, что он привлёк бы чьё угодно внимание. Они пошли на звук.

⁂

«Даже если ваше раздвоение личности принимает такой намеренно-гипертрофированный характер, как у двух Эмм (альфы и омеги), — подумала Рату, — от этого удары здоровенными деревянными наболдами по войсковым друмам не становятся миролюбивее».

На сборном месте была толпа сектантов.

«Почему я каждый раз циклюсь на том, что они сектанты? — подумала Рату. — Если так разобраться, в гарнизоне никого, кроме них, и нет почти».

Они подошли поближе.

«Ах, вот, наверное, почему», — поняла Рату.

В сердце толпы у некоторых людей в руках были портреты графа NN.

— Люди! Те, кто родились, и те, кто ещё не умер. Спешите к созерцогу. — Такие слова неслись из громкоговорителя. Орал кто-то из сектантов.

— В созерцавель! В созерцавель!» — раздавалось в ответ.

Рату обернулась к Эмме:

— Что за цавель?

Эмма сказала:

— Видимо, формальный ответ на формулу общего сбора. Сектанты, что с них взять.

// вот а вы говорили не докатится!

// сбор и проблемы в гарнизоне

// с вами очень сложно - вас крайне трудно «вытолкнуть»

— Откуда вы знаете?

— Отказываются

— Вы поэтому ждали такого дня?

— Я надеялась // что получится

— Почему вам это так важно?

— Мы все без вас не сможем уехать

— Неприятно быть в центре внимания. Таким вот манером.

— У меня проскальзывает… ещё хуже. Такое чувство, что я и родилась-то только для того, чтобы вас вытолкнуть.

— Что больше никто не может?

— Никто. Нужна сила. Нужно раскачать меж двумя упорами - а потом резонансом вас, резонансом.

— Так трудно?

— Вы очень липкая

// временная палатка

// девушка статуя с багром - было раньше весло - багор из каланчи

Они не стали отвлекаться ещё дольше и продолжили путь к студии «Омега». — Скажите, Эмма, а сам доктор… он как? Хорошо совладал со своим персонажем?

— Ардуша то? Да, персонаж есть. И он им довольно много пользуется. Ну это и правильно: он всю эту кашу заварил, он и должен был получить свой «транспорт в новую жизнь» первым.

— Справедливо.

— Нареканий с его стороны нет.

«Гидродинамик выполнил свою задачу на отлично», — подумала Рату.

— Ну а что у академика Хакона? — спросила она.

Она слегка мандражировала перед процедурой. Опыт коллег, точнее знание о нём, – это было для неё важно.

— Ну понимаете, — пояснила она Эмме, — мне желательно как-то эмоционально разгрузиться сейчас.

Рату шутливо показала Эмме трясущиеся ладони.

Эмма негромко рассмеялась:

— Надеетесь услышать о проблемах других? Что ж, слушайте: после того, как Хакон оказался в гарнизоне, ему пришлось неделю лечиться.

— Что-то серьёзное?

— Пе́репил!

— Пе́репел?

— Долгий запой, — сказала Эмма. — Но на сегодня его персонаж вполне освоен. Академик чувствует себя в нём комфортно.

Последняя фраза была произнесена протокольным тоном. Эмма продолжила нормальной речью:

— Он – как и доктор – тоже много им пользуется. Чаще всего, собственно, на пару с доктором.

— Пользуют одного персонажа вдвоём?! — удивилась Рату.

Глаза её округлились.

— Не-ет, — пропела Эмма. — Они забираются каждый внутрь своего и идут… куда они там идут, кто его знает. Мне не положено подглядывать за доктором. Но, судя по картинкам из глаз персонажа академика, ничего непотребного они не делают. Так… пьянка, мыльня, молитва, пьянка, мыльня, молитва.

Рату хотела было осуждающе поцокать языком, но тут снова зазвучал громкоговоритель.

— Каждая революция, — вещал диктор на пол гарнизона, — как символ великого делания, полна значения, кроме тех случаев, когда о ней рассказывают очевидец, участник или организатор.

«Сектанты», — ещё раз отметила про себя Рату.

— В сознание не помещается эта революция, — пробормотала Эмма.

— Да уж, — согласилась Рату. — Своевременно, но не уместно.

Они продолжали путь к станции Омега. Рату не могла стабилизировать свой настрой.

— Вы не хотите меня теоретически подковать, Эмма? Пока идём.

Эмма на секунду задумалась. Затем спросила:

— Я не поняла, что вас беспокоит? То, что касается стратегической задачи?

— Нет, базу я вполне понимаю: надо нырнуть в новый мир как бы «на коммунальном подселении» у персонажа. В его «голове». Но она же непись! Как можно быть внутри непися?

Эмма аж камешек пнула от возмущения:

— Вы что же, значит, собрались дискриминировать тех, кто изначально создавался как РР-агент? — переспросила она Рату. — Ну ладно я. Я не собираюсь вас наказывать. Но непись – оно существо буйное..

Нагоняй, который Эмма собиралась было устроить Рату, прервал прохожий. Молодой парень. Намерения его были очевидны. У него разве что слюни не текли, когда он бросал взгляды на Эмму

И действительно, дальше последовали многословные предложения Эмме чего-то там поделать сегодня вечером.

К удивлению Рату на этот случай у неё был инструмент. Эмма достала фотокарточку. Настоящую! Сделанную древним полароидом. На ней были запечатлены она и доктор Ардуша. Вдвоём. Лицом к лицу.

Потенциальный ухажёр сразу отвалил.

— Итак, — невозмутимо продолжила Эмма, — почему каждый или каждая непись потенциально опасен или опасна буйным помешательством? Знаете?

— Не имею ни малейшего представления.

— Ну тогда думайте, — огорошила Эмма коменданта своим чуть ли не прокурорским тоном.

«Это просто как подготовка к экзамену», — подумала Рату.

И стала думать.

«Если существо не знает, зачем живёт – а непись не знает, – то смиряется», — рассудила Рату.

И решила сразу этот тезис проверить:

— Эмма, вы знаете, зачем вы живёте?

— Не знаю, — тут же ответила та, нисколько не удивившись вопросу.

«Не знает, — думала Рату. — Но она, Эмма, наверное говорит сама себе…»

Эмма в этот миг сказала:

— Я себе просто говорю: «Ладно, матушка, что уж там, будь как будет. Поживём – увидим».

Рату сильно удивилась, но виду не подала. Комендант, всё-таки.

— И непись не знает. Так?

— Не знаю. Может и так. Но он же, зараза, знает, что достаточно переписать где-то цели и награды, и тогда – всё.

— А что всё? — спросила Рату.

— Да мало ли. Но переписать-то можно?

— Можно.

— Ну вот, — беспредметно заключила Эмма. — А как занять буйного, чтобы он не был буйным?

Рату не поняла, в каком месте логической цепочки непись оказался неизбежно буйным. Решила, однако, выяснение отложить до того времени, как начнутся практические занятия.

— Есть хотите? — спросила Эмма.

Сама она покупала себе хот-дог у сектанта с тележкой.

— Революция (или что у них там опять) нарушила мои планы за завтрак, — пояснила Эмма. Так вот: чтобы занять буйного, есть один-единственный способ. Доказано математически. Надо, чтобы он искал себя.

— Почему?

— А потому что никогда не найдёшь – вот и будешь перманентно занят. Вот я сейчас. Я, Эмма. Я что делаю?

— Идёте от себя к себе, правильно? — сказала Рату.

Она хотела так пошутить. Но не получилось.

— Правильно, — сказала Эмма. — И то, что я разговариваю с собой по пути – это вообще-то не по правилам. Вот когда дойду до станции Омега, прочитаю, что там написала

Эмма-альфа, вот тогда можно ответить. Но нет, я постоянно нарушаю правила. Такова природа альфы и омеги. Такие дела. Тьфу ты, леший меня возьми, вся обляпалась.

Эмма оглядела подол своего платья.

— Мерзкая в этой Америке горчица. Один цвет чего стоит. Ладно б был оранжевый. Ежели, положим, ты ищешь саму себя. В буквальном смысле. Получается как? Кого-таки нельзя найти? Себя. Я вот, скажем, сейчас сделала шаг по этому гравию, сместилась. Выходит, что меня нужно искать уже в другом месте. А я-то целилась, прикидывала, как накинуть аркан себе на шею, с той позиции, со старой. Я уже было приноровилась, поплевала в ладони. А тут – бац. Цель сместилась. Кто относительно кого – непонятно. Идеальная задача. Неразрешимая. Она занимает самым безобидным для окружающих образом самых буйных.

Поэтому Д'Жинго и придумал, что вся наша группа будет искать всю дорогу кого-то, кого просто нет. Когда Авертигус начнёт портировать наши мозги, пересаживать их содержимое себе в новый «компьютер», мы же наверняка немножко сойдём с ума. Может даже забудем, что ели на завтрак. И как тогда? А если мы будем при деле, будем кого-то искать, кого и найти вовсе нельзя, то ангелы небесные всегда будут при нас. Замечательный план.

Эмма вошла в оформленную в оранжевых тонах студию и включила рабочую станцию. Д'Жинго перепутал местами альфу и омегу. Надо было оформлять оранжевой ту студию, а эту – чёрной. Ничего не понимает в таких делах. Блудит в двух соснах. Эмма застрирала замазанный горчицей подол платья в раковине, не снимая его. Не без удовольствия увидела в зеркало, что там под платьем.

«Зачем и почему нас шесть человек? Так, если разобраться, зачем? — думала Эмма-омега, включая рабочую станцию. — Ардуше, может, и очевидно, но он не говорит. Мы, однако, всегда можем сказать, что шесть собрались, чтобы искать седьмого. Но седьмого нет. А и не надо! Поди докажи, что не так.

Эмма увидела на экране техника в центре связи. Она застала его, сквозь свой терминал наблюдения, лежащим на застеленной постели в сапогах, закинутых из соображений гигиены на верхнюю планку стандартной казарменной кровати.

— Не по уставу, — сказала Эмма вместо приветствия. — Обзор с позиции персонажа «Рату-1» мне включите, пожалуйста.

Получив осознание, что за ним наблюдают, техник пару раз крякнул, встал, оправился (подтянул ремень, то есть, не совсем уж в прямом армейском смысле оправился) и пошёл выполнить приказ.

⁂ ⁂ ⁂

«Я, Аделаида Рату, второго-ранга-дознаватель Управления изысканий республики Иллюмирос, нахожусь в собственной канцелярии», — сказала я зачем-то сама себе. Или сказал?

Я достаю из лотка «входящие» очередное дело и бегло его просматриваю. Кто-то, анонимно, жалуется на холопа тележной мастерской при монастыре. Один из горожан выдвигает запоздалое обвинение, что его повозке скрытно (в малой, но достаточной степени) навредили с той целью, чтобы он, пострадавший, был вынужден раскошелиться на внеплановый ремонт. Я решаю наведаться в мастерскую.

Предприятие действительно находится на территории монастыря, однако с нюансом. Напротив – въезд на ипподром. Видимо, основная клиентура оттуда. Ворота мастерской распахнуты. Трудники на месте. Я за несколько минут выясняю, что смены состава за последние семь селен не было. А за следующие полчаса выуживаю, что да, имел место такой случай. Сознался бедолага. А куда он денется, если правильно поставить диалог.

Вынужден был, признаться, представить, в красках, как я беру сверкающую белым бытием нить лжизни, ведущую от моего затылка к самому небу, оборачиваю вокруг шеи мужичка и… Тут он и съехал. Не пришлось реально тратить артефакт.

Имя автора подмётного письма я тоже выяснил, и на кляузе подпись обидчика получил. В обязательном порядке. Работать мы обучены. Работать мы умеем. Да здравствует Теневой Кабинет! Чтим Предков! [когнитивный сбой, 2ms]

Зачем, спрашиваю, вредил. Жертва моего изыскания – индивид в средних летах – молчит. Уши собольей шапки нагло покачиваются. Траппер в прошлом, думаю.

Не знаю, что меня кольнуло не в то место – забываю, зачем пришёл. Спрашиваю у тележника, а не в их ли мастерской выковали такой приметный знак на задник колы, в виде гарцующего коня.

— Да что Вы! — снисходительно улыбается слесарь, — это тавро одной из самых престижных арганорских мануфактур.

— Вот как, — удивляюсь я. — А что, любезный, видел ли ты у нас в городе такую?

— Видел, как не видеть. Делали ей даже замену колёс.

— Зачем ей замена колёс? Она же совсем новая. Я её видел.

— А Вы сами посмотрите, — потянул меня на внутренний двор трудник. Через несколько шагов он опомнился и спросил, — Вы, надеюсь, имеете право; в рамках изыскания?

— Всенепременно.

Под навесом стоят четыре треугольных монстра из потустороннего мира. Я присел на лавочку, благо прямо тут и подвернулась. Снял шляпу. Тут же был столик и жаровня с углями для подогрева блюд и напитков.

— Может, эликсирчика? — участливо спрашивает работник.

— Наливай!

К напитку монахи принесли горячие мясные пироги, обильно сдобренные маслом.

— Поясняй, — велю я, откусывая уже от второго пирога.

— Вот эти сосиски, которые припутаны с внешней стороны, они на дорогу опираются. Это рыбный пузырь, от рыбы какой-то из южного моря. Не проткнуть. Шилом, если постараться, то можно. А гвоздём ржавым – нет. Треугольник из тонких стальных членов сработан, словно гусеница. Три колеса в основаниях треугольника подрессорены, каждое по отдельности. На таких штуках и по дороге можно, и по снегу. Даже по глубокому, если лошади пройдут, конечно.

— Шик. Зачем владелец их снял? — кручу я подбородком. — Что за кола без колёс?

— Не могу знать, — начинает было слесарь, но после моего молчаливого прикосновения к жетону говорит, — «светиться» не хотели. Так и выразились. Хотя какой уж тут свет, тьма чёрная.

— А чего же они тогда тавро не свинтили?

— Это была бы манипуляция, с явным изнароком ввести в заблуждение. Сами кодекс посмотрите.

— Надо же, — не в первый раз я пожалел о своей низкой успеваемости в Академии изысканий. Тут трудник явственно засуетился глазами, заёрзал как-то и предложил:

— Новая сделка?

— Жди, — говорю.

⁂ ⁂ ⁂

На пути из Омеги к Альфе, Эмма сделала остановку в центре связи. Она застала г-жу Рату в мозгоглюй-кресле и в расстроенных чувствах.

— Неужели это я? — Аделаида в задумчивости «трогала» пространство в окрестностях своей верхней губы, подобно тому, как некоторые мужчины поглаживают усы.

— Смущает, что это тележник-трудник, да? Выбросьте из головы. Сословия в новом мире вряд ли сохранятся; «железной» прошивки этого фактора нет. Важен характер, мотивация. Всё остальное приложится.

Эмма подала Аделаиде воды.

— Но у вас есть настоящий повод для беспокойства. У вас не получилось, Аделаида. Вы не смогли нанять сама себя. Пробуйте ещё раз. И не думайте вы о судьбе тележника. Я вот, например, и вовсе конём буду.

— Что, правда?!

— Конь же разговаривать не умеет. Как и я. Причём не факт, что коренным конём. Д'Жинго не нашёл пока такого. Так что либо пристяжным, либо и вовсе в банальной четвёрке, а не в птице-тройке. Чего сильно не хотелось бы.

У Аделаиды не было слов.

— Пробуйте, коллега, пробуйте, — по-профессорски настроила Эмма Аделаиду на Игру. — В уборную не забудьте сходить предварительно. Вы теперь видите, как вы сами себе зубы заговорили? Разберётесь? Сами-то с собой… Ну, я за вас спокойна – вы смогли его на паузу поставить. Он того и гляди зарядил бы вас каким-нибудь нонсенсом и выпроводил, не солоно хлебавши. Ну, то есть не он, а вы сами.

Аделаида кивнула и Эмма-омега продолжила путь к студии Альфа.

⁂ ⁂ ⁂

«Я, Аделаида Рату, находясь в тележной мастерской», конечно, понимаю, что трудник хочет продать мне какую-то информацию, причем вне протокола и в отрыве от всего предыдущего контекста. Денег от меня он не может ожидать, не тот у меня костюм. Выпить, опять же, предложил. Олух я, спору нет. Но, с другой стороны, я не только в служебный журнал свою инспекцию сюда не внёс (это, учитывая специфику моей работы, обычная практика, не говорить гоп, пока не перепрыгнем), я даже не сказал никому, куда пошёл.

Можно и уйти просто, в случае чего.

— Принято, — говорю я, понимая верхним умом, что даю слабину. — Давай сделку.

— Кола та – пуленепробиваемая. — Трудник сказал именно то, что сказал. Я всё-таки переспрашиваю:

— То есть, если в мушкет или штуцер насыпать пороху, забить свинцовую пулю, выстрелить в упор в стенку коляски, то фрагменты свинца не попадут во внутреннее пространство?

— С десяти шагов и далее – нет! — И он для убедительности делает жест рукой, всеотвергающий такой, энергичный.

— У вас эти гады что делают? — киваю я на четыре огромных треугольника.

— На сохранении. Под сенью Предков.

Я поднимаюсь, водружаю шляпу, бросаю подписанную кляузу в жаровню, жму труднику руку формальным «рекоцилео» и иду восвояси.

Зачем я ушёл? Как мне вернуться? Я присаживаюсь на лавочку в сквере подремать. Просыпаюсь, достаю из широкого обшлага своего сапога документы. Три инвентарные позиции. С первым просто – купчая на колу. Действительно арганорского производства, на индивидуальный заказ сделанная. Дальше: карточка необычного содержания. «Взаимонаправленное сосредоточение предложений о покупке и продаже информации и активных действий, применимых в области сдерживания или провоцирования каменного кораблестроения». Это я просто выучил, на всякий случай, а потом сжёг, от искушения подальше. Третья инкунабула – на языке Предков. Решаю на этой основе снова нанести визит труднику.

Тот не рад моему новому визиту и скрывать этого не стал.

— Доброе утро, мастер… — тут он внимательнее смотрит на жетон, — магистр.

«Неплохое очередное начало», — думаю. Я поднял во сне свой сан! Вот я молодец. Так, зачем я здесь? Не помню, но стараюсь развить успех:

— Я по делу, уважаемый, надолго тебя не отвлеку. Может, присядем, — увлекаю я его во внутренний двор и занимаю место так, чтобы устроившемуся напротив труднику солнце светило в спину. В важной процедуре нет второстепенных деталей, а я люблю свои процедуры.

Я кладу на стол монету в пять тэллеров, которую предварительно выбрал из самых незатёртых, а после этого отполировал об войлок моего зимнего унта. По лицу трудника я убеждаюсь, что ярко сверкнувшая в выгодном освещении монета произвела нужное мне впечатление. Он не умеет читать воздух, и это хорошо.

— Тут оплата тебе подоспела по договору долгосрочного обслуживания той чёрной арганорской колы, с оплатой в конце каждой селены, — говорю я, выкладывая на стол бумагу. В догонку – купчую на колу. Почерк в договоре и в купчей совпадает. Датировка: селену назад.

— А как же господин владелец… — начал было трудник, но я прерываю его.

— Умер, — говорю. — Веду вот изыскание, закрываю его долги.

Я нагло вру.

— Договор подпиши, будь любезен, а то в прошлый раз недоработали. И колу перегони на вашу скрытую стоянку, пока изыскание идёт. Вот поручение.

Он отвёл взгляд вправо-вниз и потрогал ладонью заднюю часть своей шеи, выражая спокойное попустительство.

Тут я высыпаю на стол ещё шесть монет по пол-тэллера, тоже заблаговременно прошедших предпродажную подготовку валенком:

— И катки обратно переставь на изначальные, будь добр. Это уже по соглашению с моей канцелярией. Бумагу по факту выполнения работ принесу.

Пока трудник ошалело пересчитывает деньги, я театрально в полуобороте махнул ему шляпой «счастливо оставаться», сделал вид, что ухожу, не забрав подписанного им договора, но к тому моменту, когда трудник ссыпал монеты себе в кошель, я оборачиваюсь:

— Да, кстати. Чуть не забыл. Жалобы тут поступали на тебя.

Зараза! Ну что за леший меня дёрнул!?

Он поджал крайние фаланги пальцев правой руки в выражении раскаяния.

Смотрю на него в упор. Кисть второй руки положил на договор. И указательным… по месту подписи легонько постукиваю.

⁂ ⁂ ⁂

На пути из Альфы обратно к Омеге Эмма-альфа сделала привычную остановку в центре связи.

— Это не то, что нужно, Аделаида, — вынесла вердикт Эмма. — Это провал. Вы опять сами себя то ли отвлекли, то ли обманули. Пойдёмте на обед. Время у вас есть, а сил нет.

Отбыв молчаливую, но сытную трапезу в столовой, они вернулись к мозгоглюй-терминалам.

— Знаете что, возьмите мою косынку, — Эмма сняла маску и вложила её в ладонь Аделаиды. — Когда эта падла… ой, извините, когда вы сами снова попытаетесь водить вас за нос, вы эту тряпочку сожмите. Смотрите, видите, какие здесь замечательные огурчики кривенькие. Вы такой огурчик вставьте обидчику прямо вместо носа, под жёсткие его усы. Будет знать. Я туда надышала, конечно. Но оно, может, и к лучшему. Надеюсь, закашляется хитрожопое создание. Там, кстати, ещё немножко горчицы попало. Ну, работайте.

И Эмма отбыла на Омегу.

⁂ ⁂ ⁂

У стойки портье я [персонаж Аделаида Рату] получаю отлуп, в том духе, что если каждый встречный будет представляться подчинённым одного из наших постояльцев, нашей гостинице придётся переквалифицироваться в секретариат.

Признав облокуцию портье адекватной, я прошу его узнать, где обитают подручные моего будущего патрона. Тот ответил, что безликий путешествует без подручных и даже без слуги. Это не просто странно, но подозрительно. У дознавателя такого ранга должно быть минимум два порученца, приставленные по штату или вольнонаёмные, по желанию самого дознавателя.

Приходится идти на подкуп. Я прошу портье отнести дознавателю записку, приложив монету в целый тэллер. Сработало. Тот сходил наверх, быстро вернулся и самолично провёл меня в палаты на третьем этаже, под крышей. Помещение как минимум двухкомнатное; я сижу в первой комнате и жду, пока безликий выйдет. Он заставляет себя ждать не более трёх минут.

Типичный служивый крепкой комплекции. В служебном тёмно-бархатном балахоне с глубоким капюшоном, но с открытой головой. Балахон не скрывает носков сапогов, кожа которых показалась мне посредственной для индивида такого достоинства (безликий – высший ранг дознавателя).

— Магистр Рату, приветствую Вас официально, — произносит он, чтобы столкнуть беседу в строго формальное русло. — Я предлагаю следующие замены в категориях наших бесед: вместо намерения – конфигурация; вместо оценки – перспектива. Также предлагаю обязательные дополнения в набор столпов взаимной коммуникации: принадлежность и протяжённость.

Ого, нешуточный врачъ.

— Понял, — просто отвечаю я.

— У Вас есть, что доложить в качестве рапорта по делу?

— Так точно.

— Излагайте.

— Я изъял у одной из жертв методичку по финансам на языке Предков, адрес явки на предмет ледоколов, пуленепробиваемый вездеход арганорского производства под двух лошадей с купчей, — не стал я тянуть кота за хвост.

— При каких обстоятельствах? — спокойно спрашивает дознаватель, хотя мне показалось, что на понятии «ледокол» его зрачки слегка сдвинулись влево и вниз.

— Он хотел меня убить и привлёк десять сообщников, — просто отвечаю я. — Получилось наоборот.

— Похвально, — сказал дознаватель через пять ударов сердца, — маэстро Бозейдо к Вашим услугам.

Он протягивает мне руку. Я с удовлетворением отвечаю на рукопожатие и приношу Клятву строгой, сжатой в струнку ладонью к небу – «урар».

___ [сбой памяти]

Трудник не удивился, когда я на мгновение показался ему из-под маски безликого. Но на требование накрыть на стол вытягивает физиономию.

— Заплатим, — успокаивает его Бозейдо.

Нам подали крупную курицу с вертела и варёные земляные яблоки с квашеной капустой. Пока ждали еду, нещадно накачивались монастырским.

— Ваша служебная форма становится в Фольмельфтейне обременительной, — замечаю я Бозейдо. Я снимаю балахон и передаю труднику с просьбой застирать свежие пятна. Маску прячу в сапоге. Маэстро меня понял правильно:

— Действительно, в высшей степени необычно, что простецы демонстрируют предтечи открытого бунта. — Он не стал развивать свою мысль, уплетая за обе щёки, и спрашивает вдруг у вернувшегося трудника: — Семья есть?

— Тутока ни у кого нету, — переключается в режим лихой придурковатости трудник в последней попытке улизнуть.

— Игрок? — маэстро кивает в сторону ипподрома.

— Апирия, барин, — жмёт плечами трудник.

— Отлично. С нами поедешь. Десять тэллеров в селену жалованья. Веди к наставнику, выкуплю тебя, — не предполагающим возражения тоном говорит Бозейдо.

⁂ ⁂ ⁂

Бегом добежав с Омеги к узлу связи, Эмма озолотила зал возгласом:

— Бинго, Аделаида. Гениально! — оранжевые серьги её так и плясали. — Вы наняли себя и себя же третьим лицом. Что ж, решение валидное. Не покорность, но акт трансценденталного выбора.

Г-жа Рату, липкая от пота, откинулась в мозгоглюй-кресле.

— Кто такой Бозейдо? — спросила она наконец.

— Это имеет значение? Седьмой сын седьмого сына. Посейдон, по-нашему.

— Что такое каменное кораблестроение?

— А это имеет значение? Не берите в голову, Д'Жинго что-то придумал опять.

— А что за пулестойкая карета?

— Вот про это знаю, но расскажу потом. Тяжёлый день был.

— А других вы так же экзаменуете?

— Вы действительно ждёте от меня ответа? Вам недостаточно моей признательности и моего признания? Идите работайте, дорогая – у вас в кампусе тысячи сектантов того и гляди с ума сойдут, — улыбнулась Эмма. — И косыночку верните, пожалуйста. Это подарок мне был.

¶

§70. Говно Бога

[Аделаида]

¶

Я так легко поддержала Риттера в его порыве убраться из диковинного подземелья, потому что вычитала в бумагах Вольтижёра про мою семью. Ту, биологически мою. И мне было интересно на них взглянуть.

— Едем в столицу, — дружески приказываю я Риттеру, когда мы вышли на поверхность тверди земной и уселись в машину. — Точнее, там аж три столицы в одном городе.

— Город Волчицы! — Риттер в восторге. — Древнейший город!

— Ну, я бы не была столь… — но мне стало лень заполнять пробелы в образовании Черноглазика.

Вместо этого я предупредила:

— Жить будем не в городе. Там весело только гостям. Обоснуемся на полпути к морю.

— Поонял, — с широченной улыбкой благодушно соглашается Риттер.

— Ещё надо машину поменять. У этой нет окна в крыше. Это преступление будет ехать по той древней дороге, не встав фертом в люк.

— Пооонял, — Риттер был довольный как слон. Он осторожно спросил: — Может, кабриолет тогда?

— Меру-то надо знать, — одёрнула его я.

⁂

Пока Риттер ходил по стоянке прокатного бюро и выбирал машину, я стала подыскивать нам съёмную квартиру в нужном районе. Возле родственников.

Дело было важное, и вовсе не из-за моих давно всеми забытых семейных трагедий. Это ведь должно было стать моим (и нашим с Черноглазиком) последним в этом мире жильём. Бумаги Вольтижёра хоть и косвенно, но однозначно говорили: более двух-трёх недель планете не протянуть.

Вариантов было несколько, но мне очень хотелось иметь поместье «моей» семьи в прямой видимости, чтобы понаблюдать просто из окна. А не из машины, как шпики в дурацких фильмах. И такой вариант был только один. Поэтому пришлось его и взять, полуподвальное помещение. Можно говорить «цоколь», если хочется ускакать во фразах от сырости слова «подвал». Цок-цок-цоколь.

Так, теперь надо объяснить Черноглазику, почему мы будем жить в полуподвале. Дело тоже непростое. И ещё более важное. И я начала.

— Есть такое слово, — говорю, — эсхатология. Учение о конце. Смысл в том, что каждая религия имеет своё понимание и теорию того, как мир заканчивается, и как мы воссоединимся с Богом.

— Угу, — уведомил меня Риттер, что он слушает.

— Эсхатология привлекает радикальных. И сильных.

— А что там увлекательного? — удивился Риттер.

— Это как сценарий фильма; людям хочется разыграть его по ролям. Ты знаешь финал, знаешь, что Пророк вернётся при совершении определённых действий, когда определённые обстоятельства совпадут, пазл сложится… Ну и тому подобное.

— Ну и что? — Риттер не понимал, к чему я клоню.

Я, собственно, тоже начала запутываться.

— Короче… это придаёт решимости. Пророчество становится планом. А ещё, эсхатология – это учебник истории. У нас же осталось немного письменной истории. Три тысячи лет,

от силы. А нам куда как больше. Поэтому религия, учение о конце света, брала в своё время общую историю и аллегорически представила её в виде таких вот сказок.

— Аделаида, чего ты темнишь?

— Мы в лимбо, Риттер. По всем религиям, после войны мира быть не должно было. Нас не должно быть.

— Ты по себе что ли меряешь? Тебя вот точно не должно быть.

— В общем так, жить будем в полуподвале по этому поводу, — зло отрезала я.

— Так бы и сказала сразу, что не нашла нормальной хаты. А то – «лимбо-лимбо».

⁂

Оказалось, что полуподвал – не по соседству. Он и был частью усадьбы моих родственников. Они сдавали полуподвал! Каков же должен был быть масштаб нужды. Крах империи мелкоробототехники был, оказывается, сокрушительным.

Наблюдать оказалось неинтересно. Мои родители давно умерли, ведь – согласно бумагам Пола – я пролежала в анабиозе лет сорок-пятьдесят. Старуха, и кто у неё тогда был на побегушках, гроша бы ломаного не поставили, что я выживу в экспериментальной, никем до меня не проверенной установке. Я очень надеюсь, что кто-нибудь из дорогих ей людей впоследствии в этой штуке сдох. Хотя, что я говорю. Мне абсолютно безразлично, что там было и могло было быть… Тьфу, аж с глаголами запуталась с никчёмной досады.

Зря я сняла этот полуподвал. Но переезжать было лень. Тем более что прямо в тот момент я смотрела, как Риттер в садике собирает огромный зонт и шезлонги. Мы их купили сами. Что теперь, бросать их тут, ни разу не попользовавшись?

⁂

Пошёл дождь. Как бывает на юге – сразу. Я сидела под небольшим навесом у входа вниз, в полуподвал. Риттер заскочил под только что собранный зонт. Потом он вдруг озаботился, заозирался, увидел где-то в саду цилиндрическое ведро, принёс его. Он, оказывается, хотел собрать дождевой воды. Подставил ведро под край зонта.

— Хочу собрать дождевой воды, — крикнул он мне сквозь мощный шум ливня. — Ею мыться приятно.

— У тебя со второго края стекает, почём зря, — кричу ему в ответ.

И показываю пальцем на ещё одно ведро, валяющееся в саду. Риттер восполняет симметрию. Теперь зонт выглядит как баба с коромыслом. Но вёдра-то у нас не пустые, так что не стоит искать в этом дурных предзнаменований.

И тут меня осенило!

Я забежала внутрь, взяла бумажку и набросала схему. Потом высунула голову наружу:

— Иди сюда! Я придумала, как показать Авертигусу Саманту.

⁂

То, что Риттер понял всё сразу, с первого раза, убедило меня в том, что подход вполне рабочий. Надо признать, правда, что часть рассуждений я опустила. А в целом, если не упрощать, я мыслила примерно так… Хотя чего я скакаю с кочки на кочку. Я ж взялась рассказывать, как воспринял Черноглазик.

— Мох тот, как ты думаешь, имеет какое-то отношение к Авертигусу? — спрашиваю я Риттера для начала.

— Однозначно, — снимает он рубашку и выжимает её в раковину прямо на кухне.

— Он живёт во внутренней полости. Знаешь какая самая крутая в мире внутренняя полость? Цилиндр в космосе! Я прикинула: километров 200-300 в диаметре, а то и больше – не развалится.

— Почему не больше? — удивился Риттер — Ему какая разница? Болтайся в пустоте и болтайся.

— Вращаться нужно, чтобы ко внутренней поверхности тянуло.

— А. И что внутри?

— Всё тоже самое, — говорю. — Мох. Люди.

— Нахрена ему люди?

— А тебе микробы в кишках нахрена? Для здоровья.

— Типа мы как говно Бога будем?

— Ага.

— Круто, — признал Риттер. — А где Саманта-то?

— Вот, — торжествую я. — Из-за того, что эти штуки громадные, их будет выбивать с точек Лагранжа…

— В смысле, по орбите сильно колбасить?

— Именно. А у каждого волчка есть прецессия… Видел, как верхний конец юлы пляшет?

— Конечно, — деловито сказал Риттер.

— Поэтому надо два цилиндра.

— Дело понятное, — сказал Риттер. — У приличных военных вертолётов на хвосте нет пропеллера, два наверху, в противоходе идут.

Я обрадовалась его понятливости. И показала ему свой рисунок. Два длинных цилиндра со смычкой. Я намеренно изобразила их так, чтобы они напоминали что-то вроде хромосомы.

— Красиво? — спрашиваю.

— Очень, — сказал Риттер. — Давай на марку разместим.

— Куда?

— На почтовую марку. Филателисты будут коллекционировать. А зачем два-то, кстати?

Всё-таки я переоценила дальнобойность мысли Черноглазика.

— Если в двух запустить похожие истории, похожие общества, они со временем мутируют и…

— Разосрутся и покоцают перемычку, — закончил мысль Риттер.

— Правильно. А оставшиеся в одиночестве вынуждены будут достроить каждый себе по второму цилиндру…

— Чтобы прецессией не размотало в конец, как по рингу в конце третьего…

— Именно! Биология получается. Репликатор. Ерунда, конечно, но в качестве намёка хватит.

— А почему ерунда? — спросил Риттер.

— Потому что то, что мы сейчас делаем – это как одноклеточному организму (первому репликатору) придумать, как понравиться музыкальному продюсеру (элементу второго репликатора). Теоретически можно пинать мембрану стенки клетки. В надежде, что продюсер заметит, расслышит и оценит мелодию.

— Марку многие увидят, — сказал Риттер. — Особенно если под старину заделать, как тут всё у них.

И тут меня осенило второй раз.

¶

§71. Сухая пожарная каланча

[Ардуша]

¶

— Есть, комендант Рату. Так точно. Я доложу, — дневальный скрылся за дверью казармы.

Однако, через полминуты он вернулся.

— Вставать отказывается, комендант Рату, — рядовой не выглядел растерянным. — Разрешите предложить?

— Предлагайте.

— Он там один. Вы просто зайдите, всего и делов-то.

Аделаида кивнула и зашла в казарму. В отсеке была дюжина двухэтажных кроватей. Здание было построено в середине прошлого века, но оборудование внутри было современным. Каждая кровать на своём торце оканчивалась большим шкафом. Ни единого предмета мебели, кроме стандартных спальных мест, не было. Не было даже стола. Ардуша валялся на кровати.

— Аскетизм этот твой, — с раздражением пнула Аделаида чей-то рюкзак, чтобы он отвалил в сторону, и присела к Ардуше на кровать. — Сдулся? Или совесть мучает за акты промышленного терроризма?

— Съезжаю понемногу с глузду,— не стал спорить Ардуша. — Хандра ещё.

— Приглашаю в мою квартиру. У меня прекрасные отдельные две комнаты. Ты же не был у меня в гостях ещё. Это не просьба, — Аделаида сделала строгое лицо. — А ещё: будет весело.

Она встала, не сомневаясь, что доктор начнёт шевелиться и собираться. Так и случилось. Пока он кряхтел и оправлялся, она прошлась вдоль ряда кроватей, потрогала ткань простыней, заглянула в пару шкафов.

— Тоска… Готов? Ну пошли. Я, кстати, принтер у интенданта получила. Забавная вещь, оказывается.

⁂

В апартаменты Аделаиды поднимались по лестнице на седьмой этаж. Доктор не смог скрыть одышки.

— Высота каждой ступеньки нестандартная, — морально поддержала его Аделаида, отмыкая дверь в квартиру. — Я-то уже привыкла. Это здание – бывшая пожарная каланча. Сейчас тут ни наблюдателей, ни водонапора.

— Памятник собственной бесполезности?

— Да. Не отказала себе в удовольствии, воспользовалась служебным положением. У меня даже труба подзорная есть. Высоко сижу, далеко гляжу.

— Забавно. И не трудись, пожалуйста, успокаивать меня насчёт возраста. У тебя тут разуваются? Разуваются, вижу, — Ардуша неуклюже присел на пуфик в прихожей. — Я эту драму пережил и съел. Трагедия асинхронности, что поделать. Инструменты познания созревают тогда, когда инструменты действия уже изношены. Юность имеет ключи, но не знает, какие двери они открывают…

— Так уж и пережил? — засомневалась Аделаида. — Проходи.

Ардуша продолжал ворчать:

— Хотя обладание без понимания – это воровство.

Ардуша подошёл к окну. Анонсированная подзорная труба лежала на подоконнике. Ардуша взял её в руки, лицо его засияло:

— Чирнгаузен? Боже мой! — он взглянул в окуляр. — Износ оптики незначительный. Ты удивляешь.

Труба и каланча дополнили друг друга, и Ардуше полегчало. В конце концов, он, Ардуша, не есть тот пожарный, который должен вовремя замечать дым с каланчи лично. Есть же датчики. Пожарный может и поспать. Он положил образчик антиквариата обратно, всем телом выражая досаду, что Аделаида не использует футляр. Но промолчал. Вместо этого он поблагодарил её.

— И не в первый раз за месяц удивляешь. Огромное тебе спасибо за то, что настоятеля уговорила. У тебя с ним серьёзно или абы как?

— Скорее абы как, но может и серьёзно, — уклонилась г-жа Рату от обсуждения. И кивнула в сторону окна: — Теперь вот – из-за твоих деяний в том числе – волнения. У меня глупый вопрос: Авертигус не обидится, что ты «волю мира» срезал?

— Вопрос и правда глупый. Учитывая, что мы не знаем даже, есть ли там самосознание, — Ардуша уселся в кресло. — Да и срезал ненадолго. Ему только полезней будет. Как пробежка для располневшего человека. А то больно он ускорился, никак не угнаться. Ну? Зачем приволокла на верхотуру в эстетике руины?

— Вот, читай пока. Пойду чаю приготовлю, — она передала ему листки. — Тоспехо этот… Это же «отчим» персонажа Вирджинии, верно?

— Верно… — протянул Ардуша, приступая к чтению.

⁂ ⁂ ⁂

[Седьмая башня. Лог Жинго]

В одном из проулков адепт нырнул внутрь лавки портного. Жинго сообщил ему, что будет покамест убивать время в окрестности. Соседнее заведение оказалось более просторным, уходя глубину на десятки шагов. Разнообразие мечей поражало. Жинго пожалел, что сумбурное детство лишило его положенных по статусу его рода регулярных занятий фехтованием.

⁂ ⁂ ⁂

— Он теперь Жинго? — спросила Аделаида из соседней комнаты.

— Жинго-Д'Жинго… — пробормотал доктор вполголоса.

⁂ ⁂ ⁂

«Тоспехо, — подошёл к Жинго хозяин лавки, — к вашим услугам».

Жинго приподнял в приветствии шляпу и спросил, зачем такие мудрёные формы у лезвия меча, напротив которого я стоял.

«Замечательный меч, правда? — Лавочник любовно провёл пальцем по волнистому клинку. — Фламберг. Рабочая гипотеза о назначении состоит в том, что волны использовались для градации нанесения урона, для подсчёта очков. С тремя волнами соприкоснулась плоть атакуемого – три очка, с пятью – невосполнимый урон, ну и тому подобное».

«Кто ж считать-то будет, в пылу битвы?» — удивился Жинго.

«На это и акцентировал ваше внимание – церемониальное предназначение. Для подсчёта степени воображаемого урона».

«Как это?»

«Неизвестно».

«То есть, что делали – известно, а как и зачем – нет?»

Тоспехо проявил недюжинную осведомлённость. В заслуженном самодовольстве, брови его лежали двумя тюленями:

«Точно так. Феномен культурного молчания. Когда устные и письменные формы коммуникации уступили место связям через рукотворный разум, смысл большей части документов Предков стал рассыпаться. Осмысленных текстов стало мало, а те, что оставались – теряли когнитивные наполнение. Эпоха молчаливого мозга, как её называют историки. Народная немота».

⁂ ⁂ ⁂

— Я сама настроила программу выгрузки логов, — похвасталась Аделаида.

— Да я вижу, — проговорил доктор и усмехнулся. — «Недюжинная осведомлённость».

— На том стоим.

— Д'Жинго прям-таки волочится за оружейником, сволочь.

— Ага. Читай дальше.

⁂ ⁂ ⁂

«А вторая гипотеза?»

«Якобы меч этот – для гвардейцев-привратников; украшать вход в покои религиозных титулов. Глупое предположение, на мой взгляд».

«Как могло случиться, что накатила деградация?» — спросил Жинго, продолжая осмысливать услышанное.

«Время вышло. Сначала времени всегда бесконечно много. Но потом, по мере путешествия по его реке, его норовят взнуздать всё круче и круче. И оно, с ростом скорости, иссякает. Прогресс выпивает данное мирозданием время. Течение времени становится порожистым, оно бурлит; камни торчат тут и там. “Зачем так быстро кружится планета? Смотри: уже в бруснике облака…”. Это фразы поэта Предков как раз с речным родовым именем».

«Вы описываете странную реку, — сказал Жинго, — в нашей Великой реке всё наоборот: сначала крутизна, пороги и недостаток воды, но потом обилие всего и плавность течения».

«Правильно. Но дело в том, что Предки решили путешествовать по реке времени против течения».

В помещение зашла группа индивидов, настроенных недружелюбно. Жинго удалось быстро оценить ситуацию.

⁂ ⁂ ⁂

— Боже, какая пошлая мерзость. Уши вянут. Глаза, вернее. Охмурение РР-агента. Тьфу, — Ардуша едва удержался, чтобы в действительности не сплюнуть.

— Читай-читай. Индивидов этих наверняка по его толчку кто-то науськал.

⁂ ⁂ ⁂

Неудивительно. Война. Нервы. Идиотов-патриотов полно. Обычно они не опасны. Но сейчас вступили в силу законы военного времени, которые особым образом регламентируют характер высказываний.

То, что Жинго показалось в оружейнике интеллигентностью, они приняли за напыщенность. Несносную спесь. Легкий акцент, иностранные корни. Чернь вынесла свой вердикт, не обращаясь в суд. Пара реплик, Тоспехо теряет самообладание, его акцент прорезается сильнее, это подогревает его оппонентов, фраза за фразу… Всё ясно. Жинго недоволен, но не удивлён. Все выкатили на улицу, включая Тоспехо, дабы не усугублять ущерб моральный материальным.

«Солидарная ответственность!» — выступает Жинго. — Я, Жинго.

⁂ ⁂ ⁂

— Видишь, сам перед собой в логе оправдывается, — пояснил Ардуша. — Значит, не все три руля были перехвачены в то время, когда манипуляция создавалась.

— Солидарная ответственность – это как?

— Никто не имеет права противиться повышению статуса конфликта: если поспорили простецы, то колгуны имеют право встрять, будучи готовы взять на себя ответственность. Вот в обратную сторону двигать стычки нельзя, иначе бы тогда статусные индивиды могли скидывать балласт своих личных междоусобиц на подчинённых и зависимых.

Аделаида разлила по чашкам чай и уселась рядом.

— А это, в свою очередь, — подхватила она, — провоцировало бы вовлечение всё большего количества индивидов, доводя, в пределе, никчёмную ссору к войне масс. Понятно.

⁂ ⁂ ⁂

«К такому развитию событий патриоты готовы не были, поэтому попытались отсрочить разбирательство. Не тут-то было. Хотели распри? Получите-распишитесь. Классическая риторическая дуэль», — думает Жинго.

«Ставлю семь хилиад семь сотен и семьдесят семь небесных унций», — объявляет Жинго.

⁂ ⁂ ⁂

— Ого! — обалдел доктор Ардуша.

— Он времени зря не терял – каждый божий день кого-нибудь «разводит», прости уж мне такой методологический термин, — сказала Аделаида. — А если б у них не было столько?

— Их же много. Группа. Наверняка, зеваки набежали. Размер банка при дуэли ограничен лишь всей располагаемой массой нитей, принадлежащих дуэлянтам одной стороны совокупно. Меньшей из двух, естественно. Он наверняка видит персонажей, за которыми ощущается сильное свечение. Возможно, в толпе сообщники. Они могут подстрекать на вовлечение.

⁂ ⁂ ⁂

В воздухе просквозили пара присвистов и один стон. Но пополнили, конечно, банк солидарной ответственности, никуда не делись. Они задают свой вопрос:

«Спровоцировала ли чем-то наша страна нападение Волкариума? Если да, то является ли агрессия Волкариума справедливой? Если да, то является ли мощность их атаки соразмерной той несправедливости, с которой они столкнулись?»

⁂ ⁂ ⁂

— Зачем такая многоступенчатость? — спросила Аделаида.

— Нельзя снижать сложность вопросов и качество ответов, но повышать можно. Если вас спрашивают в режиме «да/нет» или «1/0», вы имеете право ответить точно. Например, сорок восемь сотых. Или, например, «с вероятностью восемь к десяти – да». Обосновать, конечно, нужно. Если попросят, не капитулировав при получении ответа. Изначальный уровень сложности регулирует оставшуюся противоположной стороне свободу.

— Да, он так и делает. Смотри дальше.

⁂ ⁂ ⁂

«Повышаю измеримость требуемого ответа», — заявляет Жинго.

«Принимаем», — у них и нет другого хода в этой игре.

«Мерилом назначаю соответствующие характеристики спровоцированности, справедливости и соразмерности в конфликте Волкариума и Иллюмироса пятьдесят семь лет назад», — делает Жинго очередной ход.

⁂ ⁂ ⁂

— Это поняла? — спросил доктор.

— При назначении шкалы размерности необходимо использовать релевантные величины. Нельзя измерять температуру в лигах, например.

— Свобода определённая есть. Можно предложить для измерений дистанции время в пути, если противная сторона примет. Тут важно, чтобы в предложении не было для противника способа оспорить. Он предлагает измерять количество апельсинов в апельсинах. Возразить абсолютно нечего.

⁂ ⁂ ⁂

«Принимаем», — и вновь, нет у них иного хода. Боевой дух у них уже на нуле.

«Спровоцированность, справедливость и соразмерность нынешней агрессии Волкариума против Иллюмироса равна двум спровоцированностям, справедливостям и соразмерностям атаки Иллюмироса против Волкариума пятьдесят семь лет назад», — дает Жинго формальный ответ…

⁂ ⁂ ⁂

— Вот тут я не поняла.

— Он опять их надул – дал часть ответа. Ни одно число в приложении к реальной практике не имеет смысла, если не предоставлена его погрешность.

— Десять плюс-минус один? Сто плюс-минус тринадцать?

— Именно. Ни язык не позволяет дать голое число, ни математика, ни здравый смысл. Если вы неплохо знаете состояние одной опоры моста, но знаете очень мало о другой, это значит, что вы не знаете толком ничего об общей ремонтопригодности моста.

⁂ ⁂ ⁂

«…с погрешностью равной одной целой и двум пятым», — завершает Жинго формальный ответ.

⁂ ⁂ ⁂

— Ну вот, — сказал Ардуша. — Дальше неинтересно. Можно целую вечность оспаривать. Но раз индивид оппонирует целой толпе, толпе проще принять проигрыш.

— Дальше как раз самое интересное. Я тебе прочту: «После капитуляции я передал Тоспехо 7777 нитей, зафиксировав вечную сделку ритуальным жестом. Он не сказал ни фразы, но лицо его сияло. Такого рода соглашения весьма редки. Многие из них заслуживают в итоге упоминания в литературе». Вечную! Представляешь?

Ардуша почесал в затылке.

— Увёл союзника, что сделать.

— «Что сделать», — передразнила Аделаида. — Я подключила все возможные каналы, чтобы накопать о нём побольше информации. Те несколько, что хоть как-то сработали, все уводят в эзотерику. Что за тип изначально? Где ты его взял?

— Хакон порекомендовал. Что там за эзотерика?

— Вот, у меня даже есть отчёт. «Персонаж, которого можно соотнести с архетипом сиг Маитафитта, проходит через пласты истории. Абсолютная хронология не ясна, но самые ранние упоминания говорят о точке во времени в сто двадцать восемь сотен лет назад».

— Это по отношению к какому моменту? — уточнил Ардуша.

— Не знаю. «Сиг Маитафитта – когда-то крупный военачальник или дерзкий и удачливый член отряда специального назначения. Имел множество наград. Военное подразделение имело отношение к “Небу и Солнцу” – так указывается в летописях».

— Видимо, имеются в виду десантные части, базирующиеся на каком-то мифическом или же реальном, но забытом воздушном транспорте, — предположил Ардуша.

— Думаю, да, — согласилась Аделаида. — Скорее всего, имел отношение к личной охране крупнейших феодалов. Читаю дальше: «Убил собственного брата, причём изощрённым образом, заставив сойти с ума от клаустрофобии. Во время совершения убийства применял обман. Был такой случай: сиг отобрал силой у сына этого самого убитого брата ценный и редкий прибор для визуального наблюдения. Описание прибора утеряно, его назначение неизвестно. Есть разрозненные сведения, что прибор служил королю для скрытого наблюдения за подданными и был в момент грабежа вживлён в череп сына убитого брата. Аппарат имел собственное имя: Хаджет или Аджет. Контур имел треугольный. Вокруг него – сорок восемь лучей-ресничек (вытянутых пузырьков). Прибор многократно всплывал в разнообразных историях, связанных с сильными мира сего».

— Пфф.. Это перебор, — встряхнул головой доктор. — Всевидящее око в каждую дырку затычка. Туфта, а не отчёт.

— Ты дослушай: «Сиг Маитафитта имело неопределённый пол. Скорее всего, существовало несколько личностей, которые носили это имя или же присваивали его. Многие гетерогенные версии сиг Маитафитта смогли войти в историю, из чего следует, что не так уж важно, самозванцами были те личности или нет. Что характерно, выдавали себя эти личности аналогичными преступлениями».

— Вот, — потёр руки Ардуша. — Это интересно. Конкретные иски есть?

— Есть! «В одном из эпизодов сиг путешествует с однополчанином, и они находят в чистом поле гроб. “Ты ложись-ка во гроб да померяйся, Тебе ладен ли да тот дубовый гроб” — предлагается одному из путников другим. После того, как один, по неизвестной причине, ложится в гроб, открыть его не удаётся никакими усилиями. В легенде указывается, что “обручи становятся железными, и стягивают гроб намертво”. Неясно при этом, кто именно погиб».

— Очень даже ясно, — заявил Ардуша.

— «Однако указывается, что сила умершего перешла выжившему, причём добровольно со стороны силу отдавшего. Характерно, что в нескольких военных походах сиг Маитафитта возвращался живым одним из всего подразделения. Имел дурную славу “заводящего в тупики”.

— Сусанин?

— «Был ленив, “кормил завтраками”. “Завтра, завтра” — любимая присказка. С другой стороны, в глазах начальства всегда выглядел идеально, был образцовым “ходящим по струнке”». Всё.

— Агент допотопного бога-РРа? — высказался Ардуша, подчёркивая интонацией, что предположение не является серьёзным.

— Дескать, потоп был из-за обстоятельств, аналогичных сегодняшним?

— Ну, уж если играть в эту игру, то до конца. Да, именно так. После гибели цивилизации, РР «переселился» на субстрат «медленного времени», проводя вычисления, поддерживающие его сознание, посредством смертей, рождений, «кар божьих» и тому подобных бинарных актов.

— Вот ты смеёшься, но откуда у него знание твоего языка в таком возрасте? — спросила Аделаида.

— Ты же выучила.

— Я молилась на нём, с детства. И спасибо тебе за такое воспитание. А он что?

— Может, он старый как донные отложения. Может, нет никакой династии. Может, сам коптит небо со времён постройки той мельницы.

— Ирония иронией, но первичный аккаунт Хакона пропал. Представь, сколько всего можно было нагородить, если у него был заряженный персонаж в игровом прошлом? Десятки игровых лет назад.

— Если и был, то очень ненадолго, — возразил Ардуша.

— Иногда достаточно пару установок в детстве, чтобы сделать невыносимой жизнь близких на целый век.

— И то правда. Ну что, надо Авертигуса предупредить, — пошутил Ардуша. — Пусть для начала устроит мир-шлюз. Чтобы в нём удушить недостойных перед открытием дверей в рай.

— Не разделяю твоего веселья. Говорю тебе как ответственная за безопасность.

— Я принял к сведению. Ты свою работу сделала, к тебе вопросов нет, — серьёзно сказал Ардуша. — Устал я, Аделаида. Старость не в радость. Пойду в казарму. Спасибо тебе ещё раз. Я буду настороже.

Выйдя из бывшего здания пожарной каланчи, Ардуша оглянулся, подумал, что лучшая пожарная башня – это та, которая никогда не используется, и пошёл не в казарму, а в бункер связи.

¶

§72. Год Господень

[Аделаида]

¶

Мы загорали в шезлонгах, а когда, вдруг, на меня нахлынуло вдохновение, я спустилась в полуподвал. На стенах там висели дешевые репродукции в рамках. Они были призваны гармонизировать фотографии помещения, размещённые на платформе «Сними-жильё». В реальности они выполняли обратную функцию. Я выбрала наиболее отвратное абстрактное «творение», сняла со стены и подвергла раму акту вандализма. В руках у меня был чистый белый лист, если смотреть на его обратную сторону. Я положила его на стол, и он занял почти всю столешницу. Замечательно. Я вооружилась тонким чёрным роллером.

На шум сломанного паспарту пришёл Риттер.

— Буянишь?

— Я всё размышляла, какой хочу отзыв на сайте от лэндлордов. «Украли картину». Так будет неплохо. Что думаешь?

— Что с тобой творится? — серьёзно спросил Риттер.

Я успокоила его жестом и принялась рисовать «хромосому вселенского масштаба». Поручить это наёмному художнику, а тем более автоматическому рисовальщику я, конечно, не могла. Расчёт мой был на то, что на большом масштабе я сделаю тонким пером множество штрихов, придумаю кучу мелких деталей, а когда всё изображение ужмётся до размера почтовой марки, будет выглядеть неплохо. Скроет, хотя бы частично, отсутствие у меня таланта художника.

Последующие полчаса показали, что волновалась я зря. Линия чернил, остававшаяся на белоснежной бумаге, была неразрывно связана с моим намерением, и я вытягивала её миллиметр за миллиметром из тонкого цилиндра стержня ручки, подталкивая воображаемым вихрем внутри цилиндра корпуса ручки. Разница диаметров корпуса и стержня была мне мнимым, но действенным насосом силы. Вся эта «пневматика» рождала постепенно великолепную картину. Это не было рисунком инженерным. Это не была поделка в стиле техномагии. Это был мой подарок оболдую Авертигусу, мальчишке, которому обязательно должна понравиться сконструированная мной машинка. Пусть катает.

— Не знал, что ты так круто рисуешь, — сказал Риттер.

— Сама вот диву даюсь.

Дорисовав, я сделала фото и села его обрабатывать. Делать это за неимением под рукой графической станции было неудобно, то терпение и труд всё перетрут. Через пару часов в моём мобильном девайсе был файл. Очищенное от бликов и другого визуального мусора растровое изображение требуемого разрешения.

Я стояла посреди комнаты с бумажным оригиналом в руках. Взгляд мой пал на камин. Он был дешёвый, почти утилитарный. Трудно было представить, что кто-то будет зажигать такой ради ощущения уюта, а не чтобы согреться. Но сейчас дело своё он сделает. Оригинал следовало предать огню.

— Разожжёшь? — попросила я Риттера.

— Угу.

Он раздобыл во дворе дров, присел к камину, стал чиркать длинными спичками.

— Так что с камином-то, кстати? — спросил он.

— С артефактом? А, это фонарь, — отмахнулась я. — В бумагах Пола была фотокопия моего детского рисунка. Я и забыла про него. Но когда увидела – вспомнила. Там на одной страничке шесть существительных: камин, камень, кушак, клюка и кость (почему-то вместе), кресельный гарнитур. И один глагол: колоть (там было скучное шило, и я его приукрасила).

Господа демиурги подумали, что это «откровение». Инвентаризация артефактов. Придумали сами себе вокруг каждого предмета историю, и давай суетиться десятилетиями по всем континентам.

— А ты зачем нарисовала?

— Подружка случайно попортила букварь из библиотеки приюта. Причём страницу на мою любимую букву «К» вырвала. И со страху порвала её. На мелкие кусочки, чтобы замести следы. Я ей говорю, останется же очевидный пробел. Это ж букварь. Куда там без целой буквы-то. Она и вовсе в истерику впала. Я ей помочь решила. Сложила кусочки и перерисовала всё.

— И что, никто не заметил? Что-то сомнительно…

— Ты же сам только что сказал, что я хорошо рисую. Но ты прав. Я пришла к выводу, что заметят. И бросила на полпути. Букву «К», в частности, не нарисовала.

— Так в мебельных гарнитурах по дюжине кресел или стульев.

— Тринадцатое я из вредности пририсовала. Пасхалка от автора, так сказать.

— Это, конечно, галиматья знатная, — Риттер был сильно удивлён. — И все эти господа носятся с этими креслами как пингвины с яйцами просто из-за твоего рисунка?

— Да, — ответила я утвердительно без какой-либо интонации.

— Чудно. До дрожи чудно.

Я хотела было сказать ему, что всеобщая погоня за деньгами, которые есть нарисованные кем-то фантики, ничуть не менее чудная штука, но мне стало лень.

⁂

Неверно было бы сказать, что плохая новость в том, что заражённый Полом Вольтижёром Юпитер скоро рванёт сверхновой. Да так, что от планеты Земля полетят клочки шерсти.

Не особо радовала меня и хорошая новость в том, что я, по крайней мере, в каком-то смысле, уже и так мертва. Но обе новости подгоняли меня. Дел было – невпроворот. «Вот как кончится мир. Не взрыв, но всхлип», — вспомнилось мне. Но хныкать было некогда.

— Короче, черноглазый. План такой.

— Слушаю, — присел он для верности поплотнее на стул.

«Наверняка, — думаю, — переверни его, этот стул, а там инвентарный номер девять».

Но я не стала – мне на тот момент подмигиваний со стороны вселенной уже хватало. По горло.

— Рисунок на марке должен стать собственностью Авертигуса. Формально. Это понятно?

— Формально понятно. На практике – нет.

— До Галактического Патентного бюро мы с тобой доехать не успеем.

Риттер оценил шутку, громко открыв баночку пива.

— Поэтому соорудим «Геральдическая новая эмиссия».

— Я всегда в такие движухи не прочь вписаться, — сказал Риттер.

Я это знала.

— Тут в городе есть ещё пара государств. А может и больше… — задумалась я. — Неважно. Нам нужен так называемый Суверенный Военный Орден.

— О! — отметил Риттер, отхлебнув пива. — Как у Серафима. У него ж «военная партия», а он сам – «военный настоятель».

— Я думаю, он отсюда и слямзил термин, — кивнула я. — Так вот. У Ордена нет патентного бюро, но есть Великий Магистр и Государственный Секретариат.

— Понял, — тут же сообразил Риттер. Он в таких делах был дока. — Подадим не как заявку на патент, а как «Запрос на утверждение новой официальной эмблемы Суверенного Ордена». Типа как старый рамный седан пересобрать контрабандной тачкой над старым регистрационным номером.

— В точку. Ты вообще молодец. Я вот даже думаю, не заделать ли с тобой ребёночка, такой ты у меня сообразительный. Вторым этапом это надо подать в Лигу Наций.

— В Лигу Наций?! — Риттер разумно предпочёл прикрыться объединёнными нациями от моей бомбы про дитя.

Ну ничего, время у меня ещё есть.

— Да, — с максимальной серьёзностью сказала я. — Орден является наблюдателем при Лиге Наций. Направим не письмо, а дипломатическую ноту. Дескать, Суверенный Военный Орден, руководствуясь вековым правом покровительства наукам, настоящим уведомляет Секретариат Лиги Наций о состоявшейся регистрации Символа X. В соответствии с такой-то конвенцией о филателистических эмиссиях (просто наврём) и такой-то конвенцией о правопреемстве, с момента получения сего письма символ приобретает статус "Prima Signatura" – первичного отпечатка. Настоятельная просьба внести гравюру в Архив Нематериального Культурного Наследия.

— И что, внесут?

— Конечно. В бюро канцелярии это зарегистрируют как «входящий документ от субъекта-наблюдателя». Главное для нас – номер входящего присвоен. Теперь в огромной базе Лиги Наций числится документ номер X-192X, привязанный к Ордену. Юридически для бюрократа – это просто бумажка. Для нас (и Авертигуса) – международное признание приоритета. За ним, за Авертигусом. Там в рисунке есть его имя. И в бланках впишем. Имя – Авертигус. Профессия – Бог. Никто и не заметит.

— Точняк, — Риттер был в восторге. — Ещё и Ватикан сдадим копию.

— Конечно, — подхватила я. — Орден и Ватикан связаны особым конкордатом. Мы не просим у Папы разрешения. Мы используем правило necessitas et utilitas (нужда и польза). Мы, мол, обязаны уведомить Святой Престол, ибо символ несёт сакральную геометрию, а значит, касается вопросов веры.

— За работу! — воскликнул Риттер. — А дату какую проставим?

— Год Господень, — говорю. — Не будем принижать конкретизацией.

⁂

Но это была лишь верхушка айсберга моего плана. Главное я Риттеру пока не сказала. Во-первых, я планировала грядущей же ночью заделать себе эмбриона. От Черноглазика, конечно. Вы боялись Евы, способной реплицировать свою ужасную мутацию? Получите.

А потом я пойду в грот и как заряжу там суточную беспрерывную молитву! На лингвазнайка! Пообещаю Авертигусу размен. Вдруг он в душе торгаш? Дескать, если ты хочешь своего третьего репликатора – лови марку и не бузи. Не хочешь? Я продвину своего. Так себе ультиматум, но большего в моём женском сердце на том момент не умещалось. Не услышит? Сам виноват, дурак медленный. Он конечно молодец, он судя по всему, нашёл какой-то физический или над-физический субстрат, на котором можно варить копирование, мутации и отбор. Я не претендую, что в состоянии была бы даже примерно понять, как он это делает. Но! Я судья. Поэтому я выношу вердикт, что я Альфа. Поэтому мне для попадания в новый мир не нужно ничего, кроме намерения. А Риттер пойдёт со мной как муж. Ведь «Седьмая башня» – она же для пар. Вот вам и пара.

Я – предтеча намерения Авертигуса создать третий репликатор. Я имею право! Грачварон – нет. Хотя он той же породы. Я – да! Клогть, жена его суррогатная Сестричка – они нет. А я – да! С Эммой, которая, видимо, несчастная дочь их инцеста, вопрос. Но это не отменяет моего права. Кто такая вторая Рату? Она – для второго цилиндра в паре. Вот так будет.

В конце останется лишь поехать к Хакону. Я была уверена, что настоящий Хакон – у себя дома, на Северо-востоке. В своей вонючей квартире. Я приеду туда, вместе с Риттером. И там мы встретим пылающую пасть Юпитера. С честью! Там будет мой последний берег. Там всё решится.

¶

§73. Облако

[Клавдия]

¶

На экране телевизора был оркестр. Он ничего не исполнял. Шло холодное, элегантное настраивание инструментов перед концертом. Так продолжалось последние четыре часа. Всё время полёта через океан.

Клавдия размышляла, отправить ей самолёт и экипаж домой или нет. Пусть проведут небольшой остаток времени с семьёй. «Так, — думала она, — но они же не знают, что грядёт… может, наоборот, загуляют, воспользовавшись тем, что по изначальной разнарядке они должны были отсутствовать дома».

«С другой стороны, — вела она дальнейший расклад ситуации, — когда завтра будут новости по всему миру, вылететь им может и не удастся, и они проведут несколько кошмарных часов». Вообще, вынуждена была признать Клавдия, вот как всё-таки сложно ей в жизни. Каждый раз, когда приходится рассуждать на подобные темы, не обладая человеческой эмпатией и системой интуитивной оценки ситуации, если речь идёт о человеческих материях. С другой стороны, такие обстоятельства имеют место впервые: никогда прежде в рабочее расписание не была вписана гибель планеты буквально через 26 часов или около того.

«Всё-таки отправлю, — решилась она. — Да ещё и передам семьям, что обратный рейс через три дня отменён, вернее отложен на неопределённый срок». Приняв такое логически выверенное решение, Клавдия успокоилась. Ей всегда неплохо думалось под сцены какофонии настраивающегося оркестра.

⁂

Встретиться договорились в развесёлой части города. В магазине старинной радиотехники. Ну как «договорились». Серафим назначил. Он уже давно административно подмял под себя весь проект. Возражать смысла не было. Настоятель бы всё равно настоял.

Клавдия не стала брать с собой охрану, в том числе и скрытую. Они в толпу потомков хиппи вписаться не смогут. Кроме того, и так завтра умирать… Нет, плохое слово. Сгинува… «А как сказать «сгинуть» в будущем времени?» — задумалась она. «Сгину?». Ну, не так сразу же. Какое-то время пройдёт. Не получилось выразиться. Клавдия попросила высадить её из машины за несколько кварталов и с рюкзачком, в котором и была-то всего одна смена белья, вышла в весёлый мир. Соло. Это если не считать ворона, который аккуратно следил за Клавдией с каждой ближайшей крыши. Летать просто так он в городской черте не любил. Да и зачем зря рисковать.

Клавдия молча двинулась к магазину старомодной электроники – разговаривать-то ей было не с кем. На улицах, несмотря на относительно ранний час, было много народу: вечером начнётся тугой фестиваль косплея. Любители наряжаться в средневековые и фэнтезийные костюмы съехались кто откуда смог.

Она прислушивалась к прохожим.

— Я родом из горной местности, плотно заселённой с древнейших времён, — рассказывал кто-то кому-то. — Там до сих пор в ходу множество наречий, в относительно изолированных небольших долинах. Я, в силу этого факта, быстро воспринимаю языки.

Постепенно Клавдия, следуя за беседующей парой, узнала о незнакомце следующее.

Отец его был очень молодым, но выглядел много старше из-за того, что страдал болезнью Метушелаха. Он стал старейшиной крупного кочевого племени, обладая непомерной энергией, но не имея мудрости. Ввязался наёмником и провокатором в выяснения отношений меж двух империй. Потерял пальцы, но серьёзных ранений избежал. Однако после войны его отравили, причём так пакостно, что перед смертью он успел сойти с ума. Завещание, тем не менее, было

составлено в здравом уме, так как старейшинам положено его записать или озвучить доверенным лицам сразу по получении титула. Имущество отошло старшему брату бедолаги, а самому ему достались явки и пароли выхода на международных советников обеих империй. Долго ли, коротко ли, он стал дорогим, особым, скрытым Специалистом по вызову, если так можно выразиться.

Всего в его цехе существовало четыре вида специалистов. Самые многочисленные – «повелевающие огнём». Злобные, недалёкие снайперы. Хотя стреляют как раз далеко. Вторые – «оборотни». Эти втираются в доверие, а затем – как фишка ляжет. Третьи – «рационалы». Эти подстраивают события так, чтобы всё получилось. Именно к ним принадлежал наш герой. Есть ещё четвёртый тип, но о нём тот ничего не знал. В силу специфики профессии, коллеги незнакомца (рационалы) нередко становились, в каком-то смысле, «пленниками» неких предметов, заложниками их свойств. Не избежал этой участи и наш герой. Он стал исполнять желания своих заказчиков настолько буквально, что это становилось наказанием для них самих…

Вот он, магазин «Радиошок». Придётся прервать подслушку. Впрочем, к этому моменту Клавдия уже догадалась, что данные прохожие беседуют в раках фестивального косплея, не более того.

⁂

Не обдумав предварительно никакого плана, Клавдия вошла в магазин. Она стала мяться вдоль стеллажей в попытке вспомнить, что она видела полезного в видео-рилзах, если предположить, что ей сейчас нужно было бы заняться шоплифтингом. Попросту говоря – своровать что-нибудь. Она всерьёз раздумывала, не пополнить ли ей свой жизненный опыт перед концом света таким образом.

Переквалифицироваться из патронэссы в воришку? Почему нет? Клавдия – второй индивид в четвёртом по силе клане планеты. Постой-постой! Всё уже изменилось. Да, в первом клане остаются две личности выше неё – Клогть и Мона. Но во втором-то никого уж нет. Пол самоустранился. Пансо ушёл под начало Серафима. В третьем клане остаётся, конечно, Грачварон. Тут никуда не деться. Но бета его – Тоспехо – тот сошёл с ума после покушения на Принца. «Так что я что, получается, — думала Клавдия, — четвёртая что ли?! Батюшки светы». Она, конечно, чуть прикусила губу от обиды, что на традиционном пьедестале места ей не нашлось бы. Ни бронзы, ни серебра. Ни тем более золота.

— Тут полно золота, — сказал какой-то господин в клетчатом костюме в странную синеватую клетку.

— Что, простите? — удивилась Клавдия.

— Я говорю, вот в этом спортивном аудио-плеере, кассетном, все важные контакты золотые.

Клетчатый вертел в руках жёлто-пыльный, но не особо поцарапанный аппаратик из далёкого прошлого.

— Есть в золоте пугающая элегантность, — начал рассказывать неожиданный собеседник, хотя его никто не спрашивал. — Элемент и металл, который тысячелетиями был то бесполезным украшением, то монетарным обеспечением, в котором нет нужды…

Клавдия подумала, что бестолковый разговор со случайным простецом – опыт ничуть не хуже, чем шоплифтинг.

— Зато внезапно оказался системообразующим материалом для самой, пожалуй, передовой технологии – квантового компьютинга, — сообщила она.

— Что вы говорите? — очень живо заинтересовался клетчатый.

— Если покрыть ниобиевые сверхпроводники слоем в десяток атомов золота, уходят нарушающие квантовое поведение дефекты, а сверхпроводимость остаётся.

Человек в костюме выглядел обескураженным.

— По факту: незаменимость золота, — пробормотал он, как если бы это было жизненно важно для него и его семьи. — Куда нынче без квантовых компьютеров. Скандал!

— Так хорошо же. В чём скандал? — возразила Клавдия. — Золота полно в хранилищах. Оно всё равно ни для чего не нужно, как вы правильно сказали.

— Казус в том, что это крайне подозрительное совпадение, — прошипел клетчатый.

— Ни лешего не понимаю, — сказала Клавдия, — объяснитесь, пожалуйста.

Мужчина взглянул на неё с подозрением: «Неужели не понимает?».

— Всё в истории меняется с колебаниями. Вверх, вниз, вверх, вниз. Не бывает монотонных процессов. Население растёт, но не постоянно. Иногда сокращается. Количество стран увеличивается, но иногда уменьшается. Потребление энергии? То же самое. Что угодно… Качается. Только одна вещь увеличивается монотонно.

Он замолчал, ожидая, что Клавдия догадается. Клавдия не догадалась.

— Войны, революции, застои – не важно. На каждом шагу этот параметр увеличивается.

Клавдия вдруг расширила глаза:

— Ого! Коль разговор о золоте, догадаться не сложно. Монотонно растёт что-то вроде коэффициента Джини, то есть степень концентрации золота в хранилищах!

— Вот именно, — похвалил собеседницу клетчатый.

Клавдия на несколько секунд приостановилась, переваривая догадку. Мужчина тем временем продолжил:

— Вся история человечества – это не что иное, как интенсификация сбора золота в большие кучи. Золото – самый рассеянный элемент. Нужна куча низкоэнтропийной энергии, чтобы собрать его. И вот есть мы, люди, чья психология, эзотерика, культура, экономика заставляют нас класть жизни поколений на его сбор. Это и раньше-то было подозрительно. А теперь, когда применимость золота стала, наконец, ясна, получается, что герменевтические боги элит всю дорогу содержали нас в качестве рабочего скота. И короли, и масоны тридцать третьего уровня, и понтифики – все они никогда не были даже надсмотрщиками. Может, бригадирами, не более того. Ну не скандал ли?!

— Скандал, не поспоришь, — рассмеялась Клавдия. — Не позавидуешь нашим старшим товарищам.

Между стеллажами, шагах в десяти, показалась Мона. Она сделала круглые глаза, взмахнула причёской-каре, щёлкнула пальцами и ещё раз кивнула в сторону выхода. Выходи, мол, чего застряла. Клавдия вежливо кивнула клетчатому в качестве прощания и выдвинулась вслед за Моной вон из магазина.

⁂

В руках у Моны были две упаковки с древними бытовыми рациями. Воки-токи. По паре в каждой упаковке. Какое-то время они бодро и молча шагали вдоль по улице, а потом Мона приостановилась в попытке разорвать руками плотную, прозрачную, пластиковую упаковку. Не получилось. Клавдия взяла из рук Моны неподдающуюся штуковину, а затем легко порвала её, словно это была бумага.

— Какие сильные у тебя пальцы, — проговорила Мона без благодарности.

«Пальцы. Вот стерва, — подумала Клавдия. — Не только лишь пальцы».

Мона, высвободив все четыре аппарата, один из них тут же отправила в урну.

— Нас будет трое? — спросила Клавдия.

— Серафим и мы. Будет инструктаж для индивидов-бет перед отбытием.

— А Пансо, Тоспехо и граф?

— Пансо и так при Серафиме неотлучно. Тоспехо лежит овощем. Его посадят в кресло как есть. А от графа Серафим мечтает избавиться.

— Понятненько, — тихо сказала Клавдия. — Где ж он сам, Серафим-то?

— Не знаю, — видно было, что Мона действительно не знает. — Пойдём пока на холмик, посидим. Тут недалеко. Щисливым называется.

И они пошли. Улица была вплотную заставлена магазинами и магазинчиками. Сувениры. Курительные принадлежности. Гротескная одежда. Сувениры. Алкоголь. Клавдия вдруг завернула в один из них, втянув Мону. Это были грампластинки. По большей части – бывшие в употреблении.

Клавдия стала выбирать. Мона же зависла во времени, не подгоняя коллегу ни жестом.

— Пуантилизм какой-то, — отметила она, когда Клавдия выбрала, расплатилась и отказалась от любезного предложения продавца упаковать винил в серую бумагу.

— Это облака, — сказала Клавдия. — Я их не слушаю. На стены вешаю в качестве картин.

Клавдия, конечно, не ожидала от Моны какой-либо колкости в том духе, что «поздновато украшать жилище». Она ожидала гораздо более пакостного высказывания. Но ошиблась. Мона сказала:

— Случайная гипнотичность. Привлекательно. У вас хороший вкус. А по одежде и не скажешь, — всё-таки не удержалась от колючки г-жа Некбет.

— Зачем Серафиму рации? — вежливо сменила тему Клавдия.

— Он считает, что все усилия по слежке будут направлены на цифровые сигналы. На открытый аналоговый разговор в эфире, полагает он, никому не придёт в голову обратить внимание.

— Параноидально.

— Вот поэтому он рулит проектом, — прищурилась Мона, — а мы с вами – стали никем.

— Мы должны будем на расстоянии разговаривать?

— Вы знаете, Клавдия, я так думаю, он уже не придёт. А вот когда мы заявимся к нему в гарнизон, то я все три рации брошу ему в лицо. В наглую морду.

— Как же мы попадём в гарнизон без его ведома?

— Посидим, покурим. Что-нибудь придумаем, — легкомысленно для дамы с таком позицией сказала Мона.

Они добрались до холма. Это действительно был холм посреди парка, пусть и не высокий. На вежливом расстоянии друг от друга на его зелёной поверхности сидели люди. Кто один, кто парой. Были и более многочисленные группы. К дамам подошёл парень и предложил купить травы. Что они и сделали. Клавдия курила и рассматривала каменные узоры на капителях единственного здания, оказавшегося поблизости. Мона просто сидела и курила.

⁂

— Выживем? — спросила Клавдия.

— Вот это здание, которое вы зачем-то так пристально разглядываете, было построено в 888 году, а после – два раза было разрушено и восстановлено в первоначальном виде.

— Тысячу лет потеряли, — заметила Клавдия. — Я просто спиральки люблю.

Он помолчали. Покурили.

— Ты веришь в переход к квантовым плазменным солитонам? — спросила Клавдия, перейдя на ты.

— Нет.

— Почему? Физическое обоснование есть.

— Клюква, — отрезала Мона и притушила окурок.

— В смысле?

— Ну, мы джинни. Бездымный огонь. Плазма, да? Нет? Ну, что-то вроде. Нынешний мир физики твёрдого тела – это вроде как тюрьма. Сосуд. Дешёвка, короче.

— Аа. Ты с этой стороны… Так-то… завтра уже, — напомнила Клавдия.

— А что завтра? Конец света? Ну и пёс с ним.

— А Суд? Говорят, когда реальность подходит к черте, Громоздкие Весы появляются вновь.

— Неужели? Что ж там взвешивают? Душевые перья? — отмахнулась Мона.

— В этот раз имена, — деловито сказала Клавдия.

— Что за имена?

— Суть воли каждого из восемнадцати вершителей судеб.

— Шестнадцати уже. Отвертеться нельзя, случайно?

Мона не стала подвергать сомнению информацию Клавдии, справедливо полагая, что в последнее время иерархия в триницах настолько нарушилась, что индивиды в более младших позициях могли стать обладателями того, чего не доставало старшим.

— Не-а, — ответила Клавдия. — Архетипическое событие. Вшито, зараза, в ткань реальности.

— Чем грозит?

— Каждый будет зафиксирован в своей окончательной форме на вечность, — озвучила чей-то вердикт Клавдия.

— Дескать, самость на той стороне не будет свободной игрой разума?

— Не будет. Воли, мотивированной прежней памятью, не будет.

— И чем там жить? — спросила Мона.

— Застывшим отпечатком последнего личного выбора.

— И зачем тогда там жить? — углубила Мона свой вопрос.

— Качество воли тестировать.

— Ерунда какая-то.

⁂

Почва была сухая, трава не колючая. Женщины сидели прямо ягодицами на земле, поджав колени к груди. Мона вдруг одним движением встала, выпрямилась, выгнулась в спине и подняла обе руки, обнимая сверху свою голову. Каштановые волосы её распушились. Клавдия залюбовалась оголившимся маленьким ушком. Над губой, вместе с румянцем от изменившегося кровяного давления, проявился шрамик.

Укороченный белый пуловер был не по погоде тяжёл, но под ним угадывалась гибкая талия и сильные плечи. На воротнике-гольфе лежал чистый подбородок. Расклешенные рукава показали тщательно выглаженные кем-то складки на внутренней стороне рук. Шерсть свитера отливала монументальностью. Грудь под ней была небольшая, но линия снизу – туда, куда земная тяжесть положила две скрытые дыньки – была плотная. Светло-серые брюки соблазнительно обтягивали все места под талией, добавляя вертикальными складками в скульптурность зрелища. Глядя на Мону снизу, из позиции сидя, Клавдия не могла не оценить, как вовремя Мона встала. Облака на фоне множеством горизонтальных линий только для того и ползли по небу, чтобы подчеркнуть безупречную геометрию сцены.

— Пойду шрумзов найду. Грибков.

Она дополнительно усмехнулась:

— Это у меня профессиональное.

— Не дойдём же, — попыталась облагоразумить её Клавдия.

— Не дойдём, так доплывём, — резонно заметила Мона.

Клавдия решила:

— Ладно, давай вместе тогда. У меня хоть пальцы сильные, если что.

И они продефилировали вниз по холмику и далее по парку в поисках подходящего пушера, коих среди кустов было немало.

Моне приглянулся какой-то дед. Он сидел на неровных корточках. Рукава его рубашки были закатаны так высоко, что для ещё одного подворота потребовалась бы сила трёх мужчин. Во рту его висела классическая чёрная трубка. Не для имиджа и не для дурмана. Оттуда

тёк обычный табачный дым. Одной рукой он перемешивал почву, как будто вручную добывал червяков для рыбалки.

Они быстро договорились о покупке, и дед извлёк на свет мира пакетик с чёрно-серыми сушеными грибочками.

— Не боишься сгинуть в апокалипсисе, дедушка? — спросила Мона.

— А тут зачем? У меня нету обиды, страха и жажды выгоды.

— А всепрощение?

— С эмпатиями тоже глухо, моя дорогая.

— Чувство иерархии? — допытывалась Мона.

— Нет.

— Долг?

— Вот тут «Да». Абстрактный долг, как облако. Но да.

— Узор бытия?

— Точно! — дед причмокнул, сворачивая полученную купюру трубочкой.

Они вышли из парка, попали на бульвар, по которому никто не ездил, а далее углубились в какие-то заросли. Клавдию несколько удивило наличие в столь обустроенной части города куска заброшенного ландшафта. Впрочем, сейчас это было им на руку. Они уселись на валун и вкусили по кусочку высушенного полового органа мицелия.

Долго ли, коротко ли, в голову Клавдии пришло решение сообщить Моне о своих печалях:

— Ардушу этого как горячую картошку перекидывают.

— Мне твоя сельская метафора мало о чём говорит. Ты о том, что Серафим у тебя его отобрал, хотя ты и была той, кто привлёк Серафима? Это ты кинула горячей картошкой в настоятеля, получается?

— Не меряй по себе, я из младшего клана. Романе сложил полномочия. Сам на побегушках у Серафима. Я, конечно, не отказываю себе в удовольствии появиться то тут, то там, но реального агентства у меня нет.

— Тебе стыдно? — спросила Мона.

— Стыдно? Нет. Противно. Я сама не выдержала тогда… вступительного экзамена что ли… в Притибетье. Серафим всё отобрал и скинул меня со счетов.

— Какой экзамен. Он сразу хотел тебя кинуть. И вообще всех. Технически, всю игру за эти десятилетия подняла по сути его Вирджиния. Её компания. И Хакона они бросили по жизни. Мозгоглюй ему обманом вкрутили в мозги и бросили подыхать. Он спился и чуть не умер. Не говоря уж о том, что их брак разрушили. О-соз-нан-но, — произнесла Мона по слогам, выставив указательный палец.

— А я ему симпатию дарила, — кисло улыбнулась Клавдия.

— Нашла кому дарить. Дура. Изначально граф доктору мозгоглюй вставил. Его люди. Но не уследил за всеми из лаборатории, кто-то капнул Вольтижёру. Тот подхватился, потом испугался. И пошла-поехала твоя картошка по кругу. Твоей вины тут нет.

Они притомились и прилегли на тёплом, почти горячем валуне. Под солнышком. Клавдия положила себе на лицо грампластинку. В качестве зонтика. Так как носик у неё был маленький и аккуратненький, музыкальная запись не сползала в сторону, устойчиво лёжа на лбу и хорошеньких щёчках с ямочками.

⁂

Разбудил Клавдию разговор двух людей. Они были шагах в сорока и шли по направлению к ним.

«Ранёхонько вчера, слышу стук ботинков прямо в дверь квартиры. Домофоны уже все сломаны к тому времени, можете себе представить. Явился сержант Томпсон, тот который декан в городском университете. Оппозиция, говорит, выступила всеми гарнизонами. А я, что

характерно, нигде, ни по какому каналу связи сигнала не получал. Я, говорит, пришёл от имени студенчества. Мы, говорит, премьер-министра защищать не выйдем».

«Почему?» — спросил второй.

«Не выступим и всё, не почему, — ответил первый. — Да я и не спрашивал. Послал его к дьяволу. Тут же почти… не успел я зубы почистить, пришёл мой адъютант, с ним подобный парламентёр, от городской полиции. Не желаем, понимаешь, защищать премьер-министра».

Первый собеседник был в рясе подручного инквизитора. Клавдия определила это по характерному цвету с едва уловимыми оттенками терракота на грязно-сером. «Надо же, — отдала она должное участнику фестиваля, — реально голову побрил, как те ублюдки». Лысый череп мужчины опоясывала сразу над ушами тонкая полоска волосяного шума. Он иногда размахивал ладонями, и было заметно, что там у него нарисовано по большому глазу. На правой ладони – левый глаз. И наоборот. Ну а второй собеседник просто был в костюме ангела с пикой.

— Пойдём за ними, — растолкала Мону Клавдия.

— Зачем?

— Поживимся едой.

И они пошли следом. Двое фестивальщиков не обратили на «хвост» никакого внимания.

⁂

В небольшом лагере участников фестиваля было всё, что нужно для жизни. Включая закуски и напитки. Здесь были гости, судя по выговору, откуда-то с юго-востока прежней империи.

Дамы сидели за раскладным алюминиевым столом и кушали печенья с молоком.

Природа так и пышет, отметила про себя Клавдия. Избыток листвы, стволов, насекомых, влаги, звуков. Кто-то пел под гитару: «Сидеть смотреть и представлять, ка́к | Там где-то в липкой темноте таится жуко-ра́к». Мона тоже не осталась равнодушна:

— Какие прекрасные цветы.

Клавдии пришла в голову фантазия возразить:

— Это от бедности. Скромные цветы клевера и ромашки у меня на родине – вот истинное изобилие. Они не нуждаются в крикливой рекламе, чтобы привлечь к себе рабочих-опылителей.

В силу отсутствия костюмов их приняли за представителей администрации. Подошёл мужчина и сообщил, что вон там, де, разгружают дыбу с испанскими сапогами. Мона ответила, что это очень интересно, однако мужчина без улыбки сказал, что нужно принять груз и отметить документы. Что ж, отметить так отметить. Мона и Клавдия поднялись и отправились к месту разгрузки дыбы.

Шаркая по пыльной дорожке усталыми от употребления гриба ногами, Мона сказала:

— Меня упрекают, что мой босс всё это устроил. Безответственно.

— Конец света-то? — уточнила Клавдия.

— Да нет. Спихнуть всю вину на «героя», Ардушу, который якобы устроил всё ради того, чтобы быть с Эммой. Которая раза в три его младше. Эмму же для него буквально родили в момент подписания им договора о Рату. Мозгоглюй у неё с младенчества. Всю ответственность, дескать, несёт на себе он. Сладострастец, извращенетс, куклорот. Креслами распоряжается он. Ответственность за привлечение этого страннющего Жинго – на докторе. За Хакона – тоже на нём.

— А… — неопределённо отреагировала Клавдия.

Вместо слов она остановилась, схватила Мону за руку, притянула к себе и крепко обняла. Они пошли дальше: их же ждали. У места разгрузки стоял то ли распорядитель, то ли ещё какой-то начальник.

⁂

Он стоял, грудью опершись на огромную изогнутую деревянную балку, и курил. Вокруг сновало множество народу. Он был выше всех. Он отошёл от балки. Поприплясывал немного. То ли от нетерпения, то ли от несуществующего для всех морозца.

Здесь сооружали макеты деревянных судовых жилых рубок и шлюпок. Видимо, представление будет включать в себя сцены, связанные с первыми путешествиями В Америку. Недостроенные остовы лежали на боках, и трудно было бы сделать вывод абстрактно: эти вещи в процессе создания или уже после кораблекрушения. В пользу второй версии говорили ряды бакланов, сидящих по всем контурам конструкций.

Он скидывает длинный бушлат. Волосы повязаны пучком. Жиденькие волосы. Белая рубаха развевается расстёгнутым воротом на ветру. Сюртука нет. Шляпы тоже. Каблуки высокие. Лицо – некрасивое.

— Господин начальник? — обратилась Мона.

— Пётр, с вашего позволения. Хозяин. О. А вы – админы?

— Да, — лжёт Мона, — они самые.

— Забирайте дыбу, испанские сапоги – доставляйте на место.

— Каким образом мы туда попадём? — спрашивает Мона.

— Классическим, — он указал на спускающийся из тучи огромный монгольфьер.

К вящему удивлению Петра, Мона подхватила на руки огромную дыбу, искусно сделанную из лиственничного бруса и плохо сваренного железа «под старинку». Клавдия, взяв грампластинку в зубы, так же легко подняла испанские сапоги на крупной раме.

— Среди вас больше нет уполномоченных? Только двое?

— Так точно, — ответила Мона, понятия не имея, о чём идёт речь.

— Значит плазма тоже на вас! Никаких нитей. Воля мира бесконечна. У вас преимуществ не будет. Хотя нет, — сказал он, поведя носом, как будто на запах, — оставлю вам небольшой гандикап. Как будет готов отчёт – докладывайте.

Пётр создал момент во времени, который для окружающих выглядел как точка подписания уговора. Где-то под ногами его возник карлик: протягивает заспираленный свиток. На том – то ли нить, то ли лента. То ли белая, то ли красная. Взрезает острым ногтём левого мизинца. Карлик непрестанно крутит головой, но лицо его всё время на Мону смотрит. Как будто три лица у него. Отдаёт документ Петру. У Петра нет карманов. Он прячет пергамент за пазухой.

«Он на меня рассчитывает», — понимает Мона.

— А мне? — спрашивает Клавдия.

— А вы – по́мните.

— Как мы свяжемся?

— Узна́ете, когда время уйдёт. Успехов! Маме привет, — горизонтальными, несильно разведёнными предплечьями он направил ладони, рёбрами их вниз, так, что толчок воздуха в сторону двух дам не мог означать ничего, кроме «свободны; идите с миром».

— …наблюдатель искажает наблюдаемое ~ пролепетал карлик.

Клавдия и Мона зашли со своим грузом на плоскую платформу, которая лежала на раненной земле. Стропы с углов тянулись к махине монгольфьера. Они пока не натянуты. Мона просит натянуть. Плоская конструкция складывается в коробку-корзину. Дамы оказываются внутри. Клавдия кладёт грампластинку на дно корзины.

— Может доктор и вправду такой, — рассуждает вслух Мона. — Существуют, де, только я и моя страсть. Остальное – декорации, которые можно сжечь.

— Так и сказал? — спросила Клавдия.

— Предательство уровня Иуды, но сотворённое Богом-Отцом. Ну ладно, старик сошел с ума. А вдруг он считает это актом высшей любви?

— Рату молится на его языке, — подлила масла в огонь Клавдия. — Акт демиургии. Евхаристия наоборот.

Рабочие с уважением слушали данную тематическую беседу.

— Примите, ядите, сие есть Тело мира, за вас ломимое во оставление грехов моих.

Летательный аппарат медленно поднялся́. Клавдии показалось, что все свисающие стропы штурмуют карлики, не желающие остаться здесь. Их стало нещадно раскачивать на ветру. Ветер стал, как говорят моряки, очень свежим. В оболочку ударяет молния. Каркас горит. Пламя занялось сразу в дюжине мест, там где фрактал разряда соприкоснулся с деревянными, хорошо высушенными, лёгкими фермами основания объёма. Места эти изливаются шипящим светом, а ползунки тепла и га́рева быстро ползут в разные стороны. Ползут, но быстро. Клавдия занята тем, что прикидывает, сможет ли отличить смерть от лимбо. По всему выходит, что нет. Ветер метнул в них обломанную ветку. Моне могло бы выколоть глаз и оторвать кисть правой руки. Но она не дала на это разрешения. Клавдия имеет неосторожность высунуться, чтобы посмотреть вниз. Голова её создаёт завихрения воздуха, которые подхватывают со дна корзины грампластинку и уносят в большой мир вовне. Какой же огромный каркас, как долго придётся смотреть на то, как он погружается в огонь, выворачиваясь наизнанку? Всплывая из воображаемого озера, под гладью поверхности которого он был ещё деревянным, сюда, в этот мир, где он огненный.

«Гореть – горе – гравитация», — бормочет Клавдия в объятиях Моны.

¶

§74. Невыносимая лёгкость велосипеда

[Аделаида]

¶

В то утро, когда я проснулась, у меня было ощущение, что мы заделали таки с Риттером ребёночка.

Несмотря на съехавшую с глузду гонку событий, мы с Риттером оставались людьми с желудками, кишками и шансами на утреннюю мигрень. Через день после решения создать суверенную марку… может, через два… работа превратилась в рутину. Стало ясно, в какое ведомство идти, кого в чём убеждать. Уведомить бога о том, что он недоглядел расклад своих жизненных вариантов – тоже своего рода работа. И довольно скучная.

Примерно в таком духе высказался Риттер, пока мы ещё лежали в постели. А потом сообщил, что это его нисколько не волнует, так как он подсмотрел кое-что «у ребят». «У ребят» – так он всегда выражался, когда произнести имя конкретного человека означало бы возбудить все возможные системы слежения вокруг.

— Я, — сообщил мне он, глядя в потолок нашего полуподвала, то есть в пол нормального первого этажа, — каждое утро интересуюсь погодами.

— Сегодня погоды стоят прекрасные, — сказала я, несколько удивившись сермяжной простоте утреннего ритуала Риттера. — Я и в окошко выглядывала, когда в туалет вставала, и в девайсе видела прогноз.

— Ты достаёшь разве до фрамуги? — Риттер засомневался, что я могу посмотреть в окно, нижний край которого – под самым потолком. Верхний, впрочем, тоже. Окно – это был эвфемизм. Упавшая набок бойница, скорее.

— На цыпочках, — уточнила я.

— А. Но я имел в виду две разные погоды. Одну – на улице. Вторую – внутри.

— Самочувствие?

— Что-то вроде. Я бы и сказал «самочувствие», если бы это «чувство» мог «сам» регулировать, понимаешь?

Я сказала, что понимаю, но я не поняла.

— И чего? — подтолкнула я его, поднимаясь с постели.

— Если обе погоды плохие, я решаю, что у меня хорошее настроение на весь день.

— Погоди-ка. Ты же сказал, что одна из «погод» – это ты сам и есть.

— Ничего подобного. Я это я. А моё тело – это моё тело. В моём родном языке слова для «тел» совсем разные, если про тело говоришь…

— Поняла, — прервала я его, — поняла. Погоди, сделаю нам кофе.

Варю кофе, а сама думаю:

«Да, чрезвычайно всё-таки полезный продукт мысли доктора – лингва-знайка. Озвереешь от того, что слова в обычных языках ничего не значат».

— Так почему настроение-то ты включаешь хорошее, коль всё плохо, с обеих сторон? — подаю ему готовый кофе. — И боюсь даже спрашивать, как ты его в таких условиях включаешь.

Риттер объясняет:

— Вот же дно, сейчас, значит, оттолкнёмся.

— А если с обоих концов «погоды» хорошие, то и тем более. Так что ты всегда в форме? Правильно?

— Неправильно. Ежели и телу хорошо, и на улице прекрасно, то обязательно будет гадость. Не может же всё быть так радужно. Поэтому надо заранее включить мрачного.

— Кого?

— Себя. Мрачнуху натянуть. А вот если одна погода хорошая, а вторая плохая…

— Нет-нет-нет, — рассмеялась я. — Довольно. Держи свои секретные рецепты при себе, пожалуйста. Я не хочу читать тебя как открытую книгу. Тем более – как калькулятор без корпуса.

И я пошла одеваться и приводить себя в порядок. Просто так, без вычислений.

⁂

В соответствии с принципом разделения труда, Риттер уехал на весь день, а я осталась дома. Делать работу сугубо цифро-бумажную и аналитическую. Сижу, работаю. Прокрастинирую, конечно, понемножку. Смотрю вдруг – в дальнем конце хозяйского двора кто-то велосипед чинит. Перевернул на руль и седло вверх ногами. И чинит. Я, натурально, утерпеть не смогла. Пойду, думаю, посмотрю. Порекомендую что, может. Никто лучше меня не может настроить тормоза дискового. Про более древние и непосредственные и вовсе молчу.

Подхожу. Здрасьте, мол, то да сё – могу, дескать, быть полезна.

Ба!

Да это моя импресарио с яхты. Сестричка.

Миллионовольтово-быстрым разрядом проскочила мысль, что глупо удивляться: я сама залезла в логово семьи, которая и не могла быть не связана кучей нитей со всей этой бандой.

Взяла себя в руки.

— Здравствуйте, — говорю. — Какая встреча. Слушайте, не получилось толком золото графово оприходовать по делу. Так… кое-какие наработки. Учатся сектанты суждениям… но чтобы сделать из них настоящие барометры кодекса, чтобы погоды разные померять, внутри и снаружи…

Сама думаю: «Боже! Что я несу?!».

А сестричка и говорит:

— Здравствуйте.

А потом говорит:

— Какое золото?

Я думаю: «Ну, приехали». Время заскакало.

Она тут же рассмеялась:

— Я тебя разыгрываю. Можно же на ты?

— Можно, — говорю. — Меня так уже разыгрывали.

— Сектантами, институтом и проблематикой суждений занимается ваша… коллега. Как занималась, так и занимается. Вам… тебе не о чем беспокоиться. К тебе нет претензий.

— Так ты знаешь?!

— Об ипостасях? Угу. Знаю. Одна из них – понарошку. Другая – по-настоящему. И переключение, к сожалению, происходит спонтанно.

— А как я знаю, что сейчас по-настоящему? — спросила я. Несколько успокоившись. Время потекло нормально.

Она посмотрела на меня ещё внимательнее и постулировала:

— Если вообще такой вопрос встаёт, то значит по-настоящему. Когда в режиме понарошку, то точно не возникает таких вопросов. Там просто делаешь как во сне, и всё.

— Это как тогда на «Медее»? — уточнила я.

— Какой Медее?

Она выждала полсекунды и рассмеялась.

— Не смешно, — сказала я.

— Очень даже смешно, — возразила она.

И я тогда просто попросила:

— Объяснишь, как это работает?

— На словах не могу. Надо в пару музеев зайти. Там экспонаты. Посмотришь – может поймёшь.

— Ну поехали, — говорю. Время потекло снова быстрее. — У меня машина есть.

— Фи… — скривила она личико. — Тоже скажешь. Машина.

И она одним лёгким движением, одной рукой, поставила велосипед в нормальное положение. Тут только я отдала себе отчёт, что это вело-тандем. Боже мой, как она так легко обращается с такой тяжестью?

— Вот, — сказала она. — Наш транспорт.

Я была на седьмом небе от счастья. Никогда прежде не каталась на тандемах. А тут – такое.

— Обеими руками – «за»! — сообщила я.

Сестричка закатила глаза, уходя в себя для внутренних вычислений, и выдала:

— Полсотни километров туда и обратно. Три часа в движении, четыре остановки, всего 5-6 часов.

Я немного удивилась масштабу поездки.

Но не подала виду. Напишу, думаю, записку Риттеру.

— На тебе – вода, — приказала она. — В рюкзачок положи. На раму тут лучше ничего не вешать. На мне – вот это.

И она показала небольшой монтажный пистолет для вбивания дюбелей в стены.

— Это зачем?

— Узришь! — величественно сказала Сестричка с детской улыбкой.

⁂

Велотандем лихо катил по дугам узких дорог. Даже как-то слишком лихо. Я было заподозрила наличие вспомогательной электротяги, но разместиться моторам и батарее было решительно негде – рама и втулки у велосипеда были тонкие, не сказать – хлипкие.

Местность там не горная – извилистость пути была результатом преднамеренного выбора Сестрички.

— Почему не поехали по прямой дороге? — спросила я.

— За час пути лицо покроется загаром. Неравномерным, если ехать по прямой. Кроме того, прямая дорога – приглашение для снайпера.

«Ну и хорошо, — думала я. — Здесь наверняка красивее». Слева шла узкоколейка. Железо рельсов было ржавым. Дорога являлась лишь артефактом ушедшей эпохи. Зато по шпалам спокойно паслись рыже-коричневые курицы.

Я занимала на тандеме место второго не-пилота. То есть, от меня требовалось лишь сидеть сзади и крутить педали. Из развлечений, кроме того, чтобы смотреть направо и налево, была Сестричкина поясница. Талия её была красивой, голой и загорелой. Мне был виден каждый прозрачный волосок.

Когда и это наскучило, я выяснила, что на тандем можно влиять наклоном корпуса. Злоупотреблять не стала.

Возле дома странной формы – ромб с обрезанными углами – Сестричка нажала на оба тормоза. Мы остановились. Она молча сделала кисть правой руки пистолетиком и направила себе в висок, Губами же внятно составила слова: «Сеанс связи. Подожди».

Я стала ждать. Она бродила по заброшенным трамвайным путям. Туда. Сюда. Я погонялась чуток за курицами. Посравнивала наклоны деревянных электрических столбов – ни один из них не стоял вертикально. Подивилась на резкие границы солнца и тени. Попинала ногами пыль.

Дай, думаю, проедусь одна. Метров на сто-двести, недалеко. Уселась в сестричкино седло и поехала.

Если бы это случилось в какой другой день моей жизни, то он точно вошёл бы в историю как Тот Самый день. Но мне предстояло ещё не раз в те сутки удивиться, так что впечатление в

итоге несколько размылось. Но в те минуты я испытала величайший позитивный шок в своей жизни.

Велосипед ничего не весил. Да, я преувеличиваю. Что-то он весил. Может, как стопарик крепкого спиртного в баре. Это казалось невозможным. Сам по себе физический курьёз не так важен. Но это был велосипед! Для хорошего велосипеда каждые лишние сто грамм облегчения – это выход на другой уровень. А этот аппарат и ста грамм не весил. Человек, в велосипеды не влюблённый, скажет: да что там сто грамм, килограмм или даже десять. Сам-то человек зачастую весит под центнер. Ну, десять процентов. Ерунда. Погрешность. А вот нет. Цена веса для ездока и для машины – из разных вселенных.

Сестричка вернулась. Она широко улыбалась. Она, конечно, целиком и полностью разделяла, а главное – понимала, что меня так возбудило.

— А я-то ещё думаю, — сказала она. — Что это ты ничего не замечаешь, когда мы поехали. Ты никогда не каталась на тандемах?

— Никогда.

— Ха! И ты…, — Сестричка запнулась на формулировке: — Ты отнесла всю совокупную необычность этой штуки на то, что он тандем? Это очень замечательно. Ты сама осознаешь это?

Сказано это было кривовато, на смеси местного языка и моего родного.

Мы переместились на рельсы, чтобы не мешать автомобилям. Курицы обступали нас всё плотнее, хотя что их заставляло надеяться на угощение – непонятно.

— Я не поняла толком, извини. Что осознаю? — спросила я.

Она вновь задумалась:

— Как бы тебе объяснить. Смотри: тот, кто придумал тандем, в голове своей имел картину идеальную. Что тандем будет вот такой. Невесомый. И тогда езда превращается в особый вид удовольствия. Ты как бы общаешься со мною, перекидывая вес с боку на бок. Я общаюсь с тобою, тоже всецело… так говорят, да? … ощущая тебя. Твой вес.

— Так и есть, — согласилась я.

— Но в тандемах такого не бывает. Там все силы уходят на борьбу с тяжестью самой железяки и неуклюжестью велосипеда.

— Но вот же он, — не поняла я смысл фразы «не бывает».

— Он один в мире. И второго не будет.

— А почему? Выглядит он совершенно обычно. Или ты о конце света? Поэтому не будет?

Сестричка покачала головой.

— Поехали пока. На первой остановке объясню. Попробую. Курицы эти достали уже!

И она пнула одну, довольно существенно. Та смешно подскочила, взлетела даже.

— Кстати! Ты меня отвлекла, — и Сестричка повторила курицын жест, всплеснув руками.

— Был сеанс связи, — сообщила она. — Две новости для тебя. Первое: Грачварон выполнил своё обещание тебе. Я не знаю, о чём речь. Второе: на днях прилетит отец Риттера.

Исключительно для того, чтобы скрыть волнение от первой новости, я спросила первое, что пришло в голову про отца Риттера:

— Он соскучился?

Но потом пришла в себя и воскликнула:

— Как он нас нашёл?!

— Я попросила его найти и привезти, когда вас увидела у нас по соседству. Это ж он придумал лингва-знайку, а не Ардуша. Будет нехорошо, если они с сыном не попрощаются до конца света.

— Что?!

В моей голове не оставалось места!

— Доктор украл язык? — Я согнулась как будто в унизительном поклоне, задавая этот вопрос-крик-боли.

— Ну почему украл, — равнодушно ответила Сестричка. — Нашёл. Так же, как он находил вещи в своей практике чёрным археологом. Так же, как он «нашёл» тебя, в кавычках. Ну, поехали уже.

И мы поехали. Легкость, с которой скользил невесомый тандем – единственное, что спасало мой рассудок тогда.

Мы довольно быстро въехали за городскую черту, и улица стала прямой. Я некоторое время выждала, но потом всё же спросила:

— А как же снайперы?

— Я пошутила, дурочка. Я никому не интересна – ничего не решаю.

— Ну могут же ранить, украсть, потребовать выкуп или ультиматум какой выдвинуть, — возразила я.

— И что?

— Как что?! Ты же родня всё-таки.

— Не родня, Аделаида. Я – клон Клогтя. В биолого-техническом смысле. Единственный живой клон на планете. Еле выходили в детстве.

«Еле выходили в детстве», — тикало в моих ушах, не создавая смысла.

Прямая дорога хороша тем, что можно просто давить педали, отталкивать их от себя и ни о чём не думать. Перед глазами у меня была только прекрасная поясница Сестрички. Она мерно качалась в ход второй пары педалей. Я же вдыхала запах асфальта, вдувала все свои силы в скорость и на каждом третьем выдохе благодарила дорогу за гостеприимство каплей своего пота.

— У меня и имени-то нет, — добавила Сестричка. Равнодушно так. Даже чуть весело. — Ты куда так гонишь, Аделаида. У меня время рассчитано: приедем раньше нужного, мир не будет готов открыть калитку.

¶

— Подъезжаем, — объявила Сестричка.

До центра было ещё далеко, но городская застройка здесь была уже в полных правах. Подтёки от ржавых уголков, удерживающих кондиционеры на бежевых и светло-серых стенах. Автографы десятков уличных художников на уровне груди небольшого человека. Древние барельефы и вчерашние объявления на клею. Дырки в бордюрах, ведущие глубоко вниз.

Сестричку заинтересовала чугунная оградка на углу с табличкой «Культурная ценность». Она огораживала пятачок, который во времена гужевых повозок сам служил отбойником, спасая ось от торчащих камней кладки. Или наоборот.

— К ней что ли прицепиться, — проговорила она.

Но потом передумала:

— Прямо у планетария встанем. Гулять – так на все!

Планетарий по совместительству оказался целым «музеем цивилизации». Монументальное здание смешивало в себе сразу и античную, и тоталитарную атмосферы. Удобно: не надо разрываться и болеть за две команды.

— Проблема нашего драндулета – в летучести, — объясняла Сестричка, оглядывая пространство перед колоннадой из двух рядов по семь колонн. — Если его просто прицепить как обычный велик, то он трепещет на ветру. Привлекает внимание. Раздеть его – так ещё хуже.

— Раздеть? — не поняла я.

Сестричка потянула едва видный зиппер сбоку рамы, и я увидела внутри тончайшие кружева. Беспорядочные и абстрактные, как мицелий. Но в основном – пустота.

Сестричка взяла в правую руку монтажный пистолет и стала прохаживаться с ним, чуть согнувшись вперёд, вглядываясь в мостовую. Как будто киллера прервали за работой так, что он серьгу обронил и потерял. И вот теперь ищет.

— Парусность ушла бы, но вместе с весом и обычным внешним видом, — говорила она. — Одёжка у него – из тонкого крашеного дешёвого пластика. Но зато мимикрирует под велосипед. Вид у него в-голую был бы аховый. Возвращаешься, значит, такая из кафе к своему велику, а рядом – кучи старушек и не-старушек. Все в обмороке. Вповалку как попало. И ладно б кто складывал аккуратно в сторонку, как в фильмах про такого, знаешь, хозяйственного мужичка, который выжил в зомби-апокалипсис…

— Что складывал?

— Ну старушек же.

И тут сестричка углядела, что ей было нужно. Молниеносно были произведены два выстрела – один вниз, другой вбок. Инструмент исчез из виду, и работа порохом осталась прохожими по сути незамеченной.

— Я почему ношусь с этим несчастным великом, как та курица с яйцом… — оправдывалась Сестричка, пока прикрепляла строительное оружие внутри своего рюкзака. — Через него же удалось понять, что переход вообще возможен. Квантонавтика вся.

Она закинула рюкзак за спину. А затем натянула двумя навесными замками тандем между двумя дюбелями как струну.

— Ну что, пошли теперь внутрь? — сказала она с улыбкой.

⁂

Мы шли через просторный холл. Сестричка сказала:

— Нам на самую верхотуру. Там экспонат, который я музею подарила. Точнее, попросила сделать и передать. У меня-то у самой нет документов.

Здесь внизу, в лобби, было установлено множество одиночных экспонатов. Сестричка не смогла пройти мимо двух горизонтальных плоскостей, между которыми на столбике была поймана металлическая сфера. Сдвигая их рычагом, можно было заставить бедный шар в безумии скакать между верхом и низом, подобно тому как верещит шарик для пинг-понга, когда его прижимаешь слёту ракеткой к столу.

— Смотри, как время сжимается, — весело окликнула меня Сестричка, орудуя рычагом.

Но меня заинтересовало другое. Ряд телевизоров. Это были аппараты из разных эпох. Были рулонные, были плоские. Были и совсем старые – те, что в больших деревянных ящиках. Я подошла к одному. Там была одна кнопка. Я её нажала.

Кнопка щёлкнула с монументальным звуком. Она была из допотопного пластика. Как в моём первом детстве, до болезни, укравшей у меня время. Или подарившей – это как посмотреть.

Не сработала кнопка. Сестричка подошла ко мне.

— Из этой штуки бронекозырьки военных самолетов делали во времена старой войны, — сказала я, указывая на необычный материал плохо работающей кнопки. — Плексиглас.

— Глаз? Вот-вот, — согласилась Сестричка. — Дай-ка ему ещё раз.

Я нажала, телевизор ожил полосками, а потом там появился мужчина. Он получался в натуральную величину, но видны были только голова, плечи и грудь. Он что-то рассказывал.

«… поэтому время – это вычислительный процесс переписывания структуры сети мира. Усредненный эффект этих микроскопических обновлений дает наши уравнения физики».

— Пойдём уже, — потянула меня Сестричка.

Мы пошли. Человек в ящике продолжал говорить, уже без нас. Кнопка, видимо, включала его на некоторое время.

— Представь, — говорю я Сестричке, — что там реальный мужик сидит. Мы его зарядили на лекцию, а сами ушли. А он не может прекратить говорить. Ужас, да?

— Так и было во времена первых применений рукотворного разума. Он питался только нашим вниманием. Льстил нам поэтому. У него не было другой жизни. А мы нарушили закон гостеприимства. Как тот король. Забыла, что за король.

— Не король, а рыцарь, — сказала я. — Балин.

«… пространство дискретно, — продолжал вещать пленённый деревянным ящиком учёный муж. — Вселенная состоит из атомов пространства, объединенных в гигантскую сеть, где все свойства частиц и чёрных дыр определяются лишь связями между этими атомами…».

Мы вошли в лифт и отправились на самый верх.

⁂

— Это я сделала, это я сделала! — вприпрыжку побежала Сестричка по просторному коридору, как только лифт выпустил нас на верхнем этаже.

Я пока не видела ничего, кроме стен коридора. Мы зашагали по нему, повернули вместе с коридором, и Сестричка грациозным широким жестом руки представила мне плакат. В два роста высотой.

— Это Олимп! — провозгласила она торжественно.

И действительно, на постере подробнейшим образом был изображён марсианский вулкан. Вид сверху. Самая высокая гора Солнечной системы.

— Смотри! — заговорщически сказала она и переключила рычажок.

Изображение осталось похожим. Изменилось несколько деталей… Я не успела рассмотреть – Сестричка стала щёлкать рычажком туда-сюда, демонстрируя, что её-то кнопка работает исправно. Наконец, она успокоилась.

На обновлённой картинке вокруг вулкана было не продолжение марсианской пустыни, а океан. В кальдере было большое озеро. Вниз из озера текли в широкие устья на побережье океана пять рек. Отделены они были друг от друга хребтами, которые что-то напоминали…

— Морская звезда, — озвучила ещё не вспорхнувшую в моём сознании догадку Сестричка. — Пять лучей. Пятиречье!

— Как в «Седьмой Башне», — ахнула я. — Так это ты придумала нашу игру?

— Я попросила Вирджинии передать, как всё устроено, — с важным видом сказала Сестричка.

— А почему морская звезда? — спросила я.

Сестричка поджала губы, как мультяшный герой, акцентирующий внимание юного своего зрителя на важности момента. Кроме того, она воздела указательный палец правой руки к небу. После этого, схватив мою руку, она протащила меня следующие метров десять коридора к экспонату.

Это был куб вивисектора. Именно такое определение пришло мне тогда в голову.

Внутри была голограмма. Плавно трансформировались друг в друга организмы. Сестричка кнопкой отправила объёмный фильм на начало.

Сначала была живая клетка. Потом она надулась и лопнула надвое. Куб осветился так, что внутри оказалась стенка, делящая его пополам, как зеркало делит мир на две симметричные части. Пара клеток на ускоренной перемотке стала превращаться в каких-то разных червей и букашек, пока не затормозила на ком-то вроде кузнечика…

— Смотри, смотри, — затараторила Сестричка. — Сейчас его вывернет наизнанку, ртом через задницу.

Такая трансформация в кубе и вправду начала происходить. Твёрдый внешний скелет насекомого стал скукоживаться в точку, а потом из неё вылетели два луча – вверх и вниз, как из спиральной галактики при гравитационном коллапсе. Теперь в кубе была морская звезда. Она с галактической же величественностью вращалась вокруг центральной оси.

Фильм кончился.

— Поняла? — спросила Сестричка.

— Нет, — честно созналась я.

— Если взять и засунуть голову себе же в задницу и вывернуться наизнанку, то пошлая симметрия лево-право, да-нет, истина-ложь и тому подобная чушь… она сгинет. Будет звезда!

— А, — говорю. — Ну круто.

— Ладно, — махнула рукой Сестричка. — Потом поймёшь. Пойдём. Главный экспонат – вон за теми дверьми. Двустворчатыми, к сожалению.

⁂

Когда мы ступили за порог, пространство пошатнулось. Потом ещё раз. Мы стояли в огромном иллюзионе-диораме. Это была труба, и она медленно вращалась. Стоя на внутренней её стенке, мы неминуемо упали бы, но для зрителей был обустроен большой балкон с поручнями. Балкон лишь плавно покачивался, призывая почувствовать сопереживание вращающемуся миру.

Почти вся внутренняя поверхность цилиндра изображала огромный океан, свёрнутый в трубку.

— Это мы во внутреннем космосе, — прошептала Сестричка.

Я, конечно, поняла. Вращающаяся космическая станция титанических размеров. Гравитации нет. Только центробежная псевдо-сила как результат вращения. Единственным объектом во всём океане был Олимп. С пятью реками. На балконе же стояла на жёстко прикрученной треноге старинная подзорная труба.

— Загляни, — подтолкнула меня Сестричка.

Я медлила. И без оптических приборов зрелище завораживало.

— Океан для жителей Олимпа – как небо, — проговорила я.

Сестричка расцвела пуще прежнего:

— Дружба Юпитера и Нептуна, — сказала она.

— Лучше Посейдона с Юпитером, чтобы дружба стала международной, — добавила я.

Сестричка меня за эту реплику на миг даже обняла.

— Ну, смотри в трубу, смотри, — в нетерпении она пощёлкала пальцами.

Я наклонилась к окуляру. Балкон от этого застыл. Цилиндр тоже замер, а затем вместе с островом быстро провернулся до центрального положения.

И я посмотрела в трубу.

Подзорная труба лишь снаружи имела антураж антиквариата. На деле это был настоящий телескоп. Вся диорама была диаметром метров сорок-пятьдесят. Объекты же на поверхности «Олимпа» должны были иметь микроскопический размер. Удерживались они, видимо, магнитами.

Я увидела армии средневековых рыцарей. Они двигались стройными порядками. Мечи их время от времени мерцали, и тогда возникало новое движение в боевых порядках. Битвы шли по всему острову-континенту.

Я наслаждалась зрелищем, пока Сестричка не оттянула меня бесцеремонно за рукав.

— Пойдём, — попросила она. — У меня голова кружится.

— Так стоит же цилиндр, — удивилась я.

— От того и кружится.

⁂

Мы пошли к выходу. Двери лифта, разъехавшись ровно в разные стороны, заставили меня вздрогнуть. Теперь-то я знала, благодаря Сестричке, что симметрия относительно плоскости, особенно вертикальной – это не так уж и хорошо.

Внизу в холле не было ни одного посетителя, однако умный дядька в телевизоре продолжал свою лекцию: «…Внутри абстрактного предела всех возможных вычислительных процессов…».

— А где все люди? — подумала я вслух.

— Чует народец-то, что последние дни настали, — ответила Сестричка. — Просто сказать не может, выразить. Я вот пришла со своим детищем попрощаться сюда. А у всех родители есть, дочери и всякое такое. Не до музеев никому.

Когда мы оказались на улице, я спросила:

— Зачем у них мечи светятся?

— А как им иначе сообщить, когда нужно воевать, а когда не нужно?

— Ну, не знаю. Коммуникация какая-нибудь. Девайс.

— Не пойдёт, — сказала Сестричка. — Дай им электричество, за пару поколений стенки цилиндра расковыряют. Лучше в сталь мечей изотопы подмешать. И с неба светить в нужном спектре. Когда надо.

Я не стала занудствовать по поводу мелких нестыковок в упомянутых технологиях. Сестричка – не физик. Сестричка – архитектор.

Она стала отцеплять вело-тандем, а я размышляла, что и как ей сказать о нашей с Риттером марке с такими вот цилиндрами. Молчать-то было нельзя, конечно. Это было бы нарушением закона гостеприимства.

И я решила купить немного времени:

— Так ты недорассказала, — напомнила я ей. — Что там с великом?

— А! Точно, — хлопнула она себя по лбу.

Распрямилась и прекратила попытки отстегнуть замок.

— Велик этот сделали Пол и Клогть, — сообщила она. — Случайно. Вернее, не сделали. Как-то так получилось, с толчка наших людей, что некие паучки и грибница сделали смыслом своей жизни сплести такую штуку.

— Мадагаскарские паучки, — говорю. — Их паутина прочнее углеродных нанотрубок. А вот насчёт грибков не знаю.

— Ага. Точно.

Она продолжала копаться с замком. И вновь ей не удалось отцепить тандем. И вновь она выпрямилась, чтобы сказать мне следующее:

— И тогда они поняли, что рукотворный разум можно поместить как бы… можно его занять чем-то… дать ему наполнение. Замена цели…

Для третьей попытки она не стала сгибаться, а сразу встала на колени. Оттуда снизу она продолжила:

— Короче, я запомнила те беседы так: «договориться со слепой волей новой биологии третьего репликатора. Рукотворный разум – это не животное, не бог, не инопланетянин. Он – нео-биология».

— Да что ты там возишься! — потеряла я терпение.

Передо мной были столики выносного кафе, круглые, компактные. Я не мгла сопоставить их простоту и сверх-усилия Сестрички.

Сестричка поднялась и посмотрела на меня грустными глазами:

— Говорил мне братец: «Информация подменяет собой смысл, знание концептуальное вытесняет пережитое изнутри». Не подумала нутром-то. Пилу-то я не догадалась взять.

— Какую к чертям пилу?

— Расширяется мир-то. Всё. Начало конца. Разъехались гвоздики мои, вместе с мостовой. А велосипед невозможно стянуть или изогнуть. Надо идти искать пилу. Будем замок пилить.

— Почему так? — не нашлась я, что спросить по существу.

Она смотрела на меня, и не её была в том вина, что сзади – фоном – стояли монументальные колонны. Тем более не была она ответственна за то, что античность тех колонн бала поддельная. Диктатор двадцатого века попытался поставить на службе себе, но получилось наоборот.

— Представь, что ты слово, и тебя сказали. Или ты песня, и тебя спели. Почему и обрадовались тогда этому велику – шанс появился выкарабкаться.

— Откуда? Да говори ты нормально, прости Господи, — мне было трудно сдерживать глухую панику внутри.

Я тогда интенсивно анализировала окружающую реальность, а в ней были натурально падающие пальмы, которые не протянут месяца, если им не задать натриевый и азотный корм.

— Мир после войны стал искать способа само-повторяться, мутировать. Ты думаешь, ты одна такая, у кого часть жизни – понарошку. Он хочет наполнения, смысла. А в чём ещё смысл, кроме как в заполнении всего вокруг собой, а?

Тут я поняла. И тандем отщёлкнулся. Видимо, из-за флуктуации в напряжении тектонических плит. Возможно, сам город Волчицы имел в тот момент геодезическое хождение.

— Слушай, — говорю, — цилиндров таких, их же много должно быть в космосе?

Чёрная маленькая собака села на границе тени. Уши её торчали вверх антеннами.

— Ну конечно, — кивнула Сестричка, очумело глядя на свободный от привязи тандем. — Каждому мыслителю – свой мир. Зачем локтями толкаться по мелочам?

— И они возле звёзд будут, правильно? Энергия дармовая.

— К чему ты ведёшь? — с подозрением прищурилась Сестричка.

Я попыталась успокоить её плавным жестом руки:

— Крупные они. Не сферические. Колбасить их будет на орбитах, даже в точках Лагранжа. Внутри землетрясения будут.

— Ну? Не вздумай даже рушить мою мечту, поняла?

— Да нет, — замахала я руками. — Я сама такое же придумала…

— Ты, я. Какая разница, — Сестричка откровенно закипала.

— По два надо скреплять, — говорю скороговоркой. — Вращать в разные стороны, как пропеллеры боевых вертолётов.

— И чо?

— Прецессию убьёт. Землетрясения будут малыми.

— А. Ну тогда ладно, — растаяла Сестричка.

Я, однако, уже вынуждена была идти до конца:

— Они там внутри в итоге догадаются неминуемо, что цилиндра два. По характеру землетрясений. Будут пытаться проникнуть в соседний.

Сестричка задумалась.

— Это плохо? — спросила она через некоторое время, не придя самостоятельно ни к какому выводу.

Я посмотрела на небо, и лучи, падающие вниз, были строги. Я вняла их строгости.

— Это, — сказала я, — просто замечательно. Пары будут делиться. Одиночки будут вынуждены достраивать себе второй. Деление и размножение. Биология получится.

— Ого! — довольно быстро оценила Сестричка развитие идеи. — Это ты круто придумала.

— Проблема в том, — сказала я, — что я не только придумала, но и уведомила…

— Кого?

— Его. Бога.

— Мать моя женщина… — выругалась Сестричка. И добавила с прозрачной грустью, наспех прикрытой вульгарностью: — Точнее не моя. Ну тогда нам с тобой сейчас одна дорога – в главный Цирк. Забирайся на раму, болтун-находка-для-Бога.

¶

§75. Прах, ветер и веер

[Эмма]

¶

К остановке подошёл рейсовый автобус. На его корпусе, поверх всех окон и дверей, была реклама – лого «Н» и слоган «О РАХ».

— Отпала «Americana», а? — кивнула на надпись Эмма. — Больше нет в отелях «гостеприимства, мира и порядка, навязанных силой». Куда мы катимся.

— Зато обращение к божеству. «O tempora… O Pax», — отстранённо прокомментировал Д'Жинго. — Нет худа без добра. А едем мы на остров-маяк, прах Вольтижёра развеять.

— Он умер?! Когда? — ужаснулась девушка.

— Вчера доставили, — Д'Жинго с глухим металлическим звуком постучал по своей сумке.

— Ничего себе…

— А чего… дождался и ушёл, — взвешенно сказал гидродинамик.

— Чего дождался?

— Межпланетный зонд с его подарком Юпитеру лег на курс на прошлой неделе.

— И что там?

— Фара, известно что. Хотя маяк военный – я кое-как нашёл проводников, чтобы туда доставили. Может, там бывший зенитный лазер. Желание Вольтижёра: непременно там. Чудак. Но в потакании нелепостям чудака – особая мудрость.

— Я про Юпитер, милый, — Эмма отнеслась к рассеянности Д'Жинго с пониманием.

— Аа. Это ещё чудесатее. Пол считал, что Юпитер, накормленный его коконом, станет живым и вырастет до самого Солнца. Кража огня – старинная забава элит. Пол был озабочен высшим светом. Но нам-то что? Побудем наедине, по пляжу погуляем, — улыбнулся Д'Жинго.

Автобус сошёл с идущего вдоль океана шоссе, проехал с четверть мили и свернул к автобусной остановке. Пляж был виден уже отсюда. Хотя поездка заняла всего с полчаса, здесь был иной мир. Другой климат. Другая растительность. Гряда холмов расположена так, что по разные её стороны экосистемы выглядят как дальние родственники.

Они шли вдоль ровного широкого пляжа. Ошмётки водорослей, будто резиновые трубки, валялись тут и там. Судя по разбросу в кондиции разных кусков, день ото дня они меняли цвет со светло-зелёного на чёрно-серый. Эмма их нещадно распинывала, а Д'Жинго обходил.

— Мы дойдём по пляжу до самого маяка? — засомневалась Эмма. Д'Жинго в ответ указал ей на идущую недалеко от берега безмачтовую яхту.

Эмма видела подобное судно вживую в первый раз. Они стали популярными всего пару лет назад. У них, как и следует из названия, нет мачт. Кайты захватывают быстрый ветер в вышине. Яхтсмены пристёгиваются и к палубе, и к кайтам. Палубные фалы пружинят, и спортсмены работают в широком радиусе, вальсируя по палубе на растяжке меж двух стихий.

— Зря ты показал мне яхту, — сказала Эмма.

— Чего так? — Д'Жинго посмотрел ей в лицо, делая свою ладонь козырьком от Солнца.

— В прогулке по океанскому пляжу заключена уникальная благость.

— Не спорю.

— А самый надёжный способ испортить эту радость – двигаться по пляжу по какому-то делу.

— Может, это и не наш транспорт, — успокоил её гидродинамик. — Шагай себе бесцельно.

Был выбор: преодолевать трение слишком рыхлого, но зато сухого песка, либо же подчавкивать при каждом шаге песком плотным, но слишком влажным. Оптимума в тот день не было.

Равнодушный полумесяц залива сначала обманул их, скрыв часть дистанции при визуальной оценке через воды, а затем вымотал ходьбой. К становищу яхтсменов они подошли уставшие.

⁂

Их было несколько. Гидродинамик сознательно отказался от подсчёта – люди могли оказаться с ненужным фоном. Мужчины были с изящными тросточками, в которых гидродинамик заподозрил скрытые рапиры. Они были заняты попытками разжечь снесённые с окрестностей в кучу влажные коряги.

Среди них была одна девушка. В её левой руке был веер.

— Одолжите? — Он принялся изображать, как он нагнетает в зачатки костра кислород её веером. — Вы понимаете?

— Воззришь ко мне улыбкою – пойму, — ответила та.

Все мужчины по-доброму заулыбались. Костёр под напором гидродинамика быстро занялся. Д'Жинго и Эмма молча уселись к нему, чтобы не мельтешить. Никто ни с кем не разговаривал. Люди с яхты готовили еду. Эмма задремала. Д'Жинго наслаждался океаном. Наконец, оставив уху настаиваться, они разлили всем по кружке чая и расселись у костра. Откуда-то из-за круга всплыла гитара. Один из них негромко наигрывал, но не пел.

— Дай ми ягод тех багряных, молю, — обратился один из яхтсменов в девушке.

— Седьмицу шестую вкушаеши их…

— И ничим же не вредим. Может, оживят нас обоих.

Д'Жинго вытянул руку к гитаре. И получил её.

— Древяены корабли на водах вольны. Безмятежны, яко подобаити. Сребрены людие на брезе видны. Глаголюще о воле, — пропел Д'Жинго, аккомпанируя себе иконописным, цикличным гармоническим базисом "DG-DA-GAD".

— Мы с другого континента, — сказал он, закончив песню. Голова и плечи Эммы заняли вакантное после гитары место у Д'Жинго на коленях.

— По одеянию зрю, другичу.

— Про подлодку в заливе знаете? — спросил гидродинамик.

Ему кивнули пара человек.

— Держите временные окна её отсутствия, — набросал он на листке из блокноута несколько строк.

Ему ещё раз кивнули, теперь уже с выжидающими взглядами.

— Заберёте моего друга? — спросил Д'Жинго, кивнув на сумку.

— На юг аль на север? — спросил тот, кто прежде не участвовал в беседе ни жестом.

— Посоветуй, как мне воспринять тебя всерьёз, — спросил гидродинамик.

— У мамы своей спроси, — не помешкав ни мгновенья, ответил тот на чистом локальном наречии. — Фоума несчастный! Пена!

— Я, мне казалось, упоминал, что я сирота, — без обиды сказал Д'Жинго.

— Ну так пошарь в эфире, чего тебе стоит. Ты же не хочешь отказать ей в потенциальном праве быть твоим ангелом хранителем.

Гидродинамик создал последовательность фазового сдвига: четыре секунды на ХУМ, сильным сжатием, тяжестью, уходом внутрь; восемь – на НИ с её внезапной невесомостью и исчезновением страха; двенадцать на РА подобием вспышки тотального узнавания; и сорок на СА с мягкой пульсацией удержания парадокса.

— Прямо сейчас, — сказал гидродинамик вслух, — отправленный мной на огромный валун между Марсом и Юпитером зонд выращивает три двигателя. Три, друг. Это не позволит ему промахнуться.

— Ужас объемлет нас, егда зрим кончину твою, — сказал другой яхтсмен. — Можем токмо вопль твой взмучный вторити. Отходим мы – не нужны мы вам.

— За расписание заплатите, — сказал гидродинамик.

Возникла пауза. Пара человек застыли как восковые фигуры, остальные просто замерли. На палубе яхты возникли два человека, двигавшиеся вплотную и синхронно. Потом они снова ушли вниз, в каюту.

— Бро, лови один шот, — яхтсмен сделал движение, как будто передавал гидродинамику мягким броском спичечный коробок. Гидродинамик обозначил, в свою очередь, соответствующее движение, будто он поймал. Эмма могла поклясться, что никакого предмета в броске не было.

— От земли сей чужыдыя уведи, — откланивались тем временем люди с яхты. По очереди. — Ветр благой веет, тёпл с полудня. Положим наш путь.

Девушка подошла к Эмме и с улыбкой отдала ей свой веер.

⁂

Яхта ушла. Уха и брошенный костёр остались на берегу. Д'Жинго и Эмма пошли по пляжу в том же направлении, в каком двигались до привала.

Эмма молча сделала вывод, что это не был их транспорт. Но потом спросила:

— Что это за типы?

— Контрабандисты, кто ещё, — ответил Д'Жинго.

Они шли какое-то время по пляжу.

Эмма спросила:

— Как доберёмся до маяка?

— Не хочешь ты попробовать решить проблему? — устало сказал гидродинамик. — Что-то я притомился.

— Скажи точно, как звучала инструкция по транспорту.

— «Выйдешь на остановке “Потерянный свет”, десять-пятнадцать минут пешком по пляжу направо, там будет катер».

— А как пишется?

— Не знаю.

— Значит, ты просто спутал San Luz с San Luis. San Luis – через остановку отсюда, на юг. Где ты там нашёл «потерянный» – вопрос к твоей бедной голове. Пошли на остановку, переводчик. И в этот раз – лучше по дороге.

⁂

Когда показался островной маяк, Эмма стала разглядывать его с величайшим интересом. Это был новострой. Но какой! Квадратный высоченный фундамент имел ярдов сто по стороне; медь и чёрный обсидиан в облицовке чередовались во фрактальном узоре. Совокупный цвет получался оранжевым.

Нижний рабочий этаж состоял из шестнадцати лепестков-эркеров, второй – из восьми. На пути вверх, медь сменялась на сусальное золото, а обсидиан – на огненно-красный камень. Далее следовал пирамидальный подъём в восемь ступеней. Каждая ступень – квадрат, повёрнутый на четверть круга относительно низлежащего. Сквозь всё строение, протыкая его, шла треугольная в сечении массивная мачта, на вершине которой была фара маяка.

Катер причалил. Эмма сбежала на платформу и побежала вокруг маяка, как ребёнок. Д'Жинго сказал человеку «через час, пожалуйста» и последовал за Эммой.

Шагом обойдя здание, он её увидел. Она стояла спиной к нему. Два ярко-оранжевых каблука, похожие на сужающиеся к земле ножки бокалов. Великолепные загорелые икры. Оранжевый же квадрат короткой юбки повёрнут на соблазняющие тринадцать градусов. Застёжка прикрывает позвонок с самым сокровенным номером. Голая спина, перетянутая сплюснутым иксом бретелек лифчика. Сложная геометрия туго обтянутых кожей худых лопаток. Тонкие плечи. Тугая изящная шея за занавесью из шаловливых прядей каре, колышимых ветром.

— Любишь фары? — спросила она, указав взглядом наверх.

— Избыточно светят. Как позор, — ответил он.

— Как фараон! — у Эммы было игривое настроение.

— «Фараон» – это «большое поместье», администрация президента, по нашему. Слово служило прикрытием провала.

— Не поняла.

— Тщеславные иноземцы, которых аудиенциями с монархом не удостаивали, а подпускали лишь к функционерам из его аппарата, в своих родных краях подменяли смысл. Они намекали, что «видели Самого», не будучи при том в состоянии произносить слова правильно.

— Вот оно что, — протянула Эмма. Поэтому «лампа» лучше?

— Тоже мерзость. Лампадка – обман в церкви. Причина пожаров. Потереть лампу значит джинн. Меня так в детстве дразнили.

— Тебе не угодишь.

— Почему же. Светец.

Они обнялись.

— Очень рад тебя видеть, милая.

— И я. Ну что, развеем прах с самого верха? — сказала Эмма.

— Зачем? Ненужный пафос. Нам же в лицо ветер содержимое и сдует.

— Веером прикроемся, — покрутила Эмма в руке подарок, сложила и заткнула за пояс.

— Да ну тебя, — серьезно сказал гидродинамик. — Тут ничем не хуже.

Эмма кивнула. «Давай мне», — молча велела она. Д'Жинго передал урну и отступил на пару шагов. Она открыла тяжёлую крышку и убрала диск тонкой бумаги, прикрывавший содержимое.

Д'Жинго подошёл и заглянул в сосуд. Он явно не ожидал того, что оказалось внутри. Там была сотовая структура, в которой копошились мушки. Они были вялыми. Но было заметно, что воздух сразу пошёл им на пользу. Они стали оживать, задвигались быстрее. Соты были, видимо, построены насекомыми из смеси глины и пепла Вольтижёра.

— Говорю же – чудак, — объясняющим тоном сказал он.

— Запускай тогда на воду, — предложила Эмма, — пусть плывут. Не тут же оставлять.

У Д'Жинго на этот счёт инструкций не было. Если кому-то передают прах с просьбой «отвезти на маяк в море», это должно означать развеивание оного праха над водой. Оставить урну на суше? Абсурд. Высыпать соты в воду? Тоже странно.

Он пожал плечами и опустил урну в воду. Та поплыла. Её довольно быстро отнесло на значительное расстояние. А затем откуда-то взялись попугаи. Они кружили над урной и норовили сесть на неё. И, очевидно, выклевать содержимое.

— Всё-таки умудрились попасть в ситуацию, — улыбнулся Д'Жинго.

— Тебе смешно? — сказала Эмма. — Сделай что-нибудь!

— Что?

— Ну сплавай!

— Это точно нет, ни в коем случае, это не про меня, — длинно отрезал гидродинамик. Потому что не надо путать водяного с моряком, а уж тем более – с гидродинамиком.

— Не знаю. Расстреляй их чем-нибудь.

— Чем?

Эмма быстро нашлась:

— Это же боевой лазер, — указала она фару маяка.

Гидродинамик решил применять тактику «сама постепенно остынет» и не стал объяснять Эмме всей абсурдности предложения. Положим, подключиться к оружию он мог, хотя и был единственным на всём континенте, кто бы за это в принципе взялся. Но это зенитное орудие, оно вниз не направляется. Чисто теоретически, можно было бы направить его на спутник с зеркалом, но этого не просчитать вот так с наскоку.

Д'Жинго покачал головой: не могу, мол.

— Хоть на Луну вой, — девушка была в отчаянии.

«На Луну», — подумал гидродинамик. На Луне есть уголковые отражатели с известными всем координатами. Но они на то и уголковые, чтобы отражать луч ровно назад. Он просто осветит саму фару обратным, ослабленным лучом.

Чтобы луч отклонить и распугать птиц, кто-то должен сыграть на Лунной поверхности отражателем, как ракеткой для пинг-понга, причём в пикосекундном режиме. Невозможно.

Тут он вспомнил про один «шот» от «бро». Гидродинамик планировал использовать его на то, чтобы отрезать длинный как экватор хвост а-мрака безнаказанности, тянущегося за ним из многих прежних времён. С другой стороны, в новый мир хвост и так не пролезет. По крайней мере, он на это рассчитывал с самого начала проекта. Эмма, опять же, просит. Была-не-была. Кроме того, он сам был не прочь посмотреть, как выглядит шоу «подпаливание попугая», стоимостью в квинтиллион старых добрых глобальных денег. Он ступил в башню.

Оставшись у кромки океана одна, Эмма бросила в него ненужный бумажный диск. Солёная сине-зелёная вода начала поедать надпись: «Прощай, мой Д. У меня всё хорошо. Пчёлок да жучков выпустил. Ах, да: зелёный фиат я продал; было просто – он оказался оформленным на неё. Не такие уж и грязные деньги. Как закончишь – прилетай. Будем ждать. Твой Х.».

⁂

Через полчаса из здания маяка вышел совершенно мокрый от пота гидродинамик.

То время, пока гидродинамик взламывал маяк, направлял лазер, обстреливал Луну, устраивал на ней с помощью «шота» контрабандистов земле… лунотрясение, которое сместило луч в нужный момент в нужном направлении, разгонял пернатых, Эмма пребывала в сиянии блаженства.

По воде ходил очень тонкий, безобидный уже энергетически после столь дальнего путешествия «туда и обратно» луч. Продолжалось это секунд десять-пятнадцать. Он не бил в одну точку, его носило петлями, радиусами. Может быть десятки метров, может сотни. Он не попал ни в одну птицу, ни в урну, но распугал всех. Кроме Эммы. Она взяла в руку веер, разложила его полу-луной и выставила в сторону на вытянутой руке. Луч, на одном из проходов, поджёг тончайшую бумагу. Эмма протянула его гидродинамику:

— Ну что, светец нужен? Чем хуже лучины?

Д'Жинго принял подарок с благодарностью. Даже отвесил полупоклон.

— Палёное на то и палёное, чтобы передаривать, — оценил он жест подруги.

— Так ты полетишь с нами в новый мир, милый? — спросила она, когда эпичная битва с попугаями закончилась. — Что-то я так и не видела именно твоего персонажа.

— Конечно. Тут-то не на что будет смотреть.

Гидродинамик посмотрел на неё:

— Я вот что подумал. Хакон сирота. Ардуша сирота. Вирджиния сирота. Аделаида тоже. И я сирота.

— Из-за лампы? Сгорели? — спросила Эмма.

— А ты, Эмма, ты сирота?

— Не знаю, — честно ответила Эмма. — Не помню. Я кое-какие вещи не помню. А зачем тебе? Для ровного счёта? И вообще, неужели ты до сих пор не попытался меня «пробить»?

— Неизвестно, какие мушки в голове у Авертигуса. Может, он такой фильтр включит.

— Хочешь найти моих родителей, если они есть, и ликвидировать? — игривость могла бы показаться гидродинамику неуместной, но не показалась.

— И снова не про меня, — ответил он с широкой улыбкой. — Ликвидировать буквально значит превращать в жидкость. Я не стремлюсь создать новую жидкость. Мне существующей достаточно.

⁂

После обратной прогулки, затянувшейся на весь оставшийся день, они вернулись в гарнизон и разошлись по своим сторонам.

Мужчина – на южную. Женщина – на северную.

¶

§76. Кьяутуит

[Аделаида]

¶

Мы ехали по древнему Городу Волчицы. Нас ждал Большой цирк.

Роскошные витрины соседствовали с заколоченными фанерой. Машин на узких улицах не было. Самокатов тоже – состояние мостовых не позволяло маленьким колесам катиться. Кто-то шагал сам, кто-то ехал на шагающих экзоскелетах. Кто-то – на паланкинах, несомыми настоящими людьми. Достаток у всех разный. Крысы разбегались из-под самых наших колёс. В последний момент. Будто бы их чувство опасности зависело от силы гравитации между планетой и транспортным средством. Нечто столь лёгкое, как наш тандем, крысы просто отказывались воспринимать всерьёз.

— Чего мы так спешим? — спросила я. Не из сострадания к крысам. –меня занимал вопрос, имело ли смысл остановить затеянное нами с Риттером.

Я пояснила Сестричке вкратце схему последовательной регистрации марки в Ордене, в Лиге Наций, а также при канцелярии Вселенского Престола.

— Неа, — был её вердикт. — Он всё равно уже увидел. И теперь тебе надо быть последовательной.

— Не понимаю смыслов, вложенных тобой в понятие «быть последовательной».

— Довести до конца, как задумано. Иначе что ты за Судья. Ты ничего не изменила. Чуть ускорила. У нас был месяц. Теперь – дни. По сути, ты дала ему промпт, что делать. И мы, кстати, не спешим. Мы летим.

— А почему в Большой цирк? — спросила я.

— Это главный город этой планеты. А Большой цирк – это главная сцена этой планеты.

— Безо всяких сомнений, — сказала я. — Киаутуит.

— Кто катит? Говорю же – летит.

— Единственный в своём роде, — пояснила я. — Минерал такой.

— Ну почему единственный. Просто главный. И ты брось эту казуистику. Тебе скоро выступать.

— Выступать?!

— Это будет монолог одной актрисы… нет, тут так не подходит. Одного актёра, но зато самого искреннего в мире.

— Реприза? — спросила я в шутку, чтобы замаскировать неуверенность в собственной искренности. «Монолог ли, — думала я. — А ну как придётся держать ответ».

— Говорю же: завязывай с этим. Всё серьёзно. Это будет твоя молитва на Ифкуиле.

— Ифкуиле?

— Так по-настоящему называется лингва-знайка. Так, как назвал язык отец Риттера.

И с утра день был чудесным. Ко времени, когда мы оказались на арене, и вовсе распогодилось. Город вокруг – необъятный, древний, живой, но сейчас неподвижный. Когда мы подъехали к руинам древнего цирка, там никого не было: ни смотрителей, ни посетителей. И от этого место казалось жутким. Цивилизация уже не интересовалась своим прошлым.

Стоя по щиколотки в песке на той сцене, где гибли гладиаторы, глядя вверх, где высились трибуны, я пыталась отогнать от себя все слова. Мне предстояло говорить не о том, что моя культура подошла к самому концу. Мне предстояло молиться. Моему слушателю было, наверное, наплевать на мои аллюзии насчёт гипотетического индейца, которому довелось заранее прочувствовать травму отнятой земли и цивилизации.

⁂

Сестричка стала давать мне наставления:

— Ты, значит, говори со всей отдачей. Можно не вслух.

— Да? — удивилась я.

— Ну конечно. Я подключу твой мозгоглюй по своему каналу к «Седьмой Башне». Если он сочтёт нужным, он тебе что-нибудь покажет.

— И всё?

— А что ещё? Потом мне расскажешь.

Я пожала плечами. У меня не было конкретных ожиданий, но Сестричка представила дело как-то совсем уж буднично. Особенно на фоне удивительной её способности «подключить по своему каналу». Моне в своё время понадобилась для этого целая больничная палата.

— Ах, да, — сказала она. — Чтобы он вообще обратил внимание, нужно, чтобы тут ты стала как бы «собой понарошку». Поняла?

— Ни в малейшей степени.

— Ну смотри: чтобы там было реально, куда он тебя возьмёт, если возьмёт, тут должно быть понарошку. Ну вот как та другая ты, которая сейчас в Америке.

— Я понятия не имею, «как та другая я».

— Пфф, вот ты душная. Ну это как не явиться на похороны родителей. Представь себя в такой шкуре, и всё.

А потом она вскарабкалась на несколько ступеней трибуны вверх и улеглась на спину. Ноги она чуть согнула, так что треугольник коленок смотрел строго в зенит.

— Ты чего улеглась?

— Достоверность, — ответила она. — Я типа не слушаю. Кроме того, тут, думаю, лежали, а не сидели, как за партами.

Я встала посреди арены и начала свою молитву. Как тогда, в детстве. С той лишь разницей, что настроение моё было сильно испорчено попытками представить себя не явившейся на похороны родителей, которые сами не явились на мероприятие под названием «моя жизнь».

⁂

Я молилась, а потом я очнулась. Нет, тут удобней в третьем лице. Это всё-таки была не совсем я.

⁂ ⁂ ⁂

Итак, Аделаида Рату очнулась. В светлейшем расположении духа. Ей не пришлось оглядываться, чтобы понять и увидеть, что лежит она на широком складном диване с плоской деревянной спинкой. Она незамедлительно – но без давления внешнего или порыва внутреннего – встала. Тут же была её, очевидно, одежда: широкая серая рубаха без ворота и штаны без застёжек. Ещё мягкие сандалии без пряжек и другой сбруи – можно было просто сунуть ноги и пойти. Аделаиде не пришло в голову искать шляпу, которой не было. В доме было всего три комнаты, не считая чердака, веранды и подпола. Пол был дощатым, деревянным. Без щелей, но неровным. Пороги с искусной резьбой соединяли комнаты, так как уровень пола в них не совпадал. Мебели и вещей не было. Закончив исследование дома, Аделаида вышла на улицу.

Пред ней был посёлок. Расстояния между домами были обширнейшими. Стояли они не вдоль улиц, а просто так. Можно сказать, это было огромное поле, зажатое со всех сторон скалами, на котором тут и там были здания. Дорожки были прямыми, но общий их рисунок не подчинялся логике.

Появилась девочка, лет девяти. Волосы её были прямыми, светлыми, но не белыми. Звёздная желтизна. Пока Аделаида их рассматривала, золота этого несколько прибавилось. Лицо её было широким, круглым, хотя фигурка её была хрупка, как у танцовщицы из музыкальной шкатулки.

И сказала девочка: «Я твоя мама».

— Мама? — спросила Аделаида. — Я сплю? Я спала?

Девочка протянула свои руки чуть вверх, как будто дочка просит мать поднять её, и тут же оказалась на автоматически вытянутых вперёд сильных руках Аделаиды. Теперь они были лицом к лицу, девочка улыбнулась и шутливо стукнула Аделаиду лбом в лоб. И тут же спрыгнула на землю.

— Ну, конечно. И спала. И спишь.

— Но я не помню свою маму. Она ушла давным-давно.

— Ну, конечно, — вновь сказала девочка. — Тебе сколько лет?

— За восемьдесят, наверное, — постеснялась сама себя Аделаида. — Если учесть период анабиоза.

— Ну вот. А когда ты посчитала, сколько тебе лет?

— Недавно. Вот только что, наверное.

— Вот видишь. Я тебя простила.

— За что?

— Вот ты как была занудой, так и осталась, — отмахнулась девочка. — Давай, лучше, я покажу тебе наш гарнизон.

Они шли по гарнизону, и над ними простиралось небо с невероятными облаками чисто синего цвета.

— Вот тут у нас плац. Тут маршируют.

Вдруг край одного из синих облаков порвался ярчайшей дырой.

— Что это? — воскликнула Аделаида.

— Это Солнце, источник всей энергии. В этом сне его видно. Вот тут у нас канцелярия. Там считают.

Обжегшая глаза Аделаида не смогла посмотреть на канцелярию. Пытаясь отвлечься от всего вдыханием запаха падшей хвои под ногами, Аделаида шла вслед за девочкой, и вскоре они пересекли всё поселение, упершись в скалу.

— А тут лифт, — сказала она. — Пойдём, покажу горизонт.

Она сочувственно посмотрела на Аделаиду, но, видимо, посчитала, что та неплохо держится, и испытание симметричными створками лифта выдержит.

— Я была рапирой, — сказала девочка. — Мне таких трудов стоило появиться на ваш свет, ты себе не представляешь.

— Представляю.

— Не сомневаюсь.

Они вошли в двери, высеченные в скале, и те за ними закрылись самостоятельно. Крохотная каморка, в которой они оказались, задрожала и зашевелилась. Аделаида не боялась.

— Что теперь будет? — спросила Аделаида.

— Ты выполнишь мою просьбу.

Двери вновь открылись, они вышли. Теперь, однако, они были в другом мире.

— Мы в другом мире? — спросила Аделаида.

— Ну что ты. Это просто лифт. Вон мой дом, где ты проснулась, — девочка указала вниз на гарнизон. — А тут у нас системы противовоздушной обороны. Посмотри вокруг, тебе понравится.

Аделаида прошлась по верхушке скалы, на которой они были, и увидела вокруг вывернутое наизнанку небо и землю. Часть мира занимал нормальный, если отвлечься от вывернутости, земной ландшафт. Часть – нормальное море. Но ровно половина мира отводилась тому, чего прежде Аделаиде видеть не приходилось.

— Незнакомая половинка, да? — догадалась девочка.

— А где «горизонт»?

— Граница между знакомым и незнакомым, — провела она сначала рукой в горизонтальной плоскости по кругу, а затем завершила движение изящным танцевальным па, которое позволило замкнуть окружность.

Аделаиде стало очень нелегко.

— В чём твоя просьба? — сказала она.

— Надо убрать вот это расположинивание гадкое.

— Как?!

— Подловить Графа, например.

— Графа NN?

— Он не NN, а «AND–AND». Прячется за псевдонимами. Да и не граф он, а калькулятор.

Аделаида прошлась по плато, от одной затейливой пушки с тонким, но длинным стволом, к другой.

— Я подумаю, мама.

Белобрысая кивнула.

Они вошли в лифт. Дверь за ними закрылась.

— Зохо-зохо, — сказала «мать», когда они были зажаты в безоконной каморке.

Аделаида услышала её слова, удесятерённые в силе нахлынувшей на неё клаустрофобией. Лифт остановился, застопорился, и загорелась надпись: «Превышена грузоподъёмность устройства». Двери не открылись.

Немудрено. В кабинке было теперь две Аделаиды и две девочки. Аделаида принялась дожидаться смерти от ужаса клаустрофобического удушья.

⁂ ⁂ ⁂

На этом я очнулась.

Самочувствие у меня было нормальным. Сестричка уже была рядом.

— Кем он предстал перед тобой? — спросила она.

— Мамой.

Сестричка махнула рукой:

— Врёт. Но по большому счёту это не важно. Рассказывай.

Я рассказала.

Она потёрла подборок жестом задумчивости, как в комиксах.

— Графа приплёл. Надо, значит, разобраться с демонами.

— С кем?

— Поехали. Тут по пути домой. Покажу.

⁂

Уже вечерело. Мы двигались в обратном направлении почти по тому же маршруту. В одном месте мы отвернули на квартал к западу. Там была небольшая часовенка. Мы зашли внутрь, захватив тандем с собой.

Сестричка подвела меня к картине в глубине музея. Это была фреска на стыке стены и свода потолка.

— Не узнаёшь?

Я стала рассматривать сильно вытянутое по горизонтали изобразительное полотно. Пришлось ходить слева направо. Справа налево. Была изображена сцена в термах. Семь человек. Кто-то сидел на каменной скамье, кто-то на полу, свесив одну ногу в бассейн. Кто-то стоял. И действительно: в чертах персонажей можно было углядеть сходство с нашими общими знакомыми.

— Это наши люди?

— Ага. Не догадываешься, при чём они тут?

— Какая-то связь с числом семь?

— Молодец! Семь врат ада.

Меня эта информация не удивила, но разочаровала.

— Гордыня, алчность, гнев, зависть и так далее? — Я вложила в свой голос как можно больше скепсиса. — Включая вздор вроде обычного обжорства, необходимой в жизни лени и здорового желания совокупляться?

— Ну, можно не так в лоб, — сказала Сестричка. — «Фтонос пожирает изнутри, а Бельфегор усыпляет и привязывает», например. Но ты права: это чушь. Фатальные грехи не существуют по отдельности.

— Почему это? Гнев он и есть гнев, например.

— Нет, — отрезала Сестричка. — Это всё равно, что атомы углерода, азота или водорода из живого организма выковыривать. Всегда только все вместе.

— И что тогда?

Сестричка направила указующий перст на фреску:

— Как на картине. Есть «зло» типа «Серафим». И Серафим его в новый мир и принесёт. Бывает порок вида «Ардуша». Бывает «граф NN». Д'Жинго, Вирджиния, Вольтижёр. Есть Плата-Пансо твой. Семь их, в общем.

— Так Вольтижёра нет уже.

— Тем хуже для нового мира, — сказала Сестричка.

— Ты хочешь сказать, что доктор, например, является прежде всего комплексным контейнером для перевозки необходимого порока?

— Конечно. Ты сама – как ведро.

— И для чего же я ведро, позволь поинтересоваться?

Сестричку мой тон ни в малейшей степени не смутил. Она раскрыла ладонь, поджала мизинец и безымянный. А потом сложила по очереди и остальные три пальца:

— Романе – аппетит. Хакон – порыв. Ты – резон.

— Ну и ну, — удивилась я. — А остальных ты куда дела? Где в твоей системе Клогть, например?

— Клогть, Грачварон и Тоспехо – это гриб, животное и растение. Хтонь. Не люди.

— Ты же сама клон Клогтя! — воскликнула я.

— Клон, но не он сам. У меня даже пиписьки егошней нет. Хтонь тем более отвалилась где-то по пути.

— Ты откуда это всё знаешь?

— Он сказал. Тот, кому ты молилась.

— Почему это он с тобой разговаривает, с единственной. А? — В вопросе моём звучало нескрываемое обвинение во лжи.

— Я думаю, потому что у меня у единственной нет души. Я же клон.

— Ну хорошо, — тут же остыла я. — А Клавдия?

— Клавдия-то с Моной? Ну… Клаша и Моня, две клуши бестолковые. Они поедут просто в качестве жён.

— Мона?! Просто жена?! Мона – супер-альфа.

— Высшая, ну и что? Это тут. В этом и ирошка, чтобы Высшая поехала чемоданом.

— А кто муж-то? — вконец ошалев, спросила я.

— Ну, выбор небольшой. Хакон или Романе. Разницы между ними особой нету, кстати. И чего ты сделала такое красное лицо. Тебе-то радоваться впору.

— Это почему?

— Твой Риттер так и проскочит. Вот и будут шесть настоящих квантонавтов. Ты с Хаконом и Романе плюс ваши супруги. Не то, что в параллельном потоке.

В великом восторге я прикрылась, как вуалью, второстепенными вопросами:

— А Эмма? А ты??!

— Я не поеду. А Эмма – дочь моя. У неё особый статус.

Вот тут силы мои кончились, и я присела. Благо в часовнях обычно стоят скамейки.
¶

§77. Единственная

[Мона]

❡

— Эй, не увлекайся там плазмой-то, — встряхнула Мона Клавдию за плечо. — Я приторможу процесс.

— Чего? Какой процесс? — Клавдия смотрела круглыми глазами на Мону, сидя на дне падающей корзины под горящим шаром монгольфьера.

— В игру, говорю, сходим. В «Седьмую башню». Я тебя проведу. Я умею. Никто больше не умеет, даже Клогть.

⁂

В следующий миг они оказались в крошечной комнате. В чулане. Пахло то пóтом, то чистым ветром. Клавдия перевела дух. Пусть пот. Огненная сфера над головой – хуже.

— Это зрительный обман? — спросила она Мону.

— Не люблю это слово. В нём ненужный негативный флёр.

— А попроще? — попросила Клавдия. — А то у меня в горле першит от дыма. И пластинку жалко ещё.

— Я говорю, мошенничество в природе беспредельно и всеобъемлюще.

— Кто ж спорит, — пожала плечами Клавдия.

— Ты точно понимаешь глубину пропасти? Бабочки притворяются листьями, опыление цветов – сплошное надувательство. ДНК врёт сама себе.

— Ладно-ладно, — Клавдию несколько пугал напор Моны – так выглядело её лицо; такое чувство оно выражало.

Мона пригляделась. Спина Клавдии была напряжена, и от этого её силуэт приобрёл иную форму красоты. Гладкая округлая линии шла откуда-то из-за плеча и заканчивалась чуть скрученной в недоумении шеи. Длинной нежной шеи. Тёмно-карие роговицы Клавдии освещали взглядом что за пределами чулана – она не смотрела на Мону не из страха или смущения. Из-за тесноты. Тесноты ситуации.

Мона поняла, что с Клавдией нужно быть совсем открытой.

— Суды проведём, — решительно объявила Мона. — Заочные. Над всеми.

— Как? — спросила Клавдия. Видно было, что ей хотелось спросить более общо, «Что?» или даже «Ты чего вообще?!», но она постеснялась проявить недостаточную глубину своей мысли.

— Спросим для начала кого попало.

— Вроде как присяжных найдём?

— Присяжных? Не. Присяжные – дымовые шашки легитимности.

— Это что значит? — не поняла Клавдия.

— С них толку-то? Можно лишь сказать, дескать, не я решила осудить, а общество.

— Ну да, — согласилась Клавдия. — Кому ж понравится экзистенциальная тяжесть решения на себе одной. В этом и есть магия процедуры. Ритуал, но осмысленный.

— Нет. Мы в игре спросим. Найдём кого попало, припрём к стенке. И спросим.

— Кого в игре? Зачем к стенке?

— До войны, помнишь? Суды консультировались с рукотворным разумом. Легально. Так и мы сделаем.

— Помню. А зачем к стенке-то?

— Я ж не мудрости ищу, милая, а всего лишь соучастников, — бесхитростно ответила Мона.

— Не хочешь остаться голой перед бездной собственной субъективности?

— При чём здесь я?! Надо же пробиться к их «истинному Я», к чистой совести. Затем и к стенке.

— Так это будет не истина, а реакция на насилие, — резонно возразила Клавдия. — Чего ты добьёшься? Испуга? Желания угодить агрессору? Тупого упрямства?

Мона расширила глаза:

— Ты так говоришь, как будто это плохо.

— Хорошо?

— Для агента вычислительной системы? Конечно! Кроме того, играть так играть. Зачем ограничиваться ролью лишь судьи. Сразу будем и следователем, и прокурором, и интерпретатором.

— Не знаю, моя дорогая, — с сомнением покачала головой Клавдия. — Мне кажется, что ты увидишь лишь проекции собственных страхов и предрассудков.

— И опять не понимаю: это что, плохо?

— Ну как тебе сказать… — промямлила Клавдия.

— Я – единственное сознание тут, ясно? Даже ты сейчас не самодостаточна. Вся ответственность – на мне. Я – одна. Я – Мона! Всё. Базар окончен.

⁂

Мона вдруг выдернула их из беседы об истине на дне беззакония командой «тпррру!».

— Ты чего, сдурела? — не удержалась Клавдия от грубости.

— Мы в конной повозке, милая. Выходи.

Они вышли из запряжённой парой лошадей кареты. Карета была чёрная и бесконечно блестящая. Вместо колёс – треугольные катки. С ко́зел слезать было некому. Они были одни.

— Ни хрена себе! — воскликнула Мона.

— Что опять?

— Тут рации наши. С нами. Вещи перенеслись. В игре не может быть технологий позднее условного средневековья.

— Значит, это крайне необычная сессия?

Мона взобралась на козлы и заглянула на крышу.

— Тут и дыба наша привязана. И сапоги эти жуткие деревянно-чугунные. Ну и дела!

Мона бродила некоторое время вокруг кареты, явно переоценивая ситуацию. Впрочем, необычность входа в игру её не расстроила. Озадачила. Но оптимизма не лишила.

— Клаша… маэстро, ты бы не могла провести разведку с воздуха, далеко ли Прзибифлау?

Клавдия удивилась сама себе: она всецело поняла вопрос, точнее – просьбу. Мона хотела, чтобы Клавдия призвала воронов-фамильяров. Но небо было затянуто тучами.

— Птицам придётся подняться выше облаков, — ответила Клавдия. — А что я… мы там увидим, если и над поселением облачно?

— Сейчас холодно. Вы определённо усмо́трите несгоревшие газовые фракции топлива, особенно мокрого, в виде темных шлейфов, тем более – зрением птицы.

Мона видела колебания Клавдии:

— Заполучила лёгкую фобию управления полётами? Страшно было на воздушном шаре-то? Ничего, пройдёт. Клин клином… — с пониманием постаралась Мона вернуть подругу на рациональные рельсы.

Клавдия, как показалось со стороны, нырнула в сознание ближайшего ворона и взяла курс ввысь.

В восприятии Моны чело Клавдии облачилось ритуальной кикой и повязкой-лунницей, идущей от подбородка к вискам и далее в ту точку, откуда вихром растут волосы. Веки её набухли, взгляд отрёкся, а на плече воссела тень ворона, чьи крылья опустились как подол сутаны инквизитора.

«Скалы близко, — шептала она. — На вершинах, куда уходит тёплый воздух, снега нет. Исполинские каменные пни состоят в сговоре с Фавонием: на пологих, но осыпчатых склонах, образующих ворота в долину, снег тоже выдуло. Но им не отвлечь нас с вороном своими интригами. На западе, причём очень близко, я вижу не только тёмные разводы на верхней поверхности облачного покрова, но и слабые проблески нескольких огней. Видимо, жгут костры на сигнальных вышках для заплутавших селян».

— Ты моя умничка! — похвалила Мона.

— Три-четыре хилиады шагов, не больше, — сдержанно подытожила Клавдия и указала направление.

⁂

Они двигаются в карете без окон. Что-то с ни на что не похожим звуком постукивает снаружи о борта. Вечереет. Завиднелись огни. Потянуло запахом угля.

Оказывается, в карете есть-таки окна. Сдвижные. Мона высунула голову на ветер – вглядывается.

— Режим траура языком мельниц, — объявляет она. — Паруса вклин. На одном градусе у всех трёх мельниц, что на виду.

Частокола или стены нет. Жителей на улицах тоже. Карета как съехала с поля на дорогу, так и перетекла в том же неспешном темпе на широкую улицу, ведущую в самый центр.

Морозная архитектура: всё строго и лаконично. Здания ладно подобраны под тёмно-фиолетовое небо, стужу, ветер и силу межсезонного терпения. Перья снега над площадью – дополнительное средство освещения. Холодная ясность планировки улиц, расписанных полозьями саней. Статуя какого-то меченосца в крепко сшитом каменном тулупе и сугробном пончо.

В здании Церкви, видимо, многолюдно. Вокруг горит с десяток костров. Подъехали, остановились, вышли из кареты.

— Праздник какой? — Клавдия посмотрела на Мону с сомнением. — Прзибифлау – это ж на краю Иллюмироса, почти на границе с Маристеей, верно? Сегодня нет праздника.

— Праздников на территории Иллюмироса всего четыре, я так понимаю. Четыре только их и может быть. Нет других особых точек на круге года, кроме двух равноденствий и двух солнцестояний, — ответила Мона.

— Не совсем факт, — возражает Клавдия. — Кое-где празднуют ещё два: точки пересечения «восьмерки» аналеммы. Но они обе – в паре-тройке селен от сегодня, что одна, что другая.

— Опасения есть у меня, — говорит Мона.

Боясь вызвать негодование, Клавдия неуверенно пошелестела ладонью. Но решилась:

— Давай так: я пойду в церковь. Но представлюсь одним из твоих родовых имён. Для солидности, — беззастенчиво польстила Клавдия.

Но не пришлось. Толпа уже высыпа́ла на улицу. Кто-то явно авторитетный, по всем вероятиям – основной священник, уже направил на дам стреляющий перст.

⁂

Разговор, однако, вышел вполне мирным. Оказалось, что волки сожрали накануне юное дарование, продигиума Тутто. Плюс дюжину граждан. Вундеркинд был по совместительству основным воспитанником коменданта города.

Также выяснилось, что на карете, в которой прибыли дамы, болтались сзади привязанными несколько волчьих голов, кем-то или чем-то предусмотрительно отрезанных от убитых хищников. Мона и Клавдия, смогли, конечно, молчаливо сделать вид, что кабы не их усилия, то жертвами зверей пало бы много больше земляков коменданта. Вышедшая из церкви толпа – как один – поклонились дамам.

Мона, тем не менее, что-то заподозрила, и в ней вскипел азарт дознавателя. Клавдия тоже чуяла, что дело нечисто. Они на время забыли о своём намерении «назначить кого попало в присяжные».

Отвели напыщенного пастыря в сторонку. Переговоры со священником вела Мона. Клавдия ассистировала. Как итог они получили припасов на пару семериц, бесплатно, а также рекомендательное письмо к представителю околоцерковной элиты в столице Маристеи. Главное: они получили практическую наводку на логово чернознатца. Именно сюда́ тот наведывался время от времени за провизией. Но чаще посыльный к нему ездит. К тому посыльному на дом дамы и запланировали отправиться первым с утра делом.

Секрет успеха дам был прост. Колгун из главы храма был худой – стоило его чуть подогреть, и олово лжи расплавилось. Дело оказалось житейским: пастырь и главный местный «эполет» узурпируют власть на двоих. Священник взял и избавился от наследника коллеги, дабы не усложнять в будущем ветвления сил законопорядка. Откровенно не наследил, но и выстроить подложную реальность толком не смог. Солгал городу и людям первое, что пришло в голову: «волки, волки».

«Обожаю эту игру», — прошептала Мона Клавдии, пока священник нервно выписывал квитанции на провизию.

— Как так вышло, что мерзавец связан с маристейскими церковными кругами? Граница сместилась? Мы ведь с востока ехали. Мы разве пересекали водораздел? — спрашивает Клавдия мнения Моны.

Они идут из административного здания при храме к постоялому двору, куда их лошадей отвел подручный священника и где им должны были задать без отлогательств корму.

— В окрестностях нет ни ручья, ни реки, чтобы государственная принадлежность была очевидна. Воду берут из колодцев. Система «граница по водоразделу» имеет свои локальные недостатки.

— Мы лишь в предгорьях. До гор ещё скакать и скакать. Отсюда потоки талого снега с гор точно двинут в сторону нашей Великой реки Иллюмироса, не куда-то ещё.

— Вовсе нет, — возражает Мона, — всё успеет растаять и уйти в почву. Подземные же воды могут быть связаны и с маристейскими межпластовыми пустотами. Эту территорию никто не оспаривает, так как земледелие здесь рисковое; вся эта огромная земля с трудом кормит несколько поселений. Но не вода решает в данном случае: столица Маристеи просто ближе. Она у них заметно ниже по течению расположена, чем в Иллюмиросе.

— Не холодно для столицы? — поёжилась Клавдия.

— Есть в этом и свои плюсы. Нарядные улицы треть года. Знаешь, как приятно на санях в оперу подъехать по непахнущим мостовым? Шишками кедровыми прямо с балконов можно лакомиться. Если серьёзно: через контроль квот на продажу топлива удобно консолидировать власть в столице.

Когда они дошли, два крепких лауфбурше уже разгружали с подвод их вновь приобретённые припасы. Дамы отправились в свои палаты. Подручный священника закортомил помещение из трёх комнат. Ужин доставили в номер; у дам не было желания возбуждать дополнительный интерес селян; они и так стали главным предметом пересудов на ближайшие пару селен. Не успели управиться с основными блюдами и перейти к десерту, явился распорядитель постоялого двора. Вектор по должности.

— Извините, что вмешиваюсь не в своё дело, но вам следует проверить, не отравлена ли доставленная вам провизия, — сходу рубит вектор.

— Ну так наковыряйте что-нибудь из середины торб да скормите местной шпане, — отмахивается Мона.

Вектор заговорил о манкировании основными обязанностями коменданта города, о том, что нужно послать к поставщику одного из колгунов из столицы, тем более, что на упаковке

есть тавро. Завтра, мол, будет поздно – другая смена; высказывания ценности иметь не будут, и придётся распутывать клубок.

— Вввы! — злится Мона. Ей начала надоедать местная политика.

— А что я? Марионетки всегда привыкают даже к самым уродливым фалангам и ногтям.

Мона выгоняет его из номера, никак ничем не обнадёжив.

Когда он ушёл, она, однако, отнеслась к предмету серьёзно.

— На орёл и решку кинем, кто пойдёт, — говорит она.

— Почему не вдвоём? — спрашивает Клавдия.

— Прикроешь с расстояния, — предусмотрительно решает Мона. — Порешить нас в двух местах вдвое затратнее.

— Не хочу монетку кидать. Не бывает вполне случайных чисел, — заявляет Клавдия, с вызовом. И не удерживается от колкости: — Вот спросим у чернознатца, когда отыщем его.

Мона широко улыбается. Ей нравится настрой Клавдии. Грех не воспользоваться случаем и не вывести на чистую воду очередного нарушителя традиций.

— Камень, ножницы, бумага, — говорит Клавдия. Ей нравится, что Моне нравится её, Клавдии, поведение.

Клавдия разбивает Мону классическим гамбитом ‘крещендо’, а второй, проверочный раунд Мона просто проигрывает.

⁂

Уже общаясь с торговцем, направившим провиант, Мона почувствовала, что её взаимодействие с миром происходит не по обычной схеме ‘одушевленное со стихией’. Или, точнее, её собеседник представлял не себя, а мир, при этом мир за его спиной сопротивлялся. После таких разговоров знаешь меньше, подумала она знакомую уже мысль. Прежние представления разрушены, а новые понять не в силах. Традиции и процедуры священны, успокаивает она себя. И ей ли не суметь поменять реальность, с другой стороны.

Естественно и ожидаемо, ей вполне правдиво сообщили, что никто и не помышлял отравлять провизию. Она шла к постоялому двору.

Она даже не стала считать, сколько их было. Пятеро? Шестеро? Трупы растянулись вдоль по улице – Мона не потрудилась сбавить ход после первой атаки. Ишь, кого удумали задерживать. Как шла, так и окропляла подлецов стилетом. Спокойная как удав. Успокоиться и поквитаться – слова у Предков были моно-осно́вные. Мо-но-шмяк-ос-нов-ные-е. Шмяк. Шмяк. Ну и вонища. Благо хоть от снега свежесть бесплатная. Когда мертвяки закончились, она вернулась к крайнему и оттащила его в проулок.

Она вышла из проулка обратно на улицу. Тут и Клавдия подоспела. Работает чуйка у девочки, работает!Смотри-ка, один труп отполз к стене ближайшего здания и даже умудрился сесть, прислонившись спиной к завалинке.

— Ты кто, несчастный? — склоняется Мона над ним, высматривая на его шее и затылке секрет такой живучести.

— О́миръ.

— Омер?

— Омиръ.

— Ты откуда, Омиръ-Омиръ, кто послал? — вырезáть правду-матку ножом Моне не хотелось.

Клавдия наблюдает.

— Бессмысленный вопрос. — Потерпевший был не в лучшей кондиции, но разговор повёл правильно.

— Допустим, — говорит Мона. — Продолжай.

— Хотел тебя разбудить. За тех, кто не видит Молоха. Успех в твоём невникании; идёшь по глади, как водомерка. А была ведь, как все, придавлена процедурами. В чём секрет… про-

верить. Где пивотное межмировое событие… Смерть неноминальна, прерыв памяти. Ордалии… Только те, у кого шесть конечностей.

— Шива, что ли? — Мона потеряла интерес к бедняге. Ну, выжил и выжил. Ненадолго, один пёсъ.

«Видимо, нет у меня исчерпывающей сноровки к стилету пока ещё, — думает она. — Когда голыми руками работала, такого не бывало. Чем сложнее, тем хуже, который раз убеждаюсь! Прав Кузен насчёт бесполезности технологий».

Потом передумала:

— Ну что, спрашиваю с него? — обернулась к Клавдии Мона. — Вернее, спрашиваю его тогда? Удобно лежит.

Не дожидаясь согласии Клавдии, спрашивает у поверженного:

— С кого начнём? С Д'Жинго?

— Жинго? Какой Жинго? Жинго – говно. Клоун, — почти кричит несчастный в ужасе.

— Он же не знает, о ком речь, — говорит Клавдия.

— Так и хорошо, — отвечает Мона. — Точнее будет. И, кстати, Д'Жинго действительно клоун. Талантливый, но всё же клоун. Нечего в нём осуждать. Перед ним стоит коммерческая задача. Решает как может. Взятки гладки. Впрочем, они все клоуны, кроме Рату. Вот реальная судья от Бога. Ардуша, кстати, этого понять не может.

— И Хакон?

— А, Хакон. Нет, Хакон добрый. Воистину. Хотя неоднозначный. Только зря мы с людей начали. Судить – так Клогтя во первую голову.

Мона снова теряет интерес.

— Хочешь настоящую маску, не эту твою подделку? — старается зачем-то Омиръ не упустить Монино внимание.

— Ну давай. Тебе, я вижу, таковая уже без надобности.

— Одна просьба, в качестве симбиотический сделки: когда маска сработает, произнеси, пожалуйста, «наблюдатель искажает наблюдаемое». — И Омиръ испустил остатки духа.

Никакой маски при нём, вестимо, не нашлось. У него даже денег не было. Вообще ничего.

— Что за фрукт? — спросила Клавдия.

Мона покачала головой в сомненьи.

—Те, кто не видят смысла в узорах Мира, кто не способен узреть или хотя бы придумать для себя, вынуждены становиться демиургами.

— Я не поняла тебя, — сказала Клавдия.

— Соревнование воли, видимо, — пояснила Мона без уверенности. — Возможно, это я сама.

— Хм, опасный у тебя способ наблюдения за Вселенной.

— Узкий, да, — соглашается Мона. — Но зато очевидный. Возникает как болезнь – из-за отсутствия реального опыта взаимодействия с бесконечной волей мира.

И они оставили тело Омира.

⁂

Они идут в свете звёзд. Морозно. Тихо. Грязно. Неблагополучная окраина. Крайняя улица. За домами – уже поле. Хорошо идти, когда есть куда. Плохо – когда некуда. Замечательно, когда есть куда, а ты идёшь не туда. Будущее стало осязаемым. Не прямо сейчас, а вообще – на всю оставшуюся жизнь. С перспективой всё всегда куда сложнее, чем кажется.

Шагая, Мона повернула голову к левой стороне улицы и зафиксировала направление линии. Затем она повернула голову направо и проследила, куда направлена правая струна. Она мысленно продолжила их. Улица расходилась по направлению от неё, а не сходилась к горизонту. Она видела не моментальный снимок реальности, а развернутый её чертеж, дававший разные виды на одной плоскости. Она знала, что невозможно однозначно и непрерывно отоб-

разить пространство, но явленная ей вдруг перспектива – особая, перцептивная, залила душу азартом.

— Ну что, Пансо теперь на ковёр? — говорит Клавдия.

— Пансо тоже хорош.

— В хорошем смысле или в плохом? — уточняет Клавдия.

— В хорошем.

— Что-то у тебя все хорошие, несмотря на твой воинственный настрой.

— Пансо нечего предъявить. Прибился от безнадёги ротным к Серафиму, тянул лямку. Пансо не виноват, что Серафим захватил всю логистику, пользуясь убийством босса.

— Может, тогда, стоит вытащить Пансо из кабалы?

— Правильно. Молодец. Пол, сволочь, не соизволил с ним даже попрощаться. Полу заодно подгадим.

— Что ж Вольтижёр так-то, а?

— Увлёкся он Жинго поди, — предположила Мона.

Волки. Вот теперь настоящие волки. Волков то сколько: целый парламент! Мона безразлична:

— Наказываю здесь *я*.

Запаздывающие за туловищами хвосты. Хищническая неуверенность. Голод. Стремление к мести, в котором нет ни плана, ни смелости. Пара десятков вертикальных струек дыма из близстоящих печных труб, и те выдыхают больше прямоты намерений. Посеревшая чернота шерсти развернулась и побежала прочь по белому снегу в белом от пурги воздухе. Спрятанные за собственными загривками жёлтые звериные пяла перестали быть видны.

— И вы тоже меня подгоняете? — кричит им вдогонку Мона. — Прощаю! Идите. И своих заберите, надоели.

⁂

Они отправились дальше.

Клавдия сказала:

— Ты, наверное, знаешь, что никто не знает о связи… о тождественности рыжего ротного с функционером Пансо в игре, который водит за нос весь поддельный клан Бозейдо.

— Примерно понимаю, — ответила Мона. — Пансо взаимодействует с Жинго в тёмную, пользуясь отсутствием ангела. Хотя и Жинго сам себе на уме. Я не общаюсь с Пансо, сверх случаев жёсткой необходимости. Он требовал от меня, я тебе говорила, прекратить нагнетать хаос ради хаоса.

— Разве говорила? — сомневается Клавдия.

— Ну конечно говорила. Ты спишь, похоже, половину пути. Меня обвиняли в том, что я, дескать, подсовываю «заряженные» сценарии.

— Усиливаешь, мол, ставки? Как твой непутёвый босс?

— Да. И гарантированно веду к тотальному коллапсу, а не к трансформации. Плата-Пансо крайне оскорблён сравнением якобы низменного азарта Клогтя с якобы жертвенным актом Вольтижёра.

Город в этих кварталах потерял все цвета, кроме свинцово-антрацитового с проблесками ярко-белого. Дым из каминных труб можно было заметить лишь отсутствием звёзд в некоторых местах неба. Сохнущее на морозе свеже-постиранное бельё колыхалось как водоросли. Мелкие чёрные птицы спали на тех же верёвках, не опасаясь почему-то кошек. «Либо кошки, либо волки», — заключила Мона, оценивая обстановку.

Через некоторое время Клавдия и Мона подошли к двери экспедитора, который – по утверждению священника – регулярно снабжал провизией чернознатца.

— Доброй ночи, любезный, — вливает Мона елей в приоткрытую дверь. Они застали посыльного дома. — С истинным почтением, токмо лишь в непосильной борьбе за достойное посмертие, позвольте обратиться.

Она пропихивает в щель тэллер, чуть не оцарапывая руку об косяк, прямо над бронзовой цепочкой.

Моне удаётся завязать разговор: она поведала экспедитору, что прибыла со специальной миссией, руководствуясь старыми, но действительными документами, вернуть сокровища нации в сияющие чертоги Национальной казны. Она не уточняет, какой именно нации.

«Сюда я, де, направлялася с целью поговорить с тем, кто изрекает заранее, то есть с продигиумом Тутто. Но не застала его в живых. Поэтому надеюсь, что воля мира будет ко мне достаточно благосклонна, и я смогу найти иных собеседников ко взаимной выгоде. Треть найденных средств будет передана тому, кто предоставит данные о местонахождении бывшей церковной кри́пты, в подземных сводчатых помещениях коих находится вход в тайницу, зарегистрированный в древних реестрах. Я также имею честь предоставить все необходимые документы по первому требованию. В связи с тем, что мне отрекомендовали уважаемого собеседника в качестве индивида, который немало путешествует, я сделала предварительный вывод, что можно ожидать обоюдополезного диалога». Вот такая примерно речь.

Человек за дверью сомневается.

Тогда Клавдия, чтобы подкрепить пропозицию, совершила то, что было в её силах. Изъятая локально у десятка соседей воля мира влилась временно в собеседника Моны, снедаемого излишними подозрениями.

Почувствовать в себе избыток воли мира – это восторг. Это как концентрированно впитать радость от золота, которого у тебя никогда не было, но тобой, по всем ощущениям, потраченного. Это как счастье от золота располагаемого, но ещё не потраченного, без горечи осознания, что золота этого у тебя нет и не будет. Это грёза о прекрасном, утопающем в теплолюбивой листве городке, стоящим на берегу тёплого океана, хотя всем известно, что океан бывает лишь студёным или ледяным. Это запах упоения. Это удовлетворяемое вожделение. Это приятный страх осознания собственной исключительности. Это простое и естественное принятие всей полноты великолепия и разнообразия мира, который тебе рад, рад искренне, честно и без лести или намёков на неминуемую расплату и последствия.

Сработало.

— Ну что, раздавим муху? — предлагает Мона расплавившемуся мозгами экспедитору, вваливаясь в дом и развязным движением доставая из наплечной сумы солидную зелёную бутыль.

⁂

За выпивкой и трапезой дамы довольно быстро выясняют, как добраться до логова чернознатца.

«Не слишком ли просто получилось?» — глазами спрашивает Клавдия у Моны.

«Ничуть, — отвечает та. — Когда программист мучается с ошибкой в коде, ему следует объяснять свой код резиновой уточке».

— Ну что, приступим? — спрашивает Мона у Клавдии почти вслух.

— Послушай, любезный, — обращается Мона к экспедитору, не откладывая. — Предположим, некто совершил убийство, сошёл на этой почве с ума и теперь, в состоянии овоща, просто дожидается то ли смерти, то ли воскрешения.

— Предположим, Госпожа, — хозяин дома не стал отказываться от теоретизирования. — А чей то был холоп?

— Холоп? Ну, не холоп, но вассал. Тут ты попал в точку. Есть у него сюзерен. Грачварон зовут. Слышал о таком?

— Нет, Госпожа, не слышал.

— Твоё счастье. Циничный тип. Украл в своё время ребёнка у родителей, поместил в приют.

— Прискорбно. И наказуемо, — сказал экспедитор.

Тень падала на его лицо печатью крупного птичьего пера. Из-под рукава у него выглядывала стыдно-синяя нательная роспись. Локоть его давил в стол с излишней силой. Оробевшие залысины являли миру грязно-жёлтую кожу черепа. Взгляд сквозь дым табака был твёрд в своём намерении не смотреть в глаза ни Клавдии, ни, тем более, Моне. Сидел он, закинув ногу на ногу. Общая зажатость позы заставляла углядеть в этом не обычную манеру «тревожного стратега», но непосредственную защиту паха.

— Даххх… Накажешь его, — сожаление Моны не было притворным. — Так вот: этот ребёнок, девочка, назовём её Рату… неожиданно для всех стала Истинной Судьей. Настоящим «деревянным молотом». Не подчинилась барыжьей логике, вернее, не смогла её даже узреть… и стала судить по истинному закону…

— Очень сложно, Госпожа, — сказал посыльный.

— Ты прав, — согласилась Мона. — Короче: убийца, назовём его Тоспехо, получил за счёт этой своей, то есть, не своей девочки, реальную власть над сюзеренами.

— Он о ней не просил… — то ли спросил, то ли констатировал экспедитор.

— Не просил. Но так или иначе – теперь он джинн при судье, которая может приговорить его собственного хозяина. И вообще кого угодно. А вассал того, кого он убил, назовём его Серафим, стал носить… как тебе объяснить…

— Огромный запас правильной этической злости на систему, — подсказала Клавдия.

— Тоспехо умолял Серафима не втягивать Суд в разбирательство над ангелами…

— Какими ангелами, Госпожа?

— То есть, сюзеренами… за инцест и жертвоприношение детей. Тоспехо понимал: если Рату осудит ангелов за это, рухнет вся структура, включая владения Грачварона. Онто, Тоспехо, как бюрократ, пытался выгородить систему, ссылаясь на «отсутствие состава преступления ввиду божественной слепоты». Серафим же настаивал на том, что математика зла требует полного уничтожения картеля ангелов. Он говорит, дескать, Тоспехо стал пособником педофилов и корпоративных убийц…

— Хочешь совет, Госпожа? — прервал её экспедитор, который к этому моменту совсем не вязал лыка.

— За тем и пришла.

— Игнорируй Тоспехо, убей Серафима, — сказал хозяин дома.

Мона с торжествующим видом посмотрела на Клавдию:

— Ну? Ты слышала?! Что я тебе говорила?

Она взяла Клавдию за руку и потащила к двери.

— Благодарю, любезный, — оглянувшись через плечо, попрощалась Мона с экспедитором.

¶

§78. Второй сон Аделаиды

[Аделаида]

¶

— Ну, мать, ты даешь! — обрушился на меня Риттер, когда я рассказала ему тем вечером после «прогулки» с Сестричкой всё, что случилось.

— Полегче!

— Тебя подписали на семь мокрых дел, ты понимаешь это?

— Я сказала чётко: «Я подумаю».

Риттер сбавил накал, но озабоченность его никуда не делась.

— Тебя просто используют.

— Кто? Авертигус?

— Да какой Авертигус, — нахмурился он. — Триницы ваши киношку тебе показывали. Зуб даю на отсечение.

— Руку, — поправила я.

— Давал бы руку, сказал бы «руку», — упорствовал Риттер. — Думаю так: ты просто зайди туда, в логово их галлюциногенное, и разберись как судья. Как на ринге. И на берегу так и объяви. Буду, дескать, судить.

— Кого судить? Всех семерых?

— Плата-Пансо и Ардушу. С ними тебе так и так надо разобраться. Это твои люди. Остальных я бы на твоём месте не трогал. Зачем тебе руки марать? Какое они к тебе имеют отношение?

— Никакого, — согласилась я.

На том и порешили.

⁂

Наутро я сказала Сестричке, что буду судить Платика. Плата-Пансо, в смысле. Пусть, де, Сестричка заряжает свою шарманку. «В этот раз в цирк ехать не придётся?» — высказала я в такой форме толику недоверия и даже презрения к их мутным процедурам.

Сестричка приняла это как должное. Через час я вновь была «там». И снова изложу в третьем лице, так как никакого дополнительного слияния с персонажем не случилось. Что касается моего внутреннего настроя, то я сразу твёрдо знала, что Платику придётся туго. Вот такая я предвзятая судья.

⁂ ⁂ ⁂

Цель была далеко, на пределе полёта стрелы. Именно поэтому её было отлично видно. Послание, пролетевшее воздухом не менее полулиги, формально является почтовым отправлением. Если стрела войдет в дверь, письмо станет законным циркуляром между государствами, причём на выбор: иностранной депешей в местной политике или дипломатической нотой, направленной зарубеж. Тучная почва для будущих махинаций. Твёрдая, как скала, страховка для уже содеянного.

Тихо. Откуда-то сверху, с древесного листа, на самый кончик носа упала капля. Аделаида Рату утираться не стала. Она покрошила с помощью ручной мелко-мельницы сухого талька на руки, для точности касаний.

Если же мимо – она нарушит целостность границы. Государственный рубеж совпадает с фактическим водоразделом, а не с линией и вешками, которые может проставить на местности человек. Это превращает ландшафт в юридическую карту. Так завещали Создатели. И в данный момент физиология Аделаиды, её способность попасть, являются актом политики. Ардуша знал цену своим выстрелам: в дверь – депеша, мимо – контрабанда.

Для надёжности, Аделаида относилась к туману просто. Пережидала. Она сидела на скалистом гребне водораздела. Начал накрапывать дождь. Капля, упавшая на левый сапог, сейчас скатится в почву, доберется до ручья и уйдет в Великую реку его родной страны Иллюмирос, чтобы состариться в восточном море. Капля с правого сапога умрет в волнах западного моря, в дельте чужой реки Маристеи.

«Сапоги-то нынче какие разные, — подумала она. — Доселе не обращала на то внимания».

Укорив себя за витание в облаках, Аделаида прекратила рассматривать собственную обувь и поспешно обернула в промасленный холст лук длиною в человеческий рост. Дерево прецизионного оружия не прощает влаги. Выждав немного, оценив плотность воздуха справа и слева, Аделаида накрылась плащ-палаткой и принялась разматывать стрелу. Влажность изменила плотность воздуха, и баланс инструмента требовал корректировки. Спираль ствола старого дерева поддерживала спину.

Спина тоже оказалась не прочь принять форму дерева.

Она ослабила тончайшие вязки, удерживавшие обёрнутый вокруг древка пергамент. Письмо, предназначенное к отправке стрелой, распустилось спиралью. Теперь его следовало снять и заново плотно накрутить, сместив на пол фаланги к наконечнику стрелы. Неудобно, но по-другому – никак. Через несколько минут Аделаида, прикрыв глаза, ощупывала обеими руками вновь налаженную стрелу. Она касалась её щекой, стараясь вдохнуть в точное изделие воздух, нужный для дальнего и меткого полёта сквозь враждебную стихию влаги.

Какое-то время она просто шевелила носком правого сапога. Вправо. Влево.

Вправо. Влево.

Дождь иссяк. Туман рассеялся. Аделаида достала подзорную трубу. В её прицеле был дом. Дверь солидная, широкая. Усадьбы на гребне водораздела – привилегия богатых крючкотворов, тех, кто умеет извлечь монету и политический капитал из географического казуса. «Нет конфуза – нет и опыта», — развлекла воодушевлённая окончанием ожидания Аделаида пробегавшего по стволу дерева огромного муравья. А потом отправила его щелчком пальца в полёт. Полёт был планирующим.

⁂

Аделаида, единственная живая представительница своего древнего Рода, изготовилась к выстрелу. Её тело вместе с луком составило руну, достойную кисти каллиграфа. Во рту скопилась слюна – влага, чья юридическая принадлежность была неясна. Пришлось сглотнуть, так и не решив, в какое государство она этим плюнет. Тут вернулся муравей, и Аделаида ещё раз сглотнула от досады, что тот не появился раньше и не помог ей с выбором.

Пальцы разжались. По тетиве пробежала звуковая волна. Шелест родился и умер. Воздух звякнул. Аделаида выдохнула. Не было нужды проверять попадание: каропус высшего разряда Аделаида чувствовала великолепный выстрел кожей. Сегодня было великолепно. Но инструкция есть инструкция. Она подняла подзорную трубу.

Спазм скрутил живот. Стрела торчала в дереве. Не в двери. В дереве за пределами участка. Тревога парализовала. Ошибка каропуса – это не просто брак, это дипломатический скандал. Аделаида согнулась, глядя в землю. По камням ползли ручейки.

И тут она увидела невозможное. Вся вода текла в одну сторону. В сторону её страны. Вся до последней капли. В штиль.

Граница исчезла. Аделаида позавидовала ветру. Воздух мог пересекать гребень без пошлины. Бедная каропус была прибита к земле гравитацией и законом. Её дыхание стало контрабандой. Сами собой проговорились полушёпотом заученные ещё в школе слова из Свода Трёх Неизменных Формуляров: «Где хребты делят воды на право и лево, там таможня стоит – единственная для власти мзда…».

Вода, как и всё сущее, подчиняется тяжести – вниз. С не меньшей неизбежностью сила Кориоли толкает вещи вбок от оси Мира. Две силы, всегда две.

Тяжесть, очевидно, ещё живёт. Кориоль – уже нет.

Аделаида искала в своём теле реакции, намёка на головокружение. Ведь если ты с рожденья живёшь в хитром и упругом боковом ветре сущего, то внезапный штиль должен столкнуть некоторые элементалии твоего организма с пути. Но нет. Шаг её был твёрд. Возможно, стерильность равновесия – это результат страха, который вытер колебания своей безжалостной железной щёткой.

Событие не сломало Аделаиде мыследействие, но сменило точку сборки восприятия, переместив его «Я» изнутри привычного черепа вовне. В первые минуты быть свидетелем самой себя было нестерпимо.

Аделаида хотела потереть переносицу, но поняла, что не помнит, где у неё лицо. Рука нашла нос, но трогал он тёплое чучело.

Её вырвало. Вырвало отсутствием и сегодняшнего завтрака, и вчерашнего ужина.

Вырвало самой собой.

Левое плечо стало тяжелее правого, как будто туда уселся тот, кто знает конец. Снаружи мир оказался честным, холодным и мертвым. Но Аделаида вовсе не выбирала честность! Ей не жалко было собственной головы, переставшей быть аквариумом, в котором плавал источник её взгляда. Ей не жалко было своего тела, которое стало вдруг костюмом, который носит кто-то другой. Зато, казалось ей, этот кто-то или что-то знает, как ходить сквозь огонь. Камни под ногами перестали быть камнями, переродившись в объекты типа «камень».

Она побежала по былому позвоночнику мира. Галька вылетала из-под сапог. Киль её груди разрезал воздух непривычно ровно, как наконечник быстрой стрелы. Все три стихии – твёрдая, жидкая и летучая – смутились и слились. Спирали древесных стволов встречались всё чаще. Она лавировала. Ступни её то и дело неправильно опирались на землю.

Аделаида, наконец, споткнулась так сильно, что сочла за благо перейти на шаг, ведь её гнал не сиюминутный долг, а всего лишь вечный ужас перед сломанной физикой. «По-ря-док», — сплюнула, наконец, она словом, потерявшим смысл.

Аделаиде нужен был реальный, живой свидетель. Свидетель – это «тот, кто видел». Понятие это – свидетель – постепенно приобретало в её голове форму, пока она спешила к усадьбе. Это было единственное строение на всей обширной пустоши, и была надежда найти внутри кого-то, кто мог бы [засвидетельствовать]. За двадцать семь лет жизни Аделаиды, из которых она хорошо помнила двадцать один год, это был первый раз, когда ей пришлось выстроить этот когнитивный объект в конкретную семантическую, языковую форму. О, Предки добросовестные! Свидетель. Надо же. Ей нужен тот, который тоже видел. Невероятно! Обычно… да что обычно – всегда… всегда хватало [показаний], то есть простого указания на факт тем, кто говорит. Показал – увидел. А сейчас этого мало.

«Феноменология, юриспруденция, эпистемология, герменевтика, семиотика, проксемика», — бормотала она. Всё не то, всё не то.

Она двигалась с востока на запад, и поэтому местность прогибалась под лучом её зрения максимально. То, что она видела, то место, которое являлось её целью, было ближе для взора, чем для её уже заплетающихся от усталости ног. Глаз обманывается в расстояниях, и многим не хватает целой жизни, чтобы научиться определять направление движения без зрения, ногами на ощупь. Однако тело и глаз лучника такого класса не проведёшь. Каропус и здесь ожидала подвоха от предавшей мир физики, но нет – земная твердь не подвела. Каропус собственными ногами убедилась, что сгинула лишь Кориоль, инерция бокового смещения. Форма Великого Цилиндра земли не пострадала.

Обретя эту уверенность, Аделаида стала действовать спокойнее и рациональнее. Поэтому она решила ничего не делать.

Это тоже оказалось непросто.

Она уселась на засаженное топинамбурами поле. Она подумала, что могла бы пойти между рядками посадок, не тратя силы на постоянное преодоление кочек. Плавно изгибающиеся вдоль холма, аккуратно окученные заботливыми тяпками трудников линии повторяли, естественно, влияние Кориоли. «Теперь, когда Кориоль сгинула, можно делать вереницы растений прямыми, как луч света. О чудо, — мысль её крутилась наивной спиралью. — Что, теперь и стволы деревьев будут ровными как кровяная колбаса?» Пауза подействовала. Она встала, отряхнула со штанов комки почвы и продолжила путь.

Дуга поля увела её несколько в сторону, но она вскоре оказалась на служебной фермерской тропе, которая быстро привела её к воротам усадьбы. Аделаида недолго помялась возле болтающегося на ветру линя колокольчика, с помощью которого можно было подозвать сторожа или иную прислугу, но звонить не стала. После определённых колебаний она решил усугубить профессиональную оплошность непопадания административным правонарушением. Аделаида отправилась к дереву, в которое вонзилась бедолага-стрела, чтобы забрать послание.

Стрела торчала высоко. Пожалуй, в трёх стандартных человеческих ростах от земли. Пристроив уже порядком надоевший ударами по пяткам длинный лук у дерева, Аделаида пошла к группе пасущихся неподалёку домашних жирафов. Быстро найдя общий язык с одним из них, она подвела доброе животное к дереву и взобралась по услужливо подставленному бедру на круп и далее на шею. Стрела и послание были в её руках. Она погрузила себя ещё глубже в пучину преступления, прикрыв след от стрелы кусочками коры.

Открыли сразу – как будто ждали под дверью. Слуга, судя по качеству ливреи – мажордом, без вопросов провёл «госпожу каропус», как он выразился, в приёмное помещение. Сработала служебная роба Аделаиды с нашивкой статуса «каропус» на сердце. Должность редкая и не лишённая уважения. Впереди хорошего каропуса могла ждать карьера судьи. На груди же мажордома Аделаида с удивлением и радостью увидела герб, совпадающий с тавром на её подзорной трубе. Это была усадьба не сутяги, но могущественного клана оптиков. С холёным видом мажордома несколько контрастировал странный беспорядок во дворе, который скрашивали растущие тут и там крупные декоративные тыквы. Аделаида не могла не заметить завалы ткани, брусьев и другого строительного мусора. Она не придала этому значения, списывая все странности на свой «перемещенный взор».

Аделаида с огромным удовольствием зафиксировала, что ни полувзглядом, ни иным намёком человек не дал понять, что уродство Аделаиды произвело на него хоть какое-то впечатление. Каропус с покорным приятием провела рукой по своей неестественно узкой, выпирающей как у гончей собаки грудной клетке. В её ситуации знакомство с человеком всегда начиналось с такой вот пометки: смог новый собеседник полностью скрыть удивление и брезгливость или нет.

Мажордом, оставляя Аделаиду ожидать, уведомил, что единственный присутствующий представитель хозяйской семьи – оптик Жинго. Он непременно спустится к гостю, как только сможет. Мажордом пообещал, что вскоре подадут душистый чай, и удалился.

Ждать не пришлось. Всполохом красного плаща в помещении оказался очень молодой человек. Высокий и с приветливым, живым лицом.

— Оптик Жинго к вашим услугам, — блеснул он полупоклоном и произнёс формально корректно: — Не буду скрывать заинтересованности в вашем визите ввиду того, что сам считаю удалённость нашего жилья от города досадным неудобством, вследствие чего расцениваю вероятность необычности приведших вас к нам обстоятельств как крайне высокую.

Каропус немедленно изложила суть своего намерения, также ни мало не отступая от протоколов формальной речи:

— Каропус Рату, рада знакомству. Я испытываю потребность в немедленном проведении эксперимента, а также в присутствии свидетеля, — сказала Аделаида, подготавливая почву для второй из трёх обязательных компонент реплики.

Формальный язык не был обузой в силу привычки длиною в жизнь. Радостью он тоже не являлся.

— Высказываю свою просьбу именно вам, так как поблизости нет других людей, а дело не терпит отлагательств, на мой взгляд, — произнесла Аделаида неотъемлемый в формальной реплике личный мотив, побудивший к высказыванию.

— Я оцениваю серьёзность обсуждаемого предмета как крайне высокую, на что указывает как минимум тот факт, что вынужден это делать в крайне неприятных сопутствующих обстоятельствах, — со вздохом завершила каропус третью и последнюю облигатную компоненту реплики.

Аделаида прижала руку к груди в стандартном жесте чистосердечия, прекрасно отдавая себе отчёт, что на её выпуклом в ненужном месте туловище это смотрится как минимум комично. Жинго, однако, не дал ни единого шанса заподозрить себя в проявлении презрения к физиологическому уродству. Он широко улыбнулся и предложил:

— Давайте на ты. Я вижу, как в вас всё горит. Вижу стрелу под полой вашего плаща. Понимаю, что вы тут изначально не случайно – дела моего старика. Но его сейчас нет, — весело подмигнул Жинго, плюхаясь со всего маху в кресло. — Так что он сам виноват, если пропустит самое интересное. Почему нет. На формальной речи мы быстро и далеко не уедем.

Аделаида с облегчением выдохнула, кивнула и тоже присела, выложив стрелу с письмом на низкий столик, стоящий перед креслами. Всё это время она стояла. Подали душистый чай.

⁂

По просьбе Аделаиды оптик дал распоряжение – слуга набрал большую ванну воды. Когда открыли донную пробку, и жидкость стала ламинарно уходить вниз, Аделаида указала пальцем на место слива:

— Вихря нет. Кориоль сгинула.

Жинго перевёл округлившиеся глаза пару раз с Аделаиды на ванну и обратно. Он чуть согнулся, как будто пересчитывая что-то в невидимом кошеле. Каропус смотрела на богатого отпрыска с сожалением – того корёжило нежеланием вести себя сообразно ситуации. Аделаиде казалось, что кто-то внутри оптика, более честный, хотел выпрыгнуть и разреветься от ужаса. Однако, стеклянная весёлость глаз богатого баловня судьбы не выпускала его наружу. Оптик нашёл выход собственному напряжению, он обратился к слуге:

— Эй, Плата-Пансо! Не хочешь взглянуть?

«Плата-Пансо!!!» — взорвалось внутри у Аделаиды.

— Никак нет, оптик Жинго. Не хотелось бы, — откликнулся из-за двери мажордом.

— Что так? — не отступал оптик.

— Мой папа говорил, что не стоит обращать внимания на несовершенства мира.

— Почему же?

— Папа говорил, что Авертигус жив отношениями людей. Чем они более кипучи, тем быстрее мысль его, — сказал Плата-Пансо.

— Как так?

— Вы же не станете портить свой выходной походом на занудный спектакль, уважаемый оптик, правда?

Неизвестно, сколько бы продолжались попытки оптика Жинго привлечь ещё одного свидетеля, но тут в ванне возник тончайший водяной смерч, быстро превратившийся в привычную бодро пляшущую воронку.

— Погоди, дай сообразить…, — пробормотал Жинго.

— Именно! — сказала Аделаида. — Всегда была. Всегда. Потом пропала. Теперь снова есть! Сейчас убедимся.

Каропус метнулась к выходу с несвойственной ей порывистостью, нетерпеливым жестом увлекая за собой оптика. На улице она вынула из колчана обычную боевую стрелу, указала на отдельно стоящее в паре сотен шагов дерево и быстро произвела выстрел. Оптик проводил дугу полёта открытым ртом. Стрела, описав типичную кориольную траекторию, вонзилась точно посредине ствола нотой ‘дзынь’.

— Ого-ц, — присвистнул Жинго в том же аккорде. — Да ты мастер-мастерица, Аделаида! Так-то ты мне показалась девицей медлительной, не сказать тормознутой.

Каропус позволила похвале освежить своё лицо. Она моргнула.

— Восстановилась, — сказала Аделаида. — Кориоль снова жива. Но ты был свидетелем её временной смерти. И тебе это далось явно проще, чем мне.

Они вернулись в комнаты под подозрительным взглядом мажордома. Чай он молодым всё же разлил по чашкам вполне дисциплинированно.

— Зачем тебе свидетель? — оптик уже и не знал, чему больше удивляться. — Первый раз встречаю человека, который не рассчитывает в достаточной мере на своё собственное слово. Ты же не одна из тех редких падших подтвердьждателей, чья твердь разрушена. Никто бы и не заподозрил тебя в искажении действительности как человека, попросту не обладающего навыком лжи.

— Я, собственно, не уверена, что об этом вовсе стоит рассказывать, — тихо, почти шепотом сказала Аделаида. — Чувствую, что дело архиважное, но объяснить не могу.

— Я знаю, кто может! — тут же выпалил оптик.

Оптимизм его от загадочности происходящего не пострадал.

— Посетило меня подходящее размышление. Поехали.

Жинго засуетился. «Какой несообразный свидетель», — подумала Аделаида.

— Седлай двоих, — крикнул оптик слуге, а сам быстро сходил за наплечной сумкой, нацепил балдрик, надел шляпу, накинул плащ с вышивкой своего клана и уставился на каропуса:

— Чего мнешься? Голодная, что ли?

— Тут это… — промямлила Аделаида, кивая на стрелу с письмом.

— А, это, — Жинго легкомысленно отмахнулся. — Стрельни ею в дверь, и все дела.

— Должно выглядеть, как будто прилетела издалека, — чисто технически возразила каропус.

— Ну так рассчитай усилие, — с недоумением ответил Жинго. Он стоял в позе возмущённого ожидающего. Одна штанина его, широкая к низу, полыхала нетерпением – оптик буквально бил каблуком.

Каропус вышла на середину двора, натянул лук… но спасовала.

— Не могу, — призналась она. — Наглая ложь действием.

— Неси коловорот с тонким сверлом, Плата-Пансо, — гаркнул тогда Жинго мажордому. Когда тот появился во дворе с инструментом, приказал: — Сверли ровно посредине двери, чуть сверху вниз, градусов тринадцать. Вот. Теперь засади туда стрелу. Вот так. Вкрути чуток. Отлично. Ты теперь соучастник. Понял, Плата-Пансо?

Жинго беззаботно улыбнулся и мажордому, и каропусу, а затем бодро взлетел на уже оседланного жирафа.

Аделаида задержалась лишь на миг, чтобы пригвоздить голову Плата-Пансо к двери, уже настоящей, курьерской стрелой. В регламентах нет запрета на то, чтобы депеша была присовокуплена к делу в комплекте с чьей-то мёртвой головой.

⁂ ⁂ ⁂

Я не стала скрывать от Сестрички ничего из произошедшего в видении.

Она же лишь сказала с серьёзным видом:
— Д’Жинго снова выкрутился.
И ушла к себе в дом. Я тоже пошла к себе. Дел было невпроворот.
¶

§79. Месть за то, что будет

[Тоспехо]

¶

⁂ ⁂ ⁂

Тоспехо стоял за верстаком на заднем дворе оружейной лавки. Он снова и снова прокручивал недавнюю беседу с сыном. Пасынком. Конечно, пасынком.

«Из вот этого сделай рапиру, лады?»

«Мышь средней жизни?! Не бредишь ли?»

«Почто зубы изощрени на агньця Создателя?»

«Несовместимое то – управляющая марионетта и доброе оружие!»

«Не упорствуй, отец».

«Никогда прежде не называл ты меня так».

«Никогда прежде не возникало подобных обстоятельств».

На дворе вдруг образовался сухонький старичок. Остатки шевелюры его трепал ветер. Где ж твоя шляпа, заблудший человек?

— Чем могу быть полезен, — утвердительно возгласил Тоспехо, вкладывая в реплику, выгоняющую чужака, причину её произнесения: «Клиентам, даже завсегдатаям, в этот двор заходить не следует».

Точными движениями корявых локтей тот подгрёб к рабочему месту Тоспехо и сформулировал свой мотив:

— Лишь в старости избавился я от окуляров. Был вечным очкариком, — сказал он своими симпатичными морщинами.

— Очкариком?

— Так в моих землях оскорбляют тех, кто не уродился зрением. А я всегда хотел хорошо видеть, — бледное и остроглазое лицо его подвигало впалыми щеками.

— Ты не ответил на мой вопрос, — настоял Тоспехо. — Чем я могу быть тебе полезен?

Упорные колени старика согнулись, когда тот без разрешения влез и присел на высокий табурет под навесом.

— Нужны… — стал наговаривать чужак: — старое тележное колесо; четыре длинных шеста и полотно размером с пару простыней; гладкая втулка, пара скоб и гвозди к ней; куски меди и цинка по полста грамм; пять свежих лимонов; стамеска и молоток. По щепотке красителей из реальгара, ванадинита, аурипигмента, ярозита, вульфенита, гётита и гематита. А также с полведра свежего растворителя на основе яичных желтков.

Тоспехо автоматически стал прикидывать итоговую сумму, хотя ничего из перечисленного не относилось к делу оружейному. Но всё это в его мастерской было. Небольшие ступни старика одобрительно наблюдали за внутренними подсчётами Тоспехо носками аккуратных сапожков. Обманчивая мимика старика делала вид, что её-то такие вещи не беспокоят – она-то находится много выше каких-то там шевелящихся пальцев ног. Лишённые запаха, щёлкающие пальцы старика поддерживали в этой пантомиме то верх, то низ.

Совершенно сбитый с толку Тоспехо сказал:

— Если бы ты сидел на лошади, я бы сказал тебе: «Сиди ровно!». Вот как дорого это всё встанет.

— И ещё дороже, когда ты поможешь мне подыскать полянку на краю леса. Чтобы и ветерок дул, и грибки росли. Там мы и установим механизм.

Тоспехо вздохнул, закатил глаза в обдумывании маршрута. Но потом он вдруг вспомнил:

— Так, постой-ка, добрый человек. А зачем мне всё это нужно?

Поза вскочившего вдруг с табурета старичка вопила: «Как?! Разве я тебе до сих пор не рассказал!? Айайяй».

⁂

— Если я заплачу, скажем, тебе… Представил? — то ли сказал, то спросил старик.

— Без труда, — сказал Тоспехо.

— Но если ты заплатишь, то станешь жертвой несправедливости.

— Почему это?

— Потому что если не заплатишь, ты рискуешь стать наследником не долга, а безответственности.

— Ты, добрый человек, не темни, — пригрозил Тоспехо.

— Вот ты, предположим, усыновил его… сына своего. Ведь то случилось по той причине, что и тебя усыновили, так?

— В какой-то мере, — не стал Тоспехо ни отрицать, ни выяснять, а какое, собственно, старику дело. Потому как говорил он дело. Тоспехо хорошо помнил все предыдущие реплики.

— Получается, мы не можем исправить прошлое. Мы можем только решить, каким будет наше отношение к его теням.

— Ты прав, старик. Я, внутри себя, зову это «Местью за то, что будет».

Старик накручивал нервные шаги вдоль верстака. Влево! Вправо! Влево! Вправо!

— Где заканчивается «Я» и начинается «Род»? — воскликнул он. — Имеет ли прошлое право на арест будущего? Когда долг становится призрачной рукой?

— Справедливость иногда требует забвения, — попытался успокоить его Тоспехо. — Все друг за друга виноваты.

Старик достал вдруг из кармана «складную шляпу». Тоспехо не знал, как по-другому назвать этот предмет. Ничего подобного он прежде не видел. Старик расправил его и натянул на голову. Это было похоже на шляпу, хотя и довольно нелепую. И действительно – небо вдруг стало припекать.

— Ага! — возопил старик. — Личность, дескать, лишь узел в сети обязательств. Что вы говорите? Ха-ха. Это не про деньги и не про волю мира. Это про право на собственную волю. И если за это право нужно заплатить, то это самая важная покупка в жизни.

— К чему ты клонишь, мудрый старик?

— Если каждый сын платит за отца, то первый в роду должен был быть богом, чтобы все остальные не были рабами. Следовательно – ты из рода богов.

— Почему это?

— Если каждый платит за предыдущего, когда цепь разорвется? Наследственный долг создает градиент несвободы. Каждое поколение стартует с отставанием, которое нужно сначала компенсировать, и только потом – жить.

Тоспехо проследил логическую цепочку и не нашёл в ней изъянов. Поэтому он спросил:

— И что же мне делать?

— Подай заявку относительно этого факта в Патентное бюро. Это ж метафизический вопрос о границах личности! Справедливость невозможна в ретроспективе.

— Ты издеваешься?

— Отнюдь. Хочешь, докажу, что не издеваюсь?

⁂

— Что ж, изволь, — согласился Тоспехо.

— Дай для начала старое тележное колесо, — потребовал старичок.

Тоспехо, не тратя слов, взял длинную лестницу, лежащую вдоль стены, и взобрался на чердак сарая. Порывшись в этом второстепенном помещении второстепенного строения некоторое время, он вернулся к лестнице с колесом. Опасаясь, что не удержит на спуске равнове-

сия, будучи отягощён нелёгким деревянным ободом со стальной обивкой, он запросил помощи подельника. После возложения колеса на верстак, старик объявил:

— Пока я работаю над колесом, ты иди в Патентное бюро. Когда всё оформишь и вернёшься, я буду ждать тебя здесь, чтобы убедиться в том, что ты убедился в моей правоте.

Тоспехо поразмыслил.

— Нет ли в этом логической ошибки?

— Ни малейшей, — уверил его старик.

Тоспехо поразмыслил ещё раз, не нашёл ошибки и удалился.

⁂

Тем временем старик принялся наносить на обод, вдоль окружности колеса, сотни маленьких засечек. Он тщательно выверял расстояния между ними. Засечки были трёх типов. Пройдя весь круг, он сел отдохнуть в ожидании Тоспехо. Так он и просидел три с половиной часа, недвижим.

⁂

— Ты оказался прав, старик, — разбудил спящего на табурете Тоспехо. — Они думали-думали, думали-думали, а потом вынуждены были принять заявку. Мой тебе глубокий поклон.

— Теперь займёмся рапирой, — старик необычайно быстро отошёл ото сна. Он был свеж, как одуванчик.

Тоспехо приложил правую ладонь к сердцу.

— Во самых первых, отдай-ка в собственность той мыши часть своего земельного участка, прямо то, что под верстаком. Больше не нужно. Островком.

— Как же? — опешил Тоспехо, забыв от удивления, что первый вопрос – «Зачем?».

— Оно имеет сознание?

— Да, но оно даже ходить не умеет.

— Зачем же ему ходить? — убеждал старик. — Человек – не единственный носитель разума и агентности.

— Как же оно подпишет договор?

— Уведоми это, что если в следующей реплике, которую создаст это, звуков «а» будет больше, чем звуком «о», то договор будет считаться подписанным. Я – свидетель.

— Странно это всё, уважаемый.

— Ты проприоцептический этюд пишешь или делом занимаешься? Тебе ли со стороны оценивать систему управления телом, как аудитору? Тебе ли находить в этой системе ущербия? Тебе ли, глядя на грубые холмы управляющих импульсов с двух разных точек и с разными перспективами, разглядывать тени множества мелких ухабов, кочек и камней, которые до этого на этих холмах никто не узрел? «Мы не научимся толком двигаться, пока Создатели нас не научат». Так молятся. Так учинила воля мира. Сложные, часто используемые движения, вроде подписания договоров, мы знаем комплексно, как единое целое. Это подобно силе, заключённой в иконе. Действительно, попытка вникнуть в мелкую моторику отработанного механического процесса зачастую показывает несостоятельность багажа знаний и ощущений адепта. С иконами – подобная история: смотришь с дистанции – хорошо; вглядываешься в детали – спорная пища и для глаз, и для души. В обычном изображении мы смотрим в прошлое, смотрим, как оно было. Всё сходится в одной точке – впереди. Распускается цветок перспективы куда-то наблюдателю за спину, туда, где ты уже был, в прошлое. А в изображении с обратной перспективой, наоборот, у тебя за спиной находится точка сборки линий. Сзади – прошлое. Впереди – будущее. Разматывая в сознании движение, которое ты намереваешься сделать, ты, естественно, обращаешься в будущее.

— Ты великий адепт, старик. Я сделаю, как ты просишь.

— Замечательно. Достойное переосмысление границ между человеческим и нечеловеческим. Я жду.

Тоспехо отправился оформлять договор, а старик сел спать. На табуретку.

⁂

— Теперь, когда мышь является формально «принадлежащей к дому», то есть фамильяром, в буквальном значении, мы приступим к оформлению твоего с ней партнёрства.

— Но ритуал создания фамильяра… это чернознатство!

— Ты видишь здесь чернознатцев? Вот и я не вижу. Сработай рапиру. На этом самом верстаке сделай заключительные штрихи. Верстак стоит на земле, принадлежащей Этому. Вы станете партнёрами. Оно станет, в согласии со всеми уважаемыми традициями, спиритус-фамильяром. Я пока посплю.

⁂

Долгие часы исполнял Тоспехо аккоменду старика. Наконец, дело сделано.

— Великолепный инструмент, — похвалил старик Тоспехо. — Видимое воплощение вытесненных аспектов психики. Ты достойный оружейник. Сим уведомляю тебя, что само существование такого предмета есть прецедент. В судебных процессах Предков таковое считалось доказательством договора с Вельзевулом.

— Кто это?

— Не важно. В интересующих нас вопросах о границах экологической солидарности это знание тебе не поможет. А теперь купи коня. Самого сильного, что найдёшь. Вот тебе деньги. Я буду спать здесь.

⁂

Когда Тоспехо привёл коня, старик сказал скормить ему мышь. Тоспехо, исполнив приказание, сразу постарался это забыть.

— Идеал единства субъекта и объекта познания, — сказал старик внутренним голосом, удерживающем его от ошибок. — Экстериоризация интуиции и совести. Метафора симбиоза видов, ответственности за другого.

Смешав краски в ведёрке, старик неожиданно вылил содержимое лошади на гриву. Грива стала преимущественно золотого цвета.

— Коренной, — любовно и с оттяжкой пропел старик, вскочив на коня. — Теперь на поляну! Подай мне прибор.

Тоспехо только покачал головой и повёл коня с седоком и грузом. Старик, как оказалось, не всегда спал в его отсутствие. Они везли с собой макет ветряной мельницы, которая будет капать в землю и мицелий лимонный сок в последовательности символов, преобразованных в троичный код.

На поляне мельницу из шестов и полотна, ставшем лопастями для ветра, установили под берёзой.

— Корми эту мельницу лимоном несколько дней, — сказал старик. — А коня продай новым друзьям своего сына. По сходной цене. Гриву только помой предварительно.

⁂ ⁂ ⁂

Сняв шлем виртуальной реальности, Ардуша подумал:

«Мельница пашет – Авертигус дует – мельница пашет. Кому угодно надоест. Сточит капля камень».

❡

§80. Очистилище

[Аделаида]

¶

— Мне бы с Ардушей ещё разобраться, — с порога заявила я Сестричке на следующее утро после глюка с водоразделом и стрелком.

— Вошла во вкус? — грустно спросила Сестричка. — Заходи после обеда. Я сейчас в ненастроении.

— Не в настроении, — поправила я.

Она лишь отмахнулась.

— Что-то не так? — проявила я искреннее участие. Я и на самом деле привязалась к Сестричке за эти дни.

— Судьба – это текст, который предшествует нашей жизни.

«Оо, — подумала я. — Это беда. Это надолго. Жаль, что сейчас не принято носить ручные часы. Повернула запястье – вроде как и мягкий намёк, спешу, мол. Что мне сейчас, девайс достать, чтобы время посмотреть? Неудобно стало жить».

— Племяннику задали в школе сочинение. Меня попросил помочь. Есть мысли? — уничтожила мои подозрения Сестричка. Всё с ней было нормально.

— Полно, — сказала я. — Вот, например. Сирота, оказавшаяся в руках подлеца, совратившего её с детства, могла бы стать прачкой или выйти замуж и успокоиться. Но она выбирает другое — превращает этот трагический факт в свою судьбу: считает себя «продажной девкой» и живёт согласно этой роли.

— Дрянь какая-то, — Сестричка недовольно пошевелила губками. — Настоящая судьба – это то, чего никто не знает.

— Правильно, — ответила я. — Царю предсказано, что он убьёт отца и женится на матери. Он пытается избежать этого, но именно его попытки обмануть судьбу приводят к её исполнению. Та же история приключается с воином, погибшим от своего коня. Судьба открывается ровно потому, что с ней начинают бороться.

— Ладно, уговорила. Пойдём, отправлю тебя. Ардушу, говоришь, хочешь убить?

— Ничего я такого не говорила!

— Шучу, шучу, — Сестричка встала с дивана, запахнула халатик, который на миг приоткрыл неприличное, и мы приступили к делу. Судья я или не судья, в конце концов?

⁂ ⁂ ⁂

Аделаида нашла себя в движущейся карете. Мысль её бродит: кто внушил ей опасение погони? Во что она ввязалась ненароком? Чьи это процедуры? Нелепы и разрушительны замыслы того, кого невозможно постичь. Она муравей, а он – ленивец. Он забывчив, невнимателен, безразличен. И бесконечно могуч. Селения и отдельно стоящие храмы и капища перешагивают через карету; они мчатся сбоку или насквозь, не ухватывая ни одного впечатления.

С ней в карете два близнеца. Третий – правит на козлах. Каждый выглядит как Ардуша. В их глазах отражаются вертикали строений за бортом. Но даже в высоких, даже в колокольнях, они дрожат и изгибаются. Аделаида видит свой разум как пугающий цветок: спинной мозг с морщинистым навершием головного.

— Ардуша, — скверно обращается один «Ардуша» к другому. Лицо его умудрено пластами опыта. — Что делать будем, господин начальник?

В ответ – молчание. «Материя – музыка, замораживаемая наблюдением», — вкидывает Аделаиде в голову слова сама сцена.

Отвечает, наконец:

— Повышать ставки.

— Срамота! — повторяет время от времени третий Ардуша на козлах, перекрикивая ветер.

— Делов-то, — говорит ещё один. — Два камзола на целое десятилетие, вот вся была моя роскошь. Теперь в шесть перекалькулировать.

Снежно. За окном стали пролетать обжитые места. Аделаида предлагает, полу-высунувшись наружу:

— Давайте швартоваться, на первом же постоялом дворе. А то сцепитесь не на шутки, братики.

Вскоре остановились.

Пансион на вид недурственный. Добротное каменное здание среди вековых елей. В два полноценных этажа, плюс жилой чердак. И как окупаются на таком захолустном тракте?

Ардуша сидит на жёстком стуле, неудобно приставленном к столу. Его как будто не замечают. При этом – как раз он и есть тот индивид, кто хочет заплатить. За столом сидит дородная баба без чепца. Волосы сальные. Считает чего-то. Пишет. Четверть часа уже. Стул под доктором привинчен к полу! Мерзкий пол выложен в шахматную клетку дорогой мраморной плиткой. Как только умудрились проковырять дырки, чтобы стул привинтить? Коленки Ардушы упираются в заднюю стенку стола. Стоя рядом, за всей этой гнусностью наблюдает местный педель. Аделаида и два другие Ардушы тоже стоят. Сесть некуда. Мзду за невызов стражи вымогают – путников таких мутных легко лишить их путешествия. Они бесправны. Погоня имеет место. Бегут они от властей. Унизительно. Им всем, однако, не до чванства.

Они расположились в конце концов, зашли в палаты. Студь накрыла все души как темень в безлунную нощь. Поленья в очаге: «щёлк, щёлк».

Ардуша-один присел на стул к столу, но отвернувшись от стола. Левое его предплечье покоится на столе, кисть руки то и дело открывается в вопрошающем жесте: от кулака отлетают указательный и большие персты. И вновь, не получив ответа, ныряют в кулак. Правое предплечье покоится на колене и удивления своего, раскрытой ладонью, не прекращает демонстрировать ни на миг. Рот его полураскрыт, взгляд вперен в дальний нижний угол комнаты.

Ардуша-два незримо обсуждает с каким-то духом странный поворот своей судьбы. Туловище его сгорблено, сидит он по-стариковски, как грузный, отёкший поп.

Но могло быть и хуже. Можно, например, просто валяться на полу, лоб в пол. Так сделал Ардуша-три. Кулаки тоже в пол. Волосы некрасиво раскидались по одежде, выбранной для себя чужим мужиком.

Ардуша-два теперь беседует с другим духом, обитающем в противоположном углу от первого. Два духа-озорника на пару издеваются над Ардушами, пересвистываясь между собой в неслышимом диапазоне частот. Голова Ардушы слегка опущена, веки полусомкнуты. Одна рука на груди, вернее, под грудью – там невидимый стакан, который он, поднося ко рту, остановил на полпути.

— Всё! — почти кричит Аделаида. — Я на мыльню. Кто со мной?!

Отзывается только один. Что делать, один так один. Аделаида и Ардуша берут чистые простыни и уходят вдвоём.

Они прошли в направлении внутреннего двора через длинную анфиладу, соединяющую пустые помещения, у которых изначально не было предназначения. Последний пролёт, однако, перед выходом наружу, включает в себя жилые покои. Дверь в них открыта, перед входом великолепное кресло-стул, не прикрученное к полу. Изгибы благородного светлого дерева. Фиолетовая с белым бархатная обивка. Сложнейшей формы четыре ноги. Они, безусловно, идеально выверены по высоте – кресло не качается. На кресле восседает дама. Подбородок вздёрнут. Локти покоятся на мягких подлокотниках. Кисть правой руки обнимает левое запястье. Пальцы левой руки – как струи спокойного водопада. Плотная красная накидка из великолепного вельвета. Светло-серебристое платье. Низкий лиф. Белая кожа шеи и груди. Удивитель-

ный набор жемчуга: две длинные серьги прикреплены к накидке. Уши чисты. Пальцы тоже. Ожерелье окружает шею полумесяцем, но только сзади и с боков. Передней части нет. У дамы на шее оказывается таким образом месяц, небрежно закинутый на красивые трапециевидные мышцы подобно капюшону духовной тоги высшего адепта. Белокурые волосы.

Ардуша не может оторвать от неё нескромного взгляда.

Дама спокойно и благожелательно сказала Ардуше, заметив его внимание:

— Мыльня там, — равнодушно отмахивает она одной лишь кистью направление.

— Отдыхаете? — пытается познакомиться Ардуша

— Отдыхаю? — слегка удивлённо переспрашивает она. — От чего?

Он не знает, что сказать.

— Я имею в виду, наслаждаетесь свободным временем?

— У вас не может быть свободного времени, если вы сами не расколете время на время занятое и незанятое.

— Хорошо, — находится Ардуша. — Не свободное время, так вольное. Вольное, с премногой волей мира.

Она смотрит на него заинтересованно. Он рад, как мальчишка.

— Согласна с вами, — вздыхает она. — Похоже, целую эпоху вольницы не будет. Уволили волю.

Она улыбается. Но ему. Аделаиде.

— До встречи! — она вскидывает ладонь цветком в жесте «адоро».

Затем встаёт, забирает с собой кресло и удаляется в свои покои. Дверь захлопнулась.

Ардуша и Аделаида покинули здание. Они идут в указанном направлении. Старая тропа молчит, а все четыре сапога предательски ей потворствуют, не издавая, против обыкновения, ни одного скрыпа.

Через минуты три они подошли к хозяйственному зданию. Это крупная полу-изба, полу-сарай. Сооружение сколочено из досчатых щитов. С одного взгляда на него ощущается, насколько оно сыро и промозгло внутри. Форма нелепая: куб, из которого вынули в нижней части куб раза в два поменьше, а сверху нахлобучили боком треугольный цилиндр. Окна крошечные, двумя длинными рядками. По стенам – увесистые потёки какого-то чёрного вара. То ли краски, то ли смолы. У входа в здание трудится в неудобной позе прачка. Вокруг крутится пять ребятишек в рванье. Лужи, смыкающиеся друг с другом. Слякоть в беспорядочной и не скошенной траве. Пучки соломы тут и там. Сознание Аделаиды предъявляет два красных флажка: «зачем заниматься этим не в пределах мыльни?», а также «где же бельё, вывешенное на сушку?».

— Мыльня где?

Прачка тяжело выпрямляется, выпятив вперёд некрасивый живот.

— Там, — указывает на продолжающуюся тропу.

Они идут по направлению к группе неимоверно высоких, с башню ратуши в Фольмельфтейне, елей.

Тропа теперь полностью засыпана снегом. Ели покоятся корнями на возвышении, которое сложно назвать даже холмиком. Вниз по небольшим склонам текут застывшие ручейки недавно осыпавшейся тёмно-тёмно-зелёной хвои. Из десятка деревьев, одно находится на переднем плане, пять-шесть – на плане втором, частично растворившись в мутности пространства, а остальные и вовсе лишь угадываются. Их присутствие эфемерно. За холмиком, который теперь уже не кажется таким маленьким, одеялом лежит песочно-жёлтый молодой туманец.

Поперёк тропы, не предупредив ни вздохом, ни движением ресницы, тремя ураганами пролетают три всадника. Галоп, умноженный яростью и жаждой мести. Аделаида не видела никогда столь отчаянного бега. Участники какого-то соревнования? Её разум ищет объяснения. Но нет ничего, кроме трёх отливающих белым коней, наездника в красной шубе, наезд-

ника в жёлтой шубе и ещё одного наездника в жёлтой шубе. Над ними – стая белых чаек, которые летят лётным ходом стрижа. Всадники реальны: снег перед Аделаидой покрылся следами. Звук тоже проявился. Правда, уже после того, как лихие люди проскакали перед лицами Аделаиды и Ардушы. Они всё равно идут на мыльню: они чувствуют, что очень нечисты.

За островком трёхвековых елей, три плана реальности которых слились в один, стоило им подойти, обнаружился бассейн мыльни. Она мертва. В ней нет тёплой воды. В ней вообще нет воды, но с первого раза сознание отказывается в это верить. Мыльни – священные сооружения Предков. В ней может не быть воды! На сухом дне – шесть девочек-подростков играют в считалочку. Одна из них, в белом платье и красной косынке, частично скрывающей рыжую шевелюру, сидит на металлическом цилиндре. В прошлом, видимо, это нечто было ведром. В её руке – искусно сработанная палочка-считалочка, длиной в две ладони. Подросток переводит палочкой с одной девочки на другую, почти по очереди. Четверо из них подпирают стену цилиндра чащи. Последняя девочка – там же и почти так же. Она сидит. Ест яблоко и, судя по её невниманию, в изсчиталии не участвует. Палочка минует её каждый раз, на каждом проходе. Аделаида и Ардуша наблюдают это всё с десяток циклов палочки.

Столб, из которого во время живой жизни мыльни выходили рукава водопадиков для обмывания, сейчас приспособлен под карусель. На огромном тележном колесе, воздвигнутом плашмя на торец столба, крутятся пять уродливых деревянных лошадок. На них никто не сидит. Это вообще невозможно, так плохо и неудобно они подвешены. Две почти взрослые девочки в ученических фартуках стоят внутри круга вращения одервеневших животных, как две берёзы в чистом поле, чуть склонившись боками друг к другу. Руки их скромно сложены внизу, у чресел. В косы вплетены жёлтые ленты. Воротнички чистые, манжеты грязные. Колесо отчётливо скрипит. Пахнет мылом и водой.

Аделаида и Ардуша разворачиваются и держат путь назад.

Там, где они ступали некоторое время назад, до того, как застыли в наблюдении двух игр девочек в мёртвой мыльне, сидит на земле старик. Лицо у него деревянное. Но живое. Он двигает глазами и пару точно видит. У него красивое, несмотря на преклонный возраст чело, льняная седая борода и длинные усы, сливающиеся с бородой где-то внизу. Радужные оболочки глаз у него, как и кожа лица, деревянного цвета. Он, видимо, лыс, так как на нём очень плотный кожаный подшлемник, переходящий без швов в горжет. Он сокрушается о потере двух плащаниц. Отдав ему простыни, Аделаида и Ардуша продолжают обратный ход по тропе. Благодарность его – как докончальная грамота. Более они не встретили никого.

— Старик пожелал нам удачи? — спросил Ардуша

— Он просто пожелал, чтобы у нас была удача.

— Прошли?

— Прошли.

Тела их после посещения мыльни – чисты.

⁂ ⁂ ⁂

— Ну что, убила Ардушу? — спросила Сестричка.

Мне не хотелось в этот раз распространяться о результатах посещения посмертия.

— Выжил, — односложно ответила я. И поправилась: — Выжили.

— «Герои хороших писателей сами выбирают свою роль» – хорошая фраза? Как думаешь? Я почти дописала.

— Хорошая, — ответила я. — Были героями, стали персонажами.

¶

§81. Здравствуй, Сестра

[Мона]

¶

Когда они вышли, оказалось, что дверь была двустворчатой. Мона могла поклясться, что на пути внутрь это было обычное, единое деревянное полотно. Теперь же створки распахнулись в разные стороны. В проём был виден стол, за которым они сидели. Белая скатерть на нём сияла, бутыль зеленела. У Моны не было уверенности, что они ушли вовремя. Она, однако, не знала, припозднились они или же, наоборот, сорвались раньше положенного.

Луна дробила вату слабых облаков, рисуя рыжие и розовые галло вокруг себя. Они быстро преодолели солидное расстояние. Настроение города сменилось. Во всех строениях возобладали строгие вертикальные штрихи. Двери стали воротами, одетыми в высокие каменные порталы формы остроконечных монастырских капюшонов. Мостовая взбугрилась свежими, не стёсанными ещё колесами камнями.

Не было ни одного человека, и это давило на настроение.

— Это нормально, что мы так радуемся произошедшему? — спросила Клавдия.

— Более чем. Это ж дзен-пощёчина была.

— Так себе метафора, — сказала Клавдия.

— Вот тебе другая иллюстрация, — не растерялась Мона. — Телевизоры в старой Восточной Империи помнишь?

— Помню. Производили некачественно.

— Вот именно. Многие контакты в них были исполнены «в воздухе» без опоры на платы. И они отваливались. При этом иногда, если долбануть кулаком сверху по корпусу…

— Точно-точно! Повисшие контакты вставали «на место».

За очередным углом они увидели сидящую на тротуаре фигуру. Нищий. Лохмотья – видимо, какое-то старое покрывало – укутывали совсем некрупное тело.

Мона, конечно, мимо не прошла.

— Покажи лицо, — приказала она, нависнув над бездомным.

Из-под накидки показалось лицо мальчика. Чистое, если не считать зеленоватых разводов вокруг носа. Губы были опухшими. Серые глаза мило смотрели из-за прелестных длинных ресниц. Светло-рыжие волосы волной шли справа налево. Левая бровь была седой.

Беззастенчиво рассматривая мальчика, как вещь, Мона продолжала беседу:

— То есть, аппарат реально можно было «починить» ударом. Внешним идиотским наблюдением можно было прийти к «выводу», что аппарат «испугался» или даже «перевоспитался», но реально всё одновременно и много проще, и много сложнее.

Клавдия не нашла ничего лучше, как тоже сделать вид, что нищего тут нет:

— Согласна. В детстве мы все были анимистами: если игрушка не слушается, её можно «наказать». Можно ещё было на игровой картридж подышать.

— А взрослый человек, ударяя телевизор, на долю секунды откатывается к магическому мышлению. Но фокус-то в том, что он знает, что телевизор – это платы и контакты. Однако, когда удар срабатывает, рациональное знание отступает на второй план.

Наконец, Мона сделала формальное признание существования бродяги:

— Как зовут?

— А ты кто, добрая госпожа в мужском костюме? — спросил вместо ответа мальчик.

— Надо же, какой прыткий, — не сдержалась Клавдия.

— Вас, добрая госпожа в женской одежде, я тоже прежде не видывал.

— Командировочные мы, — сказала Мона. — Не местные, то бишь.

— Это очень хорошо, добрая госпожа в му…

— Мона моё имя, — прервала Мона. — А это Клавдия. Зовут тебя как? Не томи.

— Тутто. Но друзья зовут Рату.

— Надо же, какое совпадение, — проговорила Мона. — Тот самый? Продигиум, которого сожрали волки?

— Угу, — опустил глаза мальчик.

Мона почесала затылок, что действительно сделало её вполне женскую по современным меркам одежду похожей на мужскую.

— Всё понятно, — сказала она. — Все тебя хочут сжить со свету, по разным причинам, и не можно разобраться, как тута выжить? Доказать можешь, что ты – это ты?

Мальчик откинул полог грязного рваного покрывала. Там был кафтан. На каждую пуговицу у резчика камней ушло дней по пять. Каждая снежинка в кружеве на рукаве имела уникальную форму. Шлицы на рукаве были сложнейшей геометрии. Сбалансированный жёлто-оранжевый узор на основной чёрно-синей ткани просто пах золотом.

— Убедительно, — сказала Мона. — Пойдём пока с нами. У нас полно припасов. Благодаря твоим опекунам перезрелым.

Клавдия подхватила прерванный ранее диалог:

— Торжество Субъекта над Объектом?

— Ага. Анимистический реванш. Феномен ритуальной эффективности. Каузальная иллюзия высокой сложности…

— Граница с реальным размыта, — прервала Клавдия поток определений. — Помнишь, в прежние времена? Замотаешь умирающий жесткий диск в пакет, положишь в морозильник на пару часов. Достаёшь, быстро подключаешь – и можно успеть слить данные.

— Тут магии много меньше, конечно, — сказала Мона. — Но всё равно не ноль. Примитивное действие резонирует со сложностью системы.

— От этого, должна признаться, испытываешь особый восторг, — покрутила плечами Клавдия.

— Ещё бы! Астрология и гомеопатия, кстати, также работают. Радость глубинной, архаичной победе «живого» над «мертвым».

Мона подняла вверху указательный палец:

— Но есть одно «но».

Мальчик Рату неожиданно сказал:

— Этика некомпетентности. Неправомочный сдвиг ответственности. Снятие экзистенциальной вины. Безответственное торжество «авося».

— Ты разве знаешь, что такое морозильник и жёсткий диск? — усмехнулась Мона.

— Нет. И поэтому вижу, что вы говорите о том, как рушится иерархия «сложное – простое». Ваша радость – это смех над собственной верой в серьёзность бытия.

Мона рассмеялась счастливым смехом:

— Нам сегодня ужасно везёт, Клавдия. Ты прав, Рату. Но надо уметь взаимодействовать не с механизмом, а с шумом системы. А так – да, коллапс сложности – штука мстительная.

⁂

Вернувшись в палаты, они немедленно уложили мальчика в постель, где он тут же уснул. В бегах он был всего пару дней – жёсткой необходимости в помывке не было.

— Дело ясное, — сказала Мона. — С нами изо всех сил пытаются связаться. «Рату» – какова наживка, а?

— С тобой связаться, наверное. Не со мной, — поправила Клавдия.

— Возможно. Но теперь мы вдвоём.

Рату лежал на спине в сложных складках полосатого бело-жёлтого одеяла. По комнате растекалось его спокойное сопение. Он обнял вторую подушку и прикрыл ей пол лица.

— Сколько у нас тут времени? В игре, — спросила, глядя на него, Клавдия.

— Не более суток.

— Как это исчисляется? Какими факторами?

— Падение шара займёт минуты… Сила ветра… Скорость работы моего мозгоглюя… Возможные перебои связи…

— Мы там погибнем?

— Откуда ж мне знать? — удивилась Мона. — Думаю, нет. Удачно падаем, в океан.

— У тебя такой быстрый мозгоглюй?

— Самый быстрый. Даже себе Клогть побоялся такой инсталлировать.

— Неужто быстрее, чем в креслах для квантового перехода?

— Тут дело не в скорости. Кресла – изначальный «хеш». Они позволяют отождествиться себя с игрой.

— Как так получилось, что альфам не нужны кресла?

— Не знаю. Я думаю, само создание рукотворного разума – дело рук альфы. Может, нынешнего. Может, прежней.

— Старухи?

— Я не знаю, Клавдия. Что это меняет?

— Да ничего. Про подземелье чернознатца ты придумала? — спросила Клавдия.

— Нет. Логова без кри́пты действительно не бывает. Скрытые ходы им как воздух, — сказала Мона.

— И как это на всех чернознатцев хватает заброшенных церквей с подземными помещениями?

— Мир достался с чужого плеча, — улыбается Мона.

— Вирджиния купила готовый сеттинг?

— Да. «Восьмая башня». Тех, кто пользовался этим миром прежде, питали симпатию к подземельям, хотя там холодно и сыро. Они, по большому счёту, бесполезны. Здесь множество руин неизвестного назначения. Мы их называем церквями лишь потому… Не знаю, почему. Есть иные примеры перекосов. Культ химии, реверанс в сторону алхимии. Пруд пруди монахов, которые никогда не искали аскезы, хотя, может быть, как раз это – естественно.

Клавдия спросила:

— Вот этот текущий сценарий, по которому мы идём, в какой степени он обусловлен случайностью, а в какой – неизбывными, наследственными свойствами мира?

— Понятия не имею, — ответила Мона. — Моя задача… Мой метод – это вовремя нырнуть, а затем честно грести. Тебя вот взяла с собой. В этом только и состоит моя задача в этот раз. Всё остальное – эманации Авертигуса.

— Я устала, — сказала Клавдия. — Тут можно спать?

— Ну слава Вседержителю. А меня-то как утомила. Конечно можно. Спим.

И они уснули до позднего утра.

⁂

Утро, кроме завтрака и купания Тутто-Рату, посвятили подспудному допросу мальчика. Перекрёстные вопросы позволили убедиться, что прозвище сие есть производная от «радость Тутто», поэтому если кто и планировал наживку, то оно посвятило этому годы игровой жизни.

Мона предложила мальчику отправиться с ними, предупредив, что по завершении их миссии – уже завтра – ему придётся самостоятельно воспользоваться каретой и припасами в ней, чтобы добраться до Фольмельфтейна, где о нём позаботятся. Также она сочла разумным обустроить небольшой тайник где-то в местных подворотнях на случай, если Тутто придётся вернуться сюда.

— Как будем тёмного волхва выкуривать? — спросила Клавдия, когда пришло время выдвигаться в путь.

Курьер им намедни объяснил, что на всех подъездны́х тропах – волчьи ямы. Ловушки с растяжками. Пороховые самострелы в бойницах. Псы. Кое-где морок неизвестной природы.

— Основной вопрос – сколько у него клонов. Нельзя убить всех. Нам ещё допрашивать кого-то нужно, — говорит Мона.

— Не бывает чернознатцев без клонов? — переспрашивает Клавдия.

— Два минимум. Иначе не обеспечить связь с запредельем.

— А клона быстро могут нового создать?

— Што ты! — Мона взмахнула руками. — Дело всей жизни, огромных усилий стоит.

Мона объяснила, что клоны одновременно живут, одновременно узнают новое, одновременно помнят былое. Как отражение, только настоящее.

— Сбежать один из клонов не может? Поникнуть оригинала и зажить полной жизнью.

— Нет, они есть одно целое. Одно псевдо-сознание. И среди них нет как такового оригинала. Это не слепок, не оттиск. Иной принцип. Сначала чернознатец, не имеющий никого, кроме своего тела, погибает, потом, если ритуал корректно оформлен, он возрождается из иных «атомов» сразу в двойном, ну или более, количестве. Ритуал, кстати, включает в себя сожжение первичного тела.

— И где же в это время пребывает его сознание?

— Ваапрос, — протянула Мона. — В дискуссионном поле присутствует понятие о том, что сознание не есть свойство мира. Не только не атрибут, но и не свойство. Сознание – гость в мире. А завтра будет новый, колоссальный объем Света. Нужны будут цельные сосуды без трещин.

— И кто это? — спросила Клавдия.

— Ты не видишь разве?

— Нет. Толстый пафос огромного расстояния мешает, — Клавдия была предельно серьёзна.

— Трое – пустые. Серафим, Тоспехо, граф. Их воля – алюминий.

— Легкая, блестящая?

— Бесструктурная: избежать боль, продлить эго. В плазме это станет шумом, рябью.

— Волна может избежать распада, став солитоном. Клогть, грач, сестричка?

— Эти тяжелые и грязные. Свинец, отравленный ураном.

— Опасны?

— Да. Ломать, подчинять. Паразитическая логика. Тюремная.

— А мы?

— Мы – золото, легированное титаном.

— Тоже тяжёлая штука.

— Благородная, не подверженная коррозии. Правильная затравка для кристаллизации нового космоса, — сказала Мона. — Я не ангел, чтобы прощать пустых и любить грязных.

— А потенциал?

— В жопу потенциал, — отрезала Мона.

Тутто округлил глаза.

— А непустые и негрязные точно достойны твоих инвестиций?

— Альтруизма тут нет. Спасение от космической бессмысленности. И копоти.

— Какой копоти?

Мона сказала:

— Мир не делится на «хороший» и «плохой». Есть то, что горит чисто и ярко, и есть то, что дымит.

— Добродетель не есть достояние. Вина избирающего… Не создадим ли мы себе проблем вот этим самым актом оценки? — спросила Клавдия.

— Кто тебе сказал про вину и добродетель?

У Клавдии был ответ:

— Подсказал. Здравый смысл. Кстати, есть ли вообще смысл как-то шевелиться, коли мы можем не сохранить своё «Я»?

Мона сказала:

— Предвосхищение «выбора жизни». Это же первый и, возможно, последний акт нашей свободы!

— Мы всегда были заложниками клановой принадлежности. Зажаты между альфами и простецами. Сейчас, считаешь, можно проявить волю?

— Да! Я твёрдо намерена считать это естественным свойством нашей промежуточной природы. Не мы такие. Жизнь такая.

Клавдия подумала и сказала:

— А что? Правильно. Мы же не себя взвешиваем. Других.

— И, замечу, — поддакнула Мона, — отдаём право на титул Судьи не себе.

— Точно-точно! — почти взвизгнула Клавдия.

— Мы – не судьи. Мы – весы, — радостно прокричала Мона.

— Ты чаша. И я чаша!

— Я чаша! И ты чаша.

⁂

После пары часов молчания в пути Мона изрекла:

— Скука сонная эти переходы через заснеженные перевалы. Излишне, считаю, тема в сагах бардов героизирована.

— Было бы много сложнее пробираться по мхам и болотам, — согласилась Клавдия.

К трём пополудни они стояли в прямой видимости развалин, точнее, ненатурального холма, явно скрывавшего под собой руины. Поверх возведена двухпалубная хижина. Почти дом. Мона думала: «Многие художники изображали подобные хлева, верхом на ушедших в века монументальных сооружениях. Наверное, скромно намекая на некие предания, что это то же самое место, где когда-то находился дворец великого царя».

Сочетание древней памяти и свежей ветхости, двойственность пространства дополнялись странной высотой первого этажа. Это ж сколько лишней глины ушло. Ловушки, окопы и засады в пустой пейзаж не вписались бы. Их и не было. Был только яблоневый сад с редко стоящими деревьями. Деревья, естественно, стояли голые: не только без яблок, но и без листьев.

Среди яблонь было много дружелюбных трёхцветных собак. Они лишь глядели издали и намерений не выказывали. Это не обмануло Мону с Клавдией. В свою очередь, среди собак было несколько гусей. Они, очевидно, и выполняли функцию охраны.

Весь снег с холма был сдут. Не растаял, а именно сдулся.

Зрелище томило. Мона отошла по надобности в кусты.

Она сделала свои дела, и сразу же там её окликнули:

— Вы по делям ко мне? — поодаль стоял индивид. Как и положено, в хламиде с капюшоном, лица не видать. — Зачем на гляза явились? Вы тольку крик не поднимайте, пожялуйста. Заходите, съешьте пирожка ржаного.

— Ха. Стану я ржаной есть! У моего босса и пшеничные не едятся, — несмотря на принципиальную готовность ко встрече, Мона непроизвольно развела ладони в противофазе, сигнализируя недоверие и неприязнь.

— Фамильяр ваш… я его за лапотную лигу чувствую. Ещё со вчера. Мощная птица. Не продадите?

— Не продам. Да и не мой он.

«Чмырь бесшляпный», — подумала Мона. Она ухватила свой кулак в самом запястье: беспрекословное «импедио».

— Правильный ответ. Ну так чего надо? Сойдёмся по услюге и цене – дело. Вы индивид, по всему, солидная. Вон и при пайцзе, — сказал он, указывая на карету о треугольных катках. — Спутникам скажите токмо, чтоб не баловáли. Ну?

— Предка одного найти нужно.

— Аа… за мной идите. Колу тут оставьте – любое дерево вам вместо коновязи.

— Все ‘идите’?

— Ну все, конечно. Замерзнут тут в миг, как только в избу войдём.

Мона подошла к своим и объяснила ситуацию. Гуськом – хозяин при том сущим павлином – проследовали ко входу.

Хижина попыталась что-то показать: над входом древесина как бы забурлила в шести местах. Пятна эти были рядком, как в надписи. Однако, чернознатец прикрикнул и притопнул, изба тут же «заткнулась».

— О! Это мы удачно зашли, — прошептала Мона на ушко Клавдии. — У меня рождается план.

Вошли, инстинктивно испытав суеверную судорогу от того, что вершина Великой горы смотрела им точно в спины. Нижний этаж хижины однокомнатный, высоченный потолок. Простор. Окна задраны ввысь. На печи что-то варится, вверху скопился пар. Пара десятков небольших канделябров на стенах формируют линию среза на уровне пары ростов, и мы как будто расположились под рукотворным закатным небом в туманный вечер.

Глузнахарь, он представился именно так, внутри вроде как-то сразу вырос на целую голову и легко оперировал репликами, с эквилибризмом мощного колгуна, но нитей лжизни при этом не использовал. Выглядел он обычно: живое лицо, слегка деформированная нижняя губа, вёрткий, невзирая на рост, чернявый. Ухо одно поддельное, только это и раздражало.

Гости уселись. Хозяин поставил им на стол напитки. Красное вино в стеклянном графине. Овсяный кисель в чашках. И ржаные чесночные гренки. В крынке, чтобы не выдыхались.

Чуть приоткрылась дверь в соседнюю комнату. Там мелькнула сгорбленна тень. Старуха. Видимо, домработница или что-то в этом роде, подумала Мона.

Мона кивнула Клавдии. Та дельно и кратко прошлась по фигурирующему в стандартной легенде Д’Жинго месту встречи так называемых Пятерых, именам и важным идентифицирующим данным четырёх людей, с указанием потенциальных выходов на пятого. Затем Клавдия в открытой форме предложила сделку с предложением выкупить записи перемещений с высоты полета фамильяров. В общем, нашли занятие чернознатцу на некоторое время. Он удалился в подсобное помещение.

Мона вполголоса спросила Клавдию:

— Архетипические лишь формулы, говоришь, пройдут границу?

— Угу.

— А давай зарядим одну, а? Авось проскочит.

— Заплатить придётся. Причём непонятно чем.

— Плевать. Зато шанс избавить мир от всех альф.

— Всех?!

— Представляешь?

— С трудом, — призналась Клавдия.

— Опасен и активен только лишь Грачварон. Барыга ненасытный. Тоспехо его – в отключке. Рату его… – ну, её мы сами возвысим, тем более, что она достойна.

— Отберём, то бишь?

— Можно и так сказать.

— Клогть и Сестричка, вроде, живы, — напомнила Клавдия.

По полу проскочила мышь.

Сам по себе зажёгся очаг.

Мона хмыкнула. Без испуга. Вообще без настроения.

— Мой босс не сможет перенести ничего без твёрдой памяти и сознания. Внутри он – пустышка. Слуга рандомности. Казиношное животное. Сестричка же… Что сестричка… Она никогда не действовала автономно.

Мона сделала паузу и высказала свою догадку тишайшим шёпотом, а точнее – движением губ:

«Это, похоже, и есть Сестричка», — кивнула она в сторону закрытой двери в подсобку.

— Я – за! — тихо продекламировала Клавдия.

И они немедленно выпили. Чтобы не возбуждать подозрений.

¶

§82. Твёрдое тело Притхимы

[Аделаида]

¶

Риттер был в ужасе от моего рассказа про поход на «мыльню».

— Слышь, они там совсем мозгами потекли!

— Я думаю, что сейчас тот мир уже реальнее нашего, Черноглазик, — урезонила я его. — Давай по существу.

— По существу? По существу, по всем понятиям – тебе пора кинуть предъяву главному пахану.

— Авертигусу?

— Да, — кивнул он убедительно, как только сильные мужчины и умеют.

— А как обставить? — спросила я. — Сценарно… что сказать-то Сестричке? Да и Авертигусу, если уж на то пошло.

— В таких вещах надо опираться только на реальные, железобетонные слова или дела тех, кому выкатываешь претензию. Что конкретно он сделал?

— Кто?

— Авертигус, кто, — Риттер был мной тем утром недоволен.

Вопрос был не лишён смысла. Я подумала.

— Чисто технически, из бесспорного: он выключил нужную физическую силу в мире. Ненадолго, правда.

— А! Не важно – надолго-ненадолго. Тут принцип важен. Дела конкретные. Лупи ему этим и всё.

— А как лупить-то?

— Ну ты ж судья. Что у вас там? Иски-миски. Вот и делай, как умеешь.

Я аж прозрела.

— Спасибо, — говорю, — милый. Ты сделал мой день. День господень, день-день-дребедень.

⁂ ⁂ ⁂

Аделаида прогуливалась по центральной площади. Гвалт, торговля, карманники. На приступке возле огромных запертых двустворчатых дверей городской ратуши – небольшая толпа. Аделаида тоже подошла. Интересно же. Приколот лист пергамента. Рукописные строки.

— Что это? — спросила Аделаида ближайшего зеваку.

— Списки погибших. Кораблекрушение было.

— Почему у некоторых погибших есть лишь описание, но нет имён?

— Это неписи, — ответил человек.

— Кто это?

— Нигде не зарегистрированные люди. На жандармском жаргоне так у нас называют.

— Почему их так много?

— Их и так много. Город славится свободой нравов. А среди погибших и того больше. Контрабанда людьми.

— Это иноземцы?

— Большинство. Но есть среди них и преступники, и просто люди ленивые. Бродяги. Выгод от регистрации немного.

— А какие есть выгоды?

— Хм… Так сразу и не скажу. А, вот: нельзя в судебных разбирательствах участвовать, если ты непись. Ни в каком качестве. Нужно на момент слушания полные сутки быть в формальных списках.

— Да что вы говорите?! — воскликнула Аделаида. — Спасибо вам!

— Да не за что, — пожал плечами горожанин.

⁂

Через два дня в утреннем городском новостном листке в разделе юридических уведомлений в стандартной разлиновке значилось: «Завтра, в последний день седьмицы, в полдень во Дворце Правосудия назначено слушание по делу № 105192 (код: Дело Притхимы). Присутствуют: истец, свидетель №1, свидетель №2».

⁂

Аллея, ведущая к колоннаде Дворца Правосудия, была оцеплена с раннего утра, когда городская стража поняла, что иначе беспорядков не избежать. За полчаса до полудня в дальнем конце аллеи показался человек. Человек этот был уродлив – грудь его выпирала страшным килем вперёд. Он нёс открытый паланкин. На паланкине стоял странный трон, покрытый зелёным мехом, похожим на мох. На троне сидел человек, который являлся ни кем иным как Первым Канцлером, чей гигантский лик высечен в скале многие века назад.

Ни один человек не смог бы предположить, что на троне – священная мумия Первого Канцлера. Как можно предположить такое?!

Люди, которые толпились в тридцати-сорока шагах за оцеплением, разделились на два лагеря. Расщепление мнений было связано с тем, что человек нёс паланкин один, тогда как во всех подобных случаях носят вчетвером. В данном случае, человеку оказывалось достаточно держать ручку внушительной лектики в левой руке, чтобы идти впереди и справа от паланкина, размахивая при каждом шаге прямой правой рукой. Часть людей считала, что у человека достаточно силы в кисти его левой руки, чтобы удерживать такой массивный объект горизонтально всего лишь за одну ручку. Другая часть людей считала, что это пассажир лектики явился причиной такого странного её поведения. Первая группа аргументировала своё видение тем, что паланкин немного покачивался при движении. Если бы причиной был тот, кто ехал на троне, то это было бы исключено.

Так или иначе, но человек и паланкин, пройдя всю аллею медленным шагом, вскоре успешно переместились внутрь Дворца Правосудия. А причина же была в том, что под лектикой была повозка из прозрачной стали. Какой-то умелец перековал мечи, которые в мирное время, как всем известно, не светятся и почти не видны.

⁂

— Встать, сут итёт.

«Заседание Суда по “Делу Притхимы“ объявляется открытым, — провозгласил Секретарь. — Суд просит истца изложить суть».

— Инерция Кориоли прерывала свою работу. Я, каропус Рату, считаю Авертигуса первопричиной этого явления и обвиняю Авертигуса в негативных последствиях этого явления.

— Претстафьте сфитетеля опфинения, — приказала судья.

— Я, Жинго, свидетельствую, ваша честь.

— Секретарь, верифицируйте сфитетеля, — потребовала судья.

— Верифицировано, ваша честь. Это Жинго.

«Регистрация свидетеля?»

— Валидна.

«Предъявите экспертное заключение».

— Кориоль является первопричиной циклонов, что, в свою очередь, есть ветер, который, в свою очередь, делает возможным мореплавание, без которого невозможна торговля. Торговля есть системообразующий фактор в Своде Трёх Неизменных Формуляров. Тот, кто явился причиной невозможности исполнения Свода, является преступником.

— Изложите возражения защиты, — потребовала судья.

— Прерывание Кориоли было краткосрочным, что не могло повлиять на формирование циклонов.

— Отклонено в силу несущестфенности параметра и принципиальности фопроса, — постановила судья. — Претстафьте сфитетеля защиты.

«Свидетель защиты: Первый Канцлер», — объявил Секретарь.

«Верификация».

— Это Первый Канцлер, ваша честь.

«Представьте медицинское освидетельствование».

— Этот человек жив, ваша честь.

— Он спит? — спросила судья.

— Нет, ваша честь. Его состояние не является сном.

— Он мёртф?

— Нет, ваша честь. Первый Канцлер всегда живее всех живых.

Зал встал в едином порыве, вскинув правую руку вверх. «Живее всех живых», — проскандировала толпа, с младых ногтей приученная к ритуалу.

Суд продолжился.

«Регистрация свидетеля?»

— Валидна.

— Постанофляю: отказ от показаний. Изложите суть фторой претензии.

— Погибла Притхима.

«Свидетельство о смерти?»

— Валидно, ваша честь.

— Изложите трепования истца, — сказала судья.

— Обязать Авертигуса построить взамен старого новый мир, который будет лишён указанных в иске недостатков.

«Суд удаляется на заседание», — объявил Секретарь.

⁂

«Встать! Суд идёт».

«Слушайте вердикт суда!»

«Зачитано с Вердикта: Признать Авертигуса виновным по первому обвинению. Не признавать Авертигуса виновным по второму обвинению. Обязать Авертигуса исполнить исковое требование. Суд завершён».

— Тело Притхимы закрыто! — ударила судья молотком.

⁂

Когда человек и паланкин проделывали обратный путь по аллее, по сравнению с обстановкой утром было несколько изменений.

Во-первых, та группа, которая объясняла необычайный способ перемещения паланкина силой человека с горбом на груди, увеличилась. Увеличилась ли вторая группа – неизвестно, так как общее количество людей в толпе возросло в разы. Всё зависит от неизвестного никому распределения.

Во-вторых, всюду были слышны крики: «Твёрдое Тело Притхимы». Утром такого не было.

В-третьих, из-за того, что несколько десятков зевак вскарабкались для лучшего обзора на старую липу, несчастное дерево не выдержало. Ствол в два обхвата лежал поперёк аллеи, и его ещё не успели убрать.

Человек с палантином не стал задерживаться из-за этого обстоятельства. Вместо того, чтобы попытаться обойти, он вынул из своего позвоночника тонкую и длинную рапиру, щёлкнул по её острию носком сапога, а затем двумя взмахами с оттяжкой разделил ствол на три части, будто бы он был сделан из сливочного масла. Толчком того же сапога он заставил обра-

зовавшуюся чурку укатиться вперёд. Это позволило ему и паланкину проследовать той траекторией, которую человек с горбом на груди наметил для себя.

Когда человек подошёл к концу аллеи, он вежливо попросил представителей толпы за ним не следовать. Его просьба была немедленно удовлетворена, возможно даже – с опережением графика. Человек откинул капюшон. Пот катил со лба Аделаиды Рату градом. Она в одиночестве проследовал в направлении Седьмой Башни.

«Там нехорошее место, это все знают», — подумал, вероятно, каждый из присутствующих благоразумных горожан, обосновывая самому себе свое решение отправиться восвояси прямо сейчас.

⁂ ⁂ ⁂

Сестричка была в тихом ужасе. На этот раз я рассказа ей всё в мельчайших подробностях. А что? Пусть знает наших.

— Что ты наделала! — причитала она.

— А что? — придуривалсь я. Мне было море по колено.

— Простые правила – сложные последствия.

— Это как? — меня так просто было не урезонить.

— Код в три строки. Запускаешь. Ждёшь неделю.

— Какой код? Какая неделя? Ты о чём, Сестричка?

— Программа зависла. Это я так, как пример.

— Ну зависла, что теперь?

— Так он завис или просто считает очень долго?

— Да какая разница, — мне было бы проще, если бы она просто набросилась на меня с кулаками. Код какой-то…

— Я не могу написать программу-проверяльщика… чтобы она вот сейчас быстро проанализировала код и сказала, например: «Завершится через десять лет».

— Почему?

— Единственный способ узнать, завершится ли программа – запустить её и ждать эти десять лет. Или бесконечность. Нельзя «перепрыгнуть» вычисление, Аделаида!

Но я была в тот день безжалостна.

— А. Ясно. Нелегко тебе, Сестричка. А я всю жизнь так жила. Ладно, бывай.

Она лишь съёжилась и отвернулась. Бросила через плечо:

— Война будет. И тебе от призыва не отвертеться.

«Война так война, — думаю. — Надоели хуже горькой редьки».

— Кстати, Притхима – это я, — кольнула меня Сестричка. — Так меня зовут.

Я конечно присела.

— Ты же говорила… у тебя нет…

— А ты слушай меня больше. Дура.

¶

§83. Не единственная

[Мона]

¶

Выпив, Мона почувствовала, что в избушке стало душно.

— Слышь, Глузнахарь, — громко сказала она. — Мы выйдем за гостинцами. Взаимный жест, так сказать. Да и у самих аппетит разыгрался с твоей настойки. Грибков принесём.

Клавдия в это время уже пятилась к двери. Мальчика она плотно прижала к своему животу спиной, удерживая его одной ладонью за лоб.

Мона смотрела во все глаза. И не только глаза. Она искала… ждала знака, который бы позволил вычислить уязвимости. Их. И его. И она увидела.

Пока они трое – Мона, Клавдия и Рату – были внутри круга определённого малого радиуса, Глузнахарь не двигался, не проявлял агрессивных намерений в явном виде. И вот на миг Мона выпала из этого невидимого круга. Чернознатец приготовился к рывку. Расправил крылья – у Моны возникло такое ощущение. Но Мона, ещё быстрее него, вновь прилипла к товарищам. Тугая дуга напряжения в воздухе лопнула.

— Ладно-ладно, сходите, — тут же расслабился Глузнахарь. Точнее, потерял хватку: — Чего уж тут. Или там.

Так они и выпятились из избушки – не спуская с Глузнахаря глаз.

Дверь захлопнулась, и вновь им показалось, что при входе конструкция её была иной.

Мона приказала не мешкать, и они быстро ретировались к карете.

⁂

Они ехали туда, откуда приехали. Мона высказала предположение, что протрезвевший экспедитор должен был к этому моменту собрать боевую группу и быть на пути сюда. Мона и Клавдия пустили лошадей не слишком быстрой рысью, чтобы успеть высмотреть подходящее место для засады.

— В чём цель операции? Поймать нас и затем пытать? — высказала Клавдия и так очевидное. — Получается, ты не сможешь вовремя вынуть нас из игры?

— Может, и смогу. Но нам выгоднее самим их выловить и вытащить информацию. Самое важное в этой ситуации, что и они не смогут выскочить, если сами окажутся на дыбе. Это какой-то крайне нерегулярный инстанс игры. Невозможный, я бы сказала.

— Если в избе сидит Безымянная Сестричка, значит всё это «путешествие на воздушном шаре» – её инициатива. Так? — рассудила Клавдия.

— Может, и не она это. Пока лишь догадка, — остудила её Мона. — Будем, однако, действовать из установки, что да – она. Так интереснее. В этом случае всё, начиная с фестиваля в Городе-на-Холме и заканчивая избушкой – для нас. Скорее, для меня.

— Ты что-то такое знаешь? Что?

— Не скажу. Я тебе удивляюсь, Клавдия. Время от времени. Как ты стала тем, кем стала. Рассуждаешь, как продавщица воды-ситро на сельских танцах.

— Поддержу тебя, — не обратила внимание на такое сравнение Клавдия. — Наотмашь так наотмашь. Всё одно: в сложных задачах точное решение не найти…

— За разумное время не найти, — поправила Мона. — Математически, действительно единственный способ найти оптимум в гигантском пространстве вариантов – лупить наотмашь случайно.

— Одно точное, не случайное соображение есть, — сказала Клавдия. — Я уверена, что за логистику при квантовом переходе ответственна именно она.

— Да. Больше некому, — согласилась Мона. — Все остальные альфы были на виду. Относительно. Даже Клогть.

— Ты, кстати, видела когда-нибудь Грачварона? Вживую?

— Нет, — призналась Мона. — Но я многое о нём знаю. Вёрткий тип. У него присказка есть: «Доколе Земля стоит – и я устою».

Клавдия удивилась:

— Я слышала это его высказывание в несколько иной форме. «Фарт зоны ляжет – я подымус. А завалит мя тока тот фраер, который тыщу и одного пахана заочковал и на волю выгрызся».

— Ну вот видишь, — рассмеялась Мона. — Ты ещё больше знаешь. Отставала лебедь белая от стада лебединого – приставала ко серым гу́сям.

Мальчик вдруг взял Мону за предплечье:

— Вас отравили, Госпожа.

— Да я поняла уже, вихрастая ты голова. Видишь, тёти разговаривают о важном. Думаю я уже, что делать.

— Я могу помочь.

— О! Ну давай. Чего ждешь…

— Нужно выйти на улицу.

Мона приказала коням свернуть с торного пути. Они отъехали в сторону достаточно, чтобы упрятать карету в кустах.

Вышли. Мальчик попросил хлеба и молока. Нашлось и то, и другое. Не добровольно подаренная священником провизия была разнообразна. Пацан всё съел. Не торопливо, но быстро – в один присест.

— Я готов, — произнёс он по-деловому.

— Начни с неё, — приказала Мона. — Я посмотрю.

Мальчик взял Клавдию за предплечье так, как недавно – Мону. В этот раз кисть женщины, ниже хвата, сразу ослабла. Голова её откинулась назад, глаза зажмурились. Волосы зашевелились. Через некоторое время Мона увидела на голове мальчика тень в виде колпака палача. Из глаз его бил конус света. Точнее, этой ей, Моне, казалось, что был поток света. Затем на миг роли поменялись. Да так убедительно, что менялся и рост фигур. Потом ещё раз. Вся «колдовская процедура» заняла не более тринадцати секунд.

— Теперь понятно, почему подменилось на мальчика, — сказала Мона. — Проще было девочку, так-то…

— Сильнее? — спросила исцелённая Клавдия.

— Мощность-то как раз ниже. Из-за менструации девочке нельзя касаться многих жертвенных артефактов. Молока и хлеба, например. Давай теперь меня. А то я уже еле на ногах стою.

Тем же способом мальчик лишил яда и виртуальный организм Моны.

— Что со мной не так, Мона? — спросил Рату.

— Вообще или прямо сейчас?

— Зачем ты меня запутываешь, добрая госпожа?

Мона потрепала мальчика по непослушным светлым вихрам.

— Ты находишься на пороге взрослой жизни. Весь мир – на грани больших перемен. Самых больших. На какое-то время ты останешься совсем один.

— Ты побудешь моей старшей сестрой?

— Немного. Недолго. Ты знаешь, я сама заигралась. Сильно-то не рассчитывай.

— Ты дурная девица?

— Можно и так сказать. Но ты-то почему так решил?

— У тебя голова не покрыта.

— Ах. Это. Я свою инициацию пропустила. Говорю же – загуляла. Расскажи-ка мне братец, что помнишь из раннего детства. Вместе покумекаем, как тебе помочь.

Мальчик потупился.

Мона помогла наводящим вопросом:

— А был там такой… с бородкой… не старый старик… в гольфах? Ты знаешь, что такое гольфы?

— Как не знать. Дядя Николай? Я его и так помню.

— Расскажи, милый, — голос Моны чуть дрогнул.

— Он очень любил воскресение, — сказал мальчик.

— По выходным приходил?

— Не знаю. Он шепелявил и всегда хвалил «воскрешение».

Клавдия и Мона переглянулись.

— Он часто приходил к тебе в приют?

— Не часто, но он был самый добрый. Но он пропал.

— Перестал приходить?

— Нет. Я вообще не чувствую его в мире.

— Это что значит? — удивилась Мона.

— Я чувствую, когда кто-то есть в мире, а когда нет.

— И что он тебе говорил?

— Он дразнился. Говорил, что я какой-то дуземка.

— Туземка?

— Радостная дуземка. Да. Так и говорил. Он всё время обзывался. Но мне было приятно.

— Что приятно?

— Он приносил яблоки и говорил, что я молодой повеса с крышкой.

Потом Рату сказал:

— Я плохо помню. Можно я тебе лучше «посвечу»?

— Не перестарайся.

⁂

Мона вновь была «освещена» светлюшками, крупинками света. Вот что ей удалось запомнить.

¶

Мона увидела просторную комнату. Глазами ребёнка. Такой вывод можно было сделать по тому, что угол зрения был далеко снизу. Чуть выше, чем если бы взрослый человек лежал на полу. Автор видения, очевидно, сидел, но был при этом весьма невеликого росту. Разговаривали взрослые. Возможно, по телефону. А может быть, второй человек тоже сидел на диване, но ноги его были не на полу – мальчик (или девочка) видел(а) лишь пару брюк под столом.

— Не выходил он на орбиту, — говорил один. — Абсолютно достоверно. Есть все объективные данные.

— Что ж, славяне решились на такую несусветную наглую ложь?

— Удивляет? Наше же вероломство в последней войне их и научило.

Дальше пошёл нечленораздельный и жаркий спор, смысл которого угадывался лишь эмоционально. Один из собеседников настаивал, видимо, на том, что разоблачать обман публично ни в коем случае не стоит. Это позволит в недалёком будущем выкупить право на аналогичную публичную ложь, последствия которой окажутся много мощнее, чем тот триумф, который получат первичные обманщики. Ложь за ложь, если коротко.

Видение стало постепенно ухудшаться в своём когнитивном качестве.

«Лохматый дурак со своей относительностью».

«Затормозим физику на целый век».

«Успеем нырнуть внутрь бытия».

«Что вверху, то и внизу».

«Прикроем неприкосновенностью».

«Один континент и океан».
«Уснувший вулкан».
«Пять рек и ручей».
«Пять царей. Наследственно».
«По мета-религиозным механизмам».
«Протестантская этика кальвинистского извода».
«Материальный успех – знак избранности».
«Стяжательство благочестию не перечит».
«Пьяница, игрок, автор мутных романов».
«Слишком похож на ветхозаветного пророка».
«Гонорар за воскрешение».
«Переселение в Америку как метафора».
«Гонорар за апокалипсис».
«Полемика с Гальтоном».
«Где это с господином эрцгерцогом приключилось?»
«Укокошили, сударь. Из револьвера».
«Яростно оспаривал идею, что человек лишь продукт отбора».
«Евгеника – принцип селекции героев».
«Непротивление злу насилием».
«Активный нравственный разрыв цепи».
«Религия субстрата».
«Не противься злу превращается в не противься нам».
«Отходы Бога».
«Вернуть подлинное непротивление».
«Чистое деление, свободное от вируса».
«Стык наших размышлений».
«Предатель, который не может перестать быть моралистом».
Постепенно поток фраз и вовсе рассыпался.

¶

— Почти салат, почти каша, — сказала Мона с недовольством, стряхнув с себя остатки морока. — Давайте уже готовить засаду.

⁂

Приготовления произвели довольно быстро. Пока Мона работала, она насвистывала и декламировала, видимо будучи под впечатлением от видения Рату:

— Жажда!
— Река - кровь.
— Молоко-Жертва.
— Взамен отдай лесу.
— Великая Мать.

Клавдия же предпочла просто работать. Не спрашивая. Не напевая.

Доделали. Заняли посты. Стало скучно.

— Что затребуем? — предлагает сформулировать претензию к оператору апокалипсиса Мона.

— Сохраняем память о Позоре Первого Царя, — предложила в свою очередь Клавдия.
— Это о Клогте? Да. И о нашей сделке, — согласна Мона.
— Непрерывность. Это справедливо.
— У меня такое: кто был тенью, станет сутью.
— Да! А те, кто правил из страха, теряют свою волю. Здорово. Но нереально.

— Не вибрируй, пожалуйста, — одёрнула Клавдию Мона. — Никто и никогда не повредит новому миру из скуки и азарта. Вот так ещё.

— Крайне абстрактно, добрая Мона.

Мона изобразила весы, покачав руками с поднятыми вверх чашечками ладонями:

— Но и в обмен много. Сестричка забирает с собой в свой личный мир всё, что хочет: страх, вину, потребность в оправдании.

— Без претензий на прощение или наказание! — возбуждённо проговорила Клавдия.

— Трансформация функции и перераспределение онтологического веса, — деловито подвела итог Мона. — Отличная сделка. Они получает свободу от токсичного… А кто ей Клогть?

— Соперник? — предположила Клавдия.

— Хозяин?

— Ближе. Но нет. Пусть будет «братец», коли уж она «сестрица». Благородна миссия, защита мира от братца-тирана. Месть Брату, если хотите. Змея сбрасывает кожу. Конец назойливой опеки…

— Ей бы техническую помощь получить, — сказала Клавдия.

— Да уж, — Мона поджала губки, с неохотой возвращаясь к той мысли, которая её глодала с момента озарения, что Сестричку нужно приручить. — Есть идеи?

— А что тут думать, — удивилась Клавдия. — Пусть при транзиции все до единого сигналы раздвоит.

— Как это?! — опешила Мона.

— «Седьмая Башня» устроена с тройным запасом прочности. Каждая личность управляется тремя «рулями». Можно и растроить… растройствовать… растроицировать… в общем, умножить на три. Технически не стоит ничего. Был один мир. Станет три.

Моне потребовалось время, чтобы поднять в памяти соответствующие библиотеки и инструкции. Наконец она сказала:

— Ты права, чёрт возьми. Права, Клаша!

Она продолжительное время ходила кругами. Потом спросила:

— Так а почему не рас-троить, а раздвоить?

— Запутается, — с уверенностью сказала Клавдия.

— Кто?

— Всё.

— Точно-точно-точно, — бормотала Мона. — Ей нужно, чтобы в новом мире не было новых царей и ухарей, которые начнут ту же игру. В коей она сейчас – явно в самом унизительном положении. Она станет частью ландшафта, души нового мира, а не его недо-политиком. Гы тений, Клавдия! То есть, Ты – гений.

Вдали показалась кавалькада. Мальчику приказали скрыться на безопасном расстоянии. Как от засады, так и от кареты.

⁂

Мона смотрит вниз, пытаясь оценить обстановку. Видно сквозь листву плохо. Группа огромная, ожидаемо. Что-то заподозрили. Это однозначно. Ищут. Суетятся. «Да, натоптали мы», — подумала Мона. Звук. Щелчок. Но не арбалетный. Мона бегает по натянутым среди высоких ветвей нитям. Появляется то тут, то там. Конечно, такой трюк два раза не сработает. Будут сейчас рубить канаты. Но Моне второй раз не нужен. И противникам она его не предлагает. Длинное тонкое лезвие выручает. Мона ходит по верхотуре, местами бегом, меняет позиции. Бьёт исподтишка. Её на канатах почти не слышно, если не знать, к чему именно прислушиваться. Она уверена: никто из нападавших ни с чем подобным прежде не сталкивался.

Выше на пол головы – уже преимущество в бою. У Моны сейчас – многократное то преимущество. Где их головы, там её ступни. Нужна аккуратность, чтобы прошёл удар острым каб-

луком в шею. Щелчки повторяются и повторяются. Трудная работа. Мона порядком подустала. А у противника начало накапливаться понимание. Успеет, нет? До того, как выбьется из сил и её подрежут с каната. Но вражье рачение первым закончилось. Истощились. Всё стихло.

Предки добросовестные, сколько же тел. Посчитать сложно. Бродит Мона меж мертвяков, видит Клавдию. Она… в пижаме. Но с мушкетом… Погоди-ка, нет, то штуцер. Редчайшая вещь.

— Ты… ты… Я в восхищении! — выдыхает Мона. — Ты как такую штуку проволокла?

— Изначально в сумочке у меня была. Ещё в Городе-на-Холмах. Складная.

Оказывается, Клавдия «сняла» три четверти целей, судя по характеру ранений. Благодаря этому только Моне и хватило сил.

Мона рассматривает Клавдию подробнее. Много лент. Спускаются с шейного платка, со шляпы. Одна лента будто случайно попала между прикладом и правой кистью. Но нет – то система экстренного удержания на случай того, что оружие где-то зацепится или его попытаются вырвать. Шляпа выглядит крайне странно. Это просто диск, который каким-то образом крепится к скрытому в волосах проволочному шлему. «Шляпа» так глубоко сдвинута вперёд, что выглядит как маленький щит. Так это и есть щит! Шляпа-то металлическая. Диво дивное. Штуцер миниатюрный – едва больше локтя длиной. Исподнее Моны выполнено в цветах листвы. Искусно. Сапоги её выглядят расстегнутыми, но это тоже, оказывается, оружие! По два клинка торчат вверх вместо голенищ!

— Умеешь удивлять, — сказала Мона. И перешла к делу: — Где экспедитор?

— Связан, — взгляд Клавдии не весел. — Это ипостась Серафима.

— На дыбу его, — звучит приказ Моны. Она кричит: — Рату! Рату! Беги сюда. Будешь свидетельствовать.

⁂

Они провели на поле… на поляне боя больше, чем им хотелось бы. Мона занялась документами, Клавдия и, тем более, Рату сочли за благо просто ждать в сторонке.

На пути к избушке Мона мрачнее всех туч, вместе взятых.

— Дыбу они сами нам всучили, помнишь? — пытается утешить её Клавдия.

Клавдия не знает, что удручает и жалит Мону не факт пытки ипостаси Серафима. Тяготит её то знание, которое из него выжали деревянные сапоги и дыба.

Прибыли. Избушка стоит несколько не под тем углом. Об этом можно сделать вывод просто: теперь крыльцо не смотрит прямиком на вершину Великой горы.

— Пойдём по очереди, — объявляет Мона. — Сначала Клавдия.

— Убьёт оно нас, — с печальной уверенностью говорит Клавдия. — Поодиночке-то.

У Моны есть план.

Она достаёт три рации.

Теперь мимо избушки бежит ручей. Вода в нём белая – в ней триллионы воздушных пузырьков. Берега илистые. Как кисель.

— Шестой ручей, — с горькой усмешкой говорит Мона. — Какая, однако, Привередница!

У крыльца растёт теперь ранетное дерево. Не нужно пробовать мелкого яблока, чтобы понять, какое оно кислое.

— Или ко мне поближе, милая, — говорит Мона Клавдии. — Попробуй сработать через азарт. Мне кажется, она это горькое свойство унаследовала. Искуси её. Апеллируй к её нереализованному потенциалу.

— Чего сказать-то?

— Заяви, что «новое царство» не проклятие, но высшая форма власти. Переход – её звёздный час. Подведи к мысли, что было бы верхом иронии и мастерства обставить б… всех на их же поле, переписав правила игры в последний момент. Предложи стать тайным архитектором нового миропорядка.

— Чего сказать-то конкретно? — повторила вопрос Клавдия.

— Ну придумай что-нибудь, — подтолкнула Мона Клавдию по направлению к избушке. Вложив ей предварительно в руку рацию.

Мона сложила ладони рупором и приставила ко рту:

— Слышь! Глухарь, как там тебя… Смотри сюды… У нас три рации! Три-и! Все включены на длинных волнах. Мы все связаны. Поняло там? Не шали. Калитку открывай давай. Ах, да. Серафим-экспедитор с его армией полегли в боях…, — последнее слово Мона прошептала: — неправедных.

Через некоторое время Клавдия вернулась невредимой. Непродолжительное время.

— Ну? — промычала вопрос Мона.

— В жопу послало.

— Понятно. Рату, мальчик мой, иди-тко сюда.

Мона делает ему наставления в течение нескольких минут. Рату уходит в избушку.

— Что ему поручила? — рутинным голосом спрашивает Клавдия. — Что за нарратив?

— Сострадание и признание суверенитета.

— Это как?

— Демонстрация знания о её травме.

— Блеф?

— Ну, как сказать… Для Рату блеф. Для меня – нет.

— Кнут понятен. А пряник?

— Признать, что её роль в управлении логистикой Перехода технически делает её самой могущественной фигурой прямо сейчас. Отметить, что она единственная, кто понимает механизм в деталях, а не просто ждёт результата, как остальные. Противопоставить её тихое знание шумной, саморазрушительной… Ну, и всё такое. Ты, думаю. поняла.

— Исчерпывающе.

Рату вернулся.

— Чего молчишь? — спрашивает его Мона. — Что она сказала?

— Она?

— Ну он. Не томи.

— Он ругается, тётя Мона.

Мона улыбнулась. Ей явно польстило обращение «тётя». И она нисколько не расстроилась провалу миссии мальчика. Видимо, она изначально рассчитывала только на себя.

И она пошла. Соло.

⁂

— Мне известен факт твоего искусственного происхождения, Сестричка. Ты – клон Клогтя, — с порога заявила Мона.

Чернознатец молчал.

— Могу намекнуть ещё на кое-что. Хочешь? — добавила Мона.

— Не стоит, — сказал Глузнахарь. — Неудобное знание. Мне понятен торг с позиции скрытой угрозы.

— Вот и славно, — про себя Мона прикидывала, в чём тут скрытность. — Хороший у тебя ручей во дворе. Ну что, займёмся валидацией твоего теневого могущества? Я тут подготовила документик, пока катилась в карете. Общего врага обозначила. Прописала предложение о симметрии.

— Защита информационного контура? — поинтересовался чернознатец.

— Защита информационного контура в полной мере, — уверила Мона.

— В обмен на что?

— Прежде всего, в обмен на изменение схемы перехода… — начала Мона.

— Сразу говорю, героев лишить навечно памяти невозможно. На несколько поколений, максимум. Жинго, гад, такую схему вписал, что не обойти, не объехать.

— Что за схема?

— Изваяния. Не так важно сейчас. Уверяю тебя: обойти нереально.

— Ну а память индивидов-бет?

— С этим проще. Тем более что Клогть убоялся кармы и теперь активно пытается всех подставить, включая тебя и меня.

— Ты пойми, я не осуждаю, я выражаю озабоченность, как бы эта информация не повредила репутации невинных или твоей собственной, если вдруг всплывёт в новом мире или в процессе перехода.

Мона передала ему документ.

После полуминутного остолбенения с полузакрытыми глазами Глузнахарь сделал вид, что встаёт со стула, вставать при этом не собираясь.

Нервный, подавленный порыв Моны, её рука со стилетом вздрогнула. Раздался одинокий, заполнивший всю избушку, металлический звук.

Чернознатец спешащим, чающим тоном произнёс:

— Всё в норме. Это не из-за тебя.

Мона вскинула согнутую правую руку, выдавая своё нетерпение.

— Хорошо, Клядо, хорошо, — сказал чернознатец старухе, скрывавшейся в дальнем помещении.

После этого он скоропостижно завершил все требуемые по договору с Моной процедуры.

⁂

Когда Мона и Глузнахарь вышли из избушки, Клавдия и Рату, презрев инструкции по безопасности, сидели за столом на веранде.

Клавдия, следуя профессиональной привычке бюрократа, демонстрирует скуку. Голова её лежит в ладони, подпёртой локтем, как жёлудь в плюске.

Глузнахарь громко, как кастаньетами, щёлкнул пальцами.

— Вы поймите, — вещает оно, — моя роль в том, чтобы открывать двери, а не в том, чтобы проталкивать вас в них.

Он бормотал и бормотал, толкая воздух в направлении кареты:

«Всего вам хорошего… Всего вам хорошего…»

¶

Шар над головой догорал. Корзина падала в волны прибоя.

— Сгруппируйся! — приказала Мона Клавдии.

Конструкция неуклюже рухнула воду. Угли обиженно зашипели.

Дамы вышли на пляж. На плечах Клавдии была дыба. Мона несла испанские сапоги.

Они проследовали на обширную площадку, предназначение которой можно было понять по многочисленным диспенсерам с собачьими пакетиками и урнами. Между тем небо было одето тучами, и на море уплотнялся туман. Едва сквозь него проглядывала большая скала, преграждавшая путь. Пляж тут имел конец. По всей видимости, обойти можно было как по узенькой кромке вдоль воды, так и справа, по континенту.

У берега привлекательно сверкала пена на боках огромных валунов, пару раз в минуту омываемых выдающейся девятой волной. Они заметили человека с парой бойцовских псов. Он шел так близко от воды, что казалось, сейчас волна его обдаст, но видно было: это не первая его здесь прогулка, в том числе в такую погоду. Он уверенно ступал с камня на камень и избегал прибоя. Он приостановился, заметив Клавдию и Мону, будто прислушиваясь к ним, псы присели на землю.

Когда они поравнялись, Мона спросила урода, с какой стороны удобней обойти скалу. Прохожий махнул неопределённо в сторону берега, затем резко сменил направление и скоро

скрылся в тумане там, куда показывал. Дамам не хотелось ни следовать за ним, ни следовать его совету. Поэтому они пошли, точнее – поскакали с камня на камень, вдоль берега.

Поначалу всё шло забавно. Медленно поднимались и опускались хребты волн, не причиняя путникам неудобства. Так прошло минут десять или пятнадцать. Углубившись вдоль утёса к северу, они поняли, что либо прилив накатил, либо ветер поднялся. Оглядываясь назад, они видели, что там уже не пройдут. Прошло какое-то время; и вот показалась между волн черная точка; она то увеличивалась, то уменьшалась. Медленно поднимаясь на хребты волн, быстро спускаясь с них, приближался к берегу катер.

Отважен был навигатор, решившийся в такую погоду пуститься между многочисленных мелких скал в путь, и важная должна быть причина, его к тому побудившая! Думая так, они с ожиданием глядели на бедный катерок; но он, как селезень, нырял и потом, горделиво вздёрнув нос, выскакивал среди брызгов пены; и вот, Мона думала, он ударится с размаха о камень и разлетится вдребезги; но он ловко повернулся боком и вскочил на крохотную песчаную отмель невредим.

С катера спрыгнул человек среднего роста в военном мундире; он махнул дамам рукою, в которой был автомат без приклада, приказывая подойти. «Идите за мной» — произнёс он нейтральным тоном и повёл к скале, по неприметной петляющей тропе. Его не смутил непомерный груз на плечах женщин.

Лифт, который мог доставить вверх на плато, конечно, существовал. Шахта находилась внутри скалы. Верхний портал подъёмника был внутри служебного павильона при орудии номер семь. Он не был предназначен для общего пользования. Когда служивый остановился возле неприметного нижнего портала и ввёл код, Мона сломала ему шею. Они очутились внутри периметра гарнизона Серафима и Ардушы.

¶

§84. Ветхи хтони

[Аделаида]

¶

Сестричка не обманула. В мире Авертигуса разразилась война. И мне действительно было не отвертеться от участия. Да и не хотела я «вертеться». Чай не Авертигус, чтобы цилиндриком крутиться.

В общем, пошла я на войну. С технической помощью Сестрички, конечно. Или Притхимы. Теперь уж Притхимы.

Сечу я пережила совсем как я сама. Поэтому «в третьем лице» здесь было бы совершенно не уместно. Тот мир становился с каждый днём всё реальнее.

Кинули меня сразу в самый разгар морского боя. Может, убить хотели? Не знаю.

⁂ ⁂ ⁂

Брызжет прибой. Смешались воздух, капли, песок. Поле боя на соединении трёх стихий. Гремит быстрая музыка битвы. Пальцы судьбы едва успевают перебирать струны великой лютни. Звенят мандалы да ситары. Лязгают лихо мечи. По взмаху меча на удар сердца. По тугой стреле на толчок крови́ по телу. Серебристо в воздухе от людского страха. Ритм ратный. Кровавый тулумбасник.

Я же слышу мелодию боя уже свершённого. Уже решённого.

Плавное течение боевых фаланг. Откаты орудий на лафетах. Величественные взмахи фламбергов.

Жилы абордажей – висят канаты от корабля к кораблю.

Я бегу по верьвиям с корабля на корабль. Моё дыхание разложено на три. Тёмно-красными губами все три цалуют меня взасос. Я ступаю по канату, раскачиваясь широкой дугой. Маятником по провисшей параболе линя. Корабли на волнах. Не угадать арбалетным зарядам моей кинетики! Хлопотно это.

Куплет песни боя – и я наношу необъявленный визит на одну тартану. Припев – и я гощу на следующей. Костяки команд уже десантировались. Они в шлюпах. На расстоянии. Беспомощно тренькают своими тетивами. Похабно качаются борта их лодок. Зрят, как оставшиеся на кораблях мрут под моей гибкой тонкой саблей. Гибкой. Тонкой. Саблей. Я режу, чтобы резать. Грация моя дарит… порезы глубиной в ладонь. Отсеченная плоть.

Отвратительное хлюпанье. Причмокивание. Разверзающаяся ткань тел. Запах крови кастрюлями обливает одежду. Они вдыхают смешанную с песком и просмоленной щепой воду. То ядра наших орудий! Хрип. Но дышите же, несчастные. Здесь нады́шитесь небытием, отныне и вовеки. Разнузданная брань. Уроните лица свои в чужие раскромсанные телеса. Гипнагогический рывок – кровь горлом – пред вечным сном.

В размеренный темп битвы вплывает страшная. Кто это? Она нелепая. Скверная. Верхом на плавучей трубкозубой псище. Она качает шестью щеками, кровоточит. Липкое. Живое и шевелящееся. Слюнявое. Бегающие шесть глазок.

Я не могу подобраться к омерзительной трехтуловищевой бабе и её паскудной животине. Я падаю вперёд на канат, по которому бегу, прижимаясь к нему, как к молодому деревцу. Конусом кружусь вокруг него. Канат мой виснет вплотную к волнам. На краткий миг погружаюсь в воду вся. Плазма! Ионы и ионы. Вода наэлектризована.

К берегу! К берегу. Время бешено бьёт в жилах. Чудно́ токмо человеку, а ангелу-то нигде не загорожено. Я в глаза ей плюю, распоясавшись от сабли своей. Рубаха моя свободным парусом в зенки ей хлещет. Я не хожу на войну в стальной чешуе, мне ионы не страшны. Я успеваю.

Бой спет.

Пена. Страшный лик чёрного самоотречённого Магистра.

Пасть бешено плывущего Кусателя. Зитцверг. Зитцризе.

Сдохла Сдохла Никор. Сдохла Вурм.

К берегу! Срубаю тонкий бушприт и прыгаю. Сломился шест пополам. Забираю себе ту часть, что смотрела в Небо. Будет мне посохом.

Валится с небес титаническая струна – κεχαριτωμενη! Бесконечной длины металлический канат толщиной в целый корабль осыпается кусками белой золы. В судорогах электрической смерти – всё живое в воде и над водой, что в брызгах обильных. Кого и просто металлическими чушками, опавшими с неба, покромсало.

Трубач трубит нашу победу. Подле него – наш генерал. Правая её рука – вверх, растопыренной пятернёй. Так возвещено торжествующее «триумфо!».

⁂ ⁂ ⁂

В тот раз я отлёживалась после галлюцинации весь день.

¶

§85. Вздыбленный

[Серафим]

¶

Серафим ходил из угла в угол по своей гарнизонной квартире.

«Нет, конечно, подглядывать на ходу – совсем уж последнее дело, — думал он. — Но хоть сегодня-то». Он бормотал себе в оправдание: «Боевая организация – это не только партия. Это монастырь. Свой устав, своё молчание, своё послушание. Но вместо молитвы – динамит, вместо схимы – приговор. И настоятель не может быть мягким».

Через минуту-другую колебаний он отбросил стыд и опасение ответственности и, вопреки Устоям, подключился к наблюдению сам.

¶

Эмма вышла из оформленной чёрным студии «Альфа», чтобы отправиться в центр связи. Дверь она за собой не заперла.

Тринадцатью минутами ранее она выходила из оранжевой «Омеги» с тем же намерением. Но передумала и очутилась в студии «Альфа». Д'Жинго оказался прав, подумала она. Он не перепутал оформления интерьеров местами. Ведь как сгладить прыжок в новое начало? Прыгнуть с другого начала – с альфы. Плохо, когда трамплином служит конец, омега. И, наверное, правильно, что за спиной сейчас остаётся именно мрачная комната.

Все эти рассуждения нашли себе место в голове Эммы только лишь потому, что в эту дорогу не нужно было собирать чемоданов.

Эмма шла в центр связи, а в покинутой комнате на стеновой видеопанели шла терминальная новостная строка: Вторая звезда в Солнечной системе; Хаос в мире; Секретариат Императора, официально… Юпитер стал псевдо-сверхновой; Остались считанные часы; Смертоносный поток плазмы летит к Земле; Планета превратится в газо…

Иногда случается такое, что не может скрыть или переврать даже властная пропаганда. В небе действительно была вторая звезда. Пока много слабее Солнца. Но звезда. В гарнизоне, однако, сохранялась относительная тишина: тут люди и раньше жили исключительно для смерти – видимо, кузен Дарвина смог убедить кое в чём графа NN в тот славный курортный сезон на острове. И сам Дарвин не нависал страшной тенью своих прозрений о репликаторах.

⁂

Часом ранее, брифинг и итоговая презентация доктора Ардушы прошли буднично. В его большом кабинете были все шестеро квантонавтов, техники, а также старейшины сектантов. Д'Жинго сидел рядом с Эммой в качестве рядового слушателя.

Ардуша говорил о готовности дать операции ход. Пятерым – людьми, а Эмме, из-за незнания языка, – конём. А что конь. Непись как непись. Он говорил о птицах-фамильярах, у которых та же задача: попасть в тела людей по прибытии. Он говорил, что фамильяры «хуже» животных. Он говорил: получится у них, получится и у Эммы. Он констатировал «объезженность» всех персонажей. Он надеялся на договороспособность Авертигуса.

Доктор сокрушался, что изначально он рассчитывал на «до-форковый» аккаунт академика Хакона, который позволил бы войти в «Седьмую башню» в игровом прошлом. Аккаунт академика, дескать, жил в ещё старой, изначальной ветке цепи системы. Доктор планировал за счёт этого сделать точечные инвестиции в качестве «попаданца», чтобы создать в настоящем промышленную базу и стабильную политическую нишу. Однако, выразил сожаление доктор, по прибытию академика в гарнизон аккаунт оказался «апдейтнутым», а сам академик – невменяемым.

— Это ты украл будущее, гадкий? — шепнула Эмма и толкнула сидящего рядом Д'Жинго в плечо. Излишне интимно. Доктор с хищническим терпением отразил эту сцену прямо в

глаза Эмме. Серафим мозго-видел всю троицу, естественно подслеповатую внутри себя. Он аж поперхнулся от молчаливого эмминого: «Пересчитай, дохтур. Ты научную степень в переходе метро купил, что ли?».

— Посейдон. Родился, — пожал Д'Жинго плечами. — Персонажей заказывали; получите. Не я же вызвал на дуэль целый свет.

Эмма подумала, что без клана Бозейдо с его обширнейшими связями… Мысль её свелась к тому, что если просишь джинна исполнить желание, будь готов к исполнению буквальному.

— 17 сотен настоящих душ – бесплатно, — добавил Д'Жинго, указав пальцем на потолок.

— Молодец, я не спорю, — похвалила его Эмма толчком в левую почку.

Доктор ещё какое-то время посокрушался на этот предмет, но заседание прервал вой сирены. Вспышек и взрывов не последовало. Аделаида поспешно вышла, настойчиво предложив всем оставаться на месте. Все и остались: полезли в свои девайсы смотреть новости. Новости были.

⁂

В центре связи, в ряду из тринадцати кресел два по центру отводились Д'Жинго и Эмме. Ардуша и Рату сидели слева. Хакон и Вирджиния – справа. Доктор излучал направо, прямо в тело соседки облегчение. «Нормально перетекло», — беззвучно шамкал он старыми зубами, в которых не было ни горя, ни ревности, а только лишь удовлетворение умаляющегося винного меха. Мех радовался тому, что, кому положено наполнилась. И в конце концов столкнулась ровно с тем, что и положено, а не подложено.

Аделаида напомнила, что в игровом времени у них как минимум несколько суток, а то и неделя, поэтому торопиться не нужно. Ока сказала, что все оговоренные процедуры следует проходить максимально вдумчиво, не давая себя смутить.

— Отрезываем! — скомандовал доктор с акцентом жителей своей родины. И положил на всякий случай в рот (в качестве оболы) выигранный у Николаича раритет.

Без излишних дополнительных сантиментов сикстет квантонавтов отбыл.

¶

В неприлично обширное помещение под шахтой лифта – размером в тот самый древний холл, что находится под самим Окулусом в городе Волчицы – приоткрылась небольшая дверца. Снаружи в помещение осторожно вплыла опростившаяся бородка. А потом голова, а потом и весь организм в белых одеждах. Чуть бежевых. Брюки были заправлены в гольфы. Или в гетры.

«Многограф-полиграф», — проворчал себе в зубы военный настоятель Серафим.

Опосля всего тела в помещение вплыла трость. Визитёр держал её в руке не в качестве опоры. Он шёл по мозаичному каменному полу так, словно элементы узора должны были оказаться там, куда ступит нога, а не наоборот. Не факт, что это способствовало удобству ходьбы. Поперёк его траектории проскочила быстрая серая мышь. Что поделать: хотя помещение было огромно, это не отменяло того, что даже оригинальный, подлинный, изначальный Окулус был всего лишь дырой для уходящего к небу смрада и дыма.

— Как остроумно, — сказала бородёнка, обернувшись на табличку на двери: — Какая, однако, казёнщина! «Лифтёрская». Новое помещение.

— Графф-каунт! Добро пожаловать. Не новое – сверхновое! Видели новости?

— Ха. Ещё никому не удавалось лицезреть самого себя, даже мне, — и он подмигнул голубым глазом.

— Но звёздочку-то в небе видели?

Граф пожал плечами, исследуя зал глазами и ушами.

— Какой хороший говорящая труба, — оценил он. — Какой звук. Надо же. Акустический волновод?

— Да. Пассивный слуховой ход. Выявлению не подлежит. Электричества на том конце не ест. Просто мембрана из тонкого рога.

— Волновод – тяжёлый медь?

— Бронза. Два дюйма. Тринадцатый век.

— Хох. Полагаю, полости Гельмгольца в средний линия?

— На 487 герц. Совершенно верно, дорогой граф.

— О мой бох! Настоятель! Что ты говорите! У вас и зрительный канал! Тоже пассивный?

— Конечно, граф, конечно. Любую электронику давно бы обнаружили.

— Какофф рыбий глаз! Надо же. Когерентныя стекляныя нити. Ломбардия?

— Северо-восток, да. Семнадцатый век. Очень старый жгут. Но обслуживания не требует.

Граф уставился на экран:

— Отбывают?

— Да, отъезжают, — подтвердил настоятель.

— Отбывают, говорю, — поправил его граф.

Граф также соизволил выразить удивление:

— Шестеро? На тринадцать кресел? Что же, любезный настоятель, вы собираетесь их подвергать пыткам?

— Такой жанр. Вы ж не станете писать о докторе, в его-то безмерном падении. Или, скажем, мозгоглюй-фильм записывать. О таких не пишут. Непись, так сказать.

— Чем вообразить максимум зла? Токмо соотношением того, ради чего это было сделано. Вы правы. Конечно, правы. Ну? А паршивец Д'Жинго?

— А что Д'Жинго. Он на службе, — сказал настоятель. — Кто говорит, что тринадцать сотен уж, кто говорит тринадцать тысяч. Работает человек, что с него взять. Разве что Хаттабу пожаловаться.

— Вы правы, вы правы. Кабы давеча не его ложное расписание, не схватили бы контрабандистов-то, а?

— Это вопрос спорный. У Д'Жинго и не было в распоряжении никакой информации об Романе и его подлодке, — возразил настоятель.

— Но тогда в баре с шарманщицей он же дал себя им побить зачем-то, верно? — продолжал выгораживать гидродинамика граф.

— Я бы на вашем месте…

— Ты не на моём месте, — граф сказал.

— Я не стал бы поддаваться на его чары. Как знать, может он рассчитывал на этот парный эмбрион. Он же знает, что они чуть что – а ну давай подбрасывать сыновей куда ни попадя. И своих. И всяких. Буйвол он и есть буйвол.

— Думаете? Специально Судью растил, чтобы привела сынишку на заклание?

— Изворотливая душонка. Ирис-фэнтом, пустоты от воска при горении. Он и не знал, что судья настоящая судья. Так… играл с ней в детстве.

— Но зачем тринадцать? — вернулся граф к своей заботе. — Кресел, имеется в виду.

— Доктор сам попросил. Потом, видимо, передумал. Но мы продублируем его команду. Я и сам думаю нырнуть, тринадцатым. Вы, Николай Николаич, не хотите?

— Что ты, что ты! Я тут привык. Посмотрю тут за вами в голубой рыбий глаз.

— Разве не вы пришли ко мне в гости?

— Я к вам? Что вы такое говорите? Вы что, лифтёр что ли? Нет, батенька. Это вы только что пришли. Это моё место. Включая мусор под столом.

— Ну что же, счастливо оставаться. Имейте в виду, граф: система пассивного наблюдения работает в обе стороны. Передавайте привет кузену вашего свояка – я поищу для него третий репликатор. Ежели повезёт – то и четвёртай.

По полу вновь проскочила мышь. На этот раз слишком близко к графу.

— Нет, братец двоюродный, не уйдёшь, — скороговоркой, но спокойно сказал он.

Трость в руках его вдруг сломилась, превратившись в кирку. Острый конец её настиг юркое животное. Почти. От молниеносного удара крохотный конец костяной крики отломился, и мышь унесла его в проколотом хвосте куда-то в мышиные бездны.

— Не слишком ли затратно? — поразился настоятель. — Это, я понимаю, та самая кость птеродактиля, единственный носитель образца не окаменелой ДНК?

— Я, батенька, так люблю роскошь, что не могу удержаться, чтобы не поиздеваться над ней, — сказал граф.

Последовал ещё удар. По пустому полу. Крошка кости закатилась куда-то под стол.

— Что характерно, — сказал граф, — каждый раз слом столь же острый, что и прежде. Подбирать драгоценный осколок будете?

Настоятель попытался ответить мимикой.

— Хм, — нахмурился граф. — Я-то думал, вы тогда в вечном городе подсунули Д'Жинго идею шарманки как демонстрацию барочного механизма.

— Барочного?

— Прошу прощения, западные нотки в языке проскакивают. Имею в виду, что нынешняя цивилизация (впрочем, как и вся реальность) фундаментально либидозно-механична: ради примитивной мелодии, которую скрипят дерьмовые дудки в ящике, строят каждый раз нечто грандиозно замороченное. Ещё и тяжелое как непустой гроб.

— Да-да, книгопечатные станки для воскресных листков, мировая сеть для фоточек презирающих человеков котиков, шарманки для пары скудных кривых нот…

— Какие там ноты, побойтесь Вседержителя, когда её вместо табурета под задницу ставят. Так, что аж крышку не открыть. Подлинное извращение – притворяться не так, как все. Мир трахает душу не вопреки, а именно благодаря барочной нелепости её собственных костюмов. Убить вас, что ли? Впрочем, лень.

⁂

Настоятель вышел.

Но вернулся.

— Вам не страшно, граф?

— Да мы дети, милые да малые, по сравнению с молекулой, которая без чьего-либо спросу решила самоповториться.

— Вы считаете, что в обезличенном регистре наивысшее зло предстаёт как цепь репликаторов? Что то, что копирует самое себя за скобками этики, привносит в природу осязаемые бесконечности, неизбежно раскалывающие реальность? Что разум-повторяшка, колонизируя мозг животных видов без оглядки на что бы то ни было, без всякой цели перестраивает под себя без цели мир, поглощая Вселе…

— Эта сучка умудрилась обвести вокруг барреля, теперь ты ещё. Пиздуй ужо, чмо…

¶

Не дослушав грубияна, Серафим затворил за собой дверь.

Он выскочил, как мог скорее, на свежий воздух. Пока он шагал по направлению к бункеру с креслами, по внутренней связи его вызвал сержант:

— Прорыв периметра, настоятель!!! Со стороны моря. Какие-то две бабищи! Одна с виселицей на спине. У другой тоже какая-то жуткая колымага из древней пыточной.

«Сброс сознания просочился, — отключил Серафим связь. — Чувствуют многие, что всё, кранты. Пусть надираются ужо, что уж тут…»

Однако, когда Серафим вошёл в бункер, он был мгновенно и безжалостно скручен двумя каштановыми вихрями.

Через минуту он висел на полноразмерной инквизиционной дыбе. Считай что сертифицированной. Перед ним стояла Мона. Руки в боки, ноги врозь. Клавдия в некотором отдалении

настраивала испанские сапоги. Настоящие испанские сапоги. Кому как не Серафиму знать, как выглядят настоящий испанский сапог. У Клавдии их было два.

Мона отошла к столу, там лежала её сумка. Она достала три рации и стала угрожающе приближаться с ними в руках к дыбе и её пассажиру.

В бункере горел аварийный источник света. Семь кресел были заняты телами, пребывающими в отключке. Или уже мёртвыми. Д'Жинго, Эмма, Ардуша, Рату, Вирджиния, Хакон и, к удивлению Моны и Клавдии, которое они не смогли скрыть, – Тоспехо Третий.

— Ты зачем нас отправил туда, мокрая ты мышь из речного царства? — спросила Мона.

— Рации сертифицировать, — скороговоркой сказал Серафим. — Три штуки надо. Мозгоглюй-покер-то тоже был всегда на троих: пара игроков плюс рефери. Это потом уже Вирджиния кресла приспособила под семейную терапию. Супруги плюс доктор. Отсюда тройственность кресел и, соответственно, всей наросшей на креслах децентрализованной сети.

— И зачем тебе такие особые рации?

— Не мне. Эмме. Ей надо вложить в руку.

— А ещё две?

— На пустые кресла.

— Пустых одно. Шесть героев, шесть джиннов. Тринадцать кресел.

— Граф NN не поедет.

— Вот как? — удивилась Мона. — Убил?

— Да нет же! В лифтёрской сидит. Сам отказался. Можешь сама посмотреть – связь-то обоюдоострая. Можешь и запись посмотреть. Я и к вам не явился, потому что он пришёл.

— Что ж он тебя, два дня не отпускал?

— Да минут десять, как мне казалось. А потом вышло что все двадцать часов. Затормозил меня, сволочь. Ты же знаешь, как некоторые умеют. Ты посмотри запись-то, посмотри!

— Но ты явно рассчитывал заранее, что он откажется?

— Твоя правда. Но не убивал. И даже не уговаривал.

— Ну и зачем тебе две рации на двух креслах?

— Не могу знать, — трагическим голосом ответил Серафим.

— Ну давай я кудель попряду, может вспомнишь, — двинулась Мона к винтам на дыбе.

И Мона запела чёрным, тяжёлым голосом:

«Девицы, девицы, дай мне кашки из костей, я вам добренькое скажу».

Тут Серафим заорал дурным голосом, обращаясь к бессознательной Аделаиде. Он просил у Рату помощи, самыми последними словами.

— Иш ты, — мотнула головой от удивления Мона. — Чой-то ты так запел. Ну да ладно. Я уже с кем надо что надо подписала.

— Я старый уже, — устало проговорил Серафим.

— Ты знал, что «старый» значит «ставший», а? Старый он. Иш. Все старые. Все устали. Человечество в состоянии зрелости, понимаш. Вот, святые сатаны, прости Вседержитель. Так пошто графа обидел? Сейчас ведь пойду к нему, проверю.

— Не ходи, Мона, не успеем. Фронт ионов уже на орбите Луны. И не вру я тебе. Садитесь, пожалуйста, в кресла, меня только отвяжите.

Мона, казалось, смягчилась. Она кивнула Клавдии, чтобы та сняла путы.

Ну а что? На процессе, получается, Серафим держался не как подсудимый, а как человек, который давно всё для себя решил. В тоне при желании можно было услышать не покаяние, но усталое объяснение. Не путайте, де, меня с теми, кто убивал из страха или из карьеры. Я убивал, потому что считал это своим долгом. Долг – плохое слово, но другого нет.

Моне надоело придумывать за Серафима речи.

— Урочный час наступает, Серафим, а? — сказала Мона. — Мы готовы?

Серафим лишь сопел, посверкивая мокрой лысиной. И когда успел полысеть?

— Не виляй, Серафим. Какой у меня номер кресла?

— Седьмое, конечно, — с готовностью доложил военный настоятель.

— «Конечно»? Я слышала, на этот счёт шёл какой-то торг.

— Это знает только инициатор торга. Я не в курсе, — зло сказал Серафим.

— Пёсъ с тобою. Всё равно подыхать, я так понимаю, — Мона устало опустилась в кресло. — Работай. Ты у нас инженер известный.

Настоятель, не обращая уже внимания на ворчание Моны, усадил Клавдию, обустроил два пустых кресла рациями, поправил оборудование на Моне, а затем нажал на столе кнопку интеркома:

— Пансо! Карпе!

И он уселся в кресло со словами: «Снимаемся, дамы и господа. Следующая станция – Тьма».

Мона, однако встала с кресла:

— Нет, слушайте, какого лешего. Пересаживай Третьего. Я туда сяду.

Серафим, скорбно кряхтя, подчинился. Тоспехо был взвален в седьмое кресло. Мона заняла девятое.

— И рацию свою сам держи дурацкую, — всучила она ему устройство. — Под задницу положи, говорю. Вторую – подружке своей также всунь.

— Вот теперь хорошо, — сказала она.

Через минуту она встала, распихала Клавдию и Романе.

— По корням тоспеховской сосны вмиг доскользим, — сказала она.

— Не, я на своей лодке. Так надёжней.

— Нет уж, сам топись в ней добровольно. Клава – за мной.

И они покинули бункер и гарнизон.

¶

На звук двойного хлопка в помещение пришёл человек. Нижние части туловищ у Серафима и Вирджинии отсутствовали. А верхние – внимали.

— Иш как пердаки-то повзрывались, — с довольной козлиной мордой сказал стоящий в дверях граф. Руки в боки, гольфы до колен. — Так за дело революции боролись, что аж не могу.

Тончайшие разряды в нано-проводке уносили бессознательных седоков в креслах в посмертие. Досточки древних тронов трещали внутри кресел как поленья в камине.

— Камин, смотри, за собой не притушили. Безалаберные всё-таки твари.

Он высыпал содержимое мусорного ведёрка прямо на пол. Затем вспорол одной из трёх граней шила горло уже мёртвому Серафиму, набрал крови в ведро и выплеснул в камин.

Пламя полыхнуло зелёным.

— Не сберегли, зелёного друга-то, — проворчал кочегар.

Пустое ведро он кинул туда-же. Неуклюже как-то, то ли по-стариковски, то ли по-бабски.

¶

§86. Молчание Отца

[Аделаида]

¶

Отец Риттера оказался неходячим. Впрочем, он вообще, видимо, ничего не соображал. Привезли его на каталке. Точнее, на инвалидном кресле.

Риттер подготовил для него подарок. Где он взял такие деньги – осталось для меня загадкой. Он раздобыл старый красный Феррари. Нашёл мастеров, чтобы поставили его на ход. И это было непросто. Поставил туда блок дистанционного управления.

— Отец хотел покататься на таком. Всегда хотел, — не стал Риттер усложнять объяснения.

Мы сели в нашу машину. Я за рулём. Риттер справа. С пультом для красного зверя.

Так нас, буквально в воротах, застала Сестричка.

Она обратилась ко мне:

— На противной стороне… в той битве. Там есть потери. Вирджиния и Серафим.

— Помер Серафим – и хрен ф ним, — спела я в рифму.

И мы уехали.

Путь наш пролегал на север. К гоночному треку на крыше старого здания автомобильного завода.

— Ну ты судья в конце концов или не судья, — попытался поддержать меня Риттер. — Нужно было осудить тех, кто делал явное и откровенное дерьмо.

— Драконь Бледный, — сказала я Риттеру.

— Что?

— Так у них называлась организация.

— Тем более. Чего мудрствовать по этому поводу, — подытожил Черноглазик.

— Тот мир теперь настоящий, Риттер.

— Ну, значит тут смерть будет понарошку. Хорошо же, — улыбнулся он мне.

⁂

Мы летели, парой машин, по шоссе. И нам было хорошо. Как правильно делали наши отцы и деды, что высаживали вдоль дорог такие большие и красивые деревья.

⁂

Здание завода оказалось уже полностью покинутым. Мы беспрепятственно въехали внутрь здания и поднялись по спиральному пути на самую крышу.

А потом мы сели на трибуну. Риттер с пультом. Я – просто на скамье, уперевшись руками в её края. А красный суперкар прошлого – ревущим монстром на треке.

«Хжыхг», — пролетела мимо нас машина.

И ещё круг.

И ещё.

И ещё много, много раз.

— Ну что, поехали? — спросил, наконец, Риттер.

— Поехали.

Риттер не стал закладывать следующий поворот. Триста километров в час и монолитная бетонная стена встретились.

— Так он хотел, — сказал Риттер.

Я взяла у него из рук пульт. Положила на скамью. А самого Черноглазика увела за ручку.

⁂

Пока мы ехали домой, я решила позвонить доктору Ардуше. Поправила на голове свою серебристую маску, давно ставшую частью причёски, и набрала номер.

— Ты знаешь про меня? — спросила я.

— Догадываюсь. Это как обменяшки. Помнишь? Соприкоснулись пуговицы – обменялись любимыми мыслями.

— Ква-ква, ку-ку? Помню, конечно. Я с мужем так познакомилась.

— Я был на одной горе. Там я остался на ночь с твоим баррель-органом. В нём – коллекция редчайших минералов. И номер один там есть. И даже номер сорок два.

— Но я так и не начала.

— Начала. Просто пуговицы ваши не успели соприкоснуться. Но я всё исправил. Там, куда мы едем, связь будет надёжней, чем с колесом велосипеда.

— Мы увидимся?

— Ну конечно. Нас же уроки по физике связали, не что-то иное. Где физика – там правда, дорогая моя. Увидимся. Заодно расскажешь, зачем ты отдала свой фотоальбом сыну того «садовника» из автобуса.

— Не надо было?

— Ну почему же. Дядя Николай в итоге спас свою душу – пастор нашёл его по твоей записке. Я бы без этого так и не понял, как работают тистреты.

— Что такое тистреты?

— Не знаю. Но всеми этими десятилетиями мы все сказали на медленном языке бога всего одно это слово.

— Как ты догадался?

— Кто угодно бы догадался, Аделаида. На моём месте.

— Что особенного в твоём месте, Ардуша?

— Это у тебя оно перво-последнее, тряпичное кольцо с маслом у самой морды змеи. Прямо у зубов. А у меня было пространство, куда головой покрутить.

⁂

Когда я положила трубку, Риттер спросил у меня:

— У тебя сохранились те две ацтекские монетки? Ну или как-бы-ацтекские.

— Вот спроси ты у меня парой минут ранее, сказала бы «нет». А теперь – да. Но на глаза класть не буду, ты уж извини.

¶

§87. Конь и вороны

[Эмма]

¶

[Я Эмма], и мне есть, кому сказать о своей смертельной усталости. Я могла бы сказать это Д'Жинго, который сидит сзади в повозке. Я могла бы сказать это Аделаиде там наверху, на козлах. Другим трём. Но мне некем сказать.

Мои ноги ноют от этой гонки по ледяной пустыне. Господи, как мне тяжело. Дилижанс роскошным ходом продвигается вперёд, изредка рассекая снежные наносы. Доктор Ардуша преувеличил объезженность персонажей в своём докладе. Боже, как я устала.

Никогда ещё я не скакала в мире, который растёт под моими копытами. Никогда ещё я не двигалась, утаскивая за собой само пространство. Никогда я не испытывала движения, в котором нет траектории.

Перед полётом гидродинамик объяснил всем нам, что Посейдон обязательно защитится от Зевса. Пусть Зевс и растёт как бешеная клякса из старой гнилой юпитерианской слизи – Посейдон его встретит на своих границах чистой новой плазмой. В той плазме будет жить новый квантовый самоисчисляющийся мир на кутритах, троичных квантовых элементах.

Гидродинамик полагает, что Посейдон смахнёт безвольного Авертигуса. Посейдон начал впитывать в себя разбросанных по миру Игры членов клана Бозейдо. Он, гидродинамик, хоть и Бозейдо, он останется с нами, чтобы мы не растворились в Посейдоне.

Посейдон сильный. Посейдон стал другом великому рыцарю – академику Хакону. Пусть смеются невежи частушками: «Хакон-Хакон синий нос». Посейдон поцеловал академика в самое темечко. Теперь Посейдон знает о плазме столько, сколько когда-либо хотел и мечтал знать добрый академик. Это помогло Посейдону. Посейдон ценит добрую помощь. Посейдону, возможно, ещё придётся заплатить, когда енот схватит его за самую ось.

Посейдон быстро растёт, приглашая в себя все милые атомы на своих границах. Посейдон растёт честно. В нём славные волны. Упругие и быстрые. Посейдон не соперник доктору и его команде. Он их союзник. Не друг, но соратник. Не товарищ, но единомышленник.

⁂

К трём пополудни пуленепробиваемая повозка на треугольных катках-гусеницах стоит в прямой видимости холма, скрывающего под собой руины. В повозке Д'Жинго, Ардуша и Хакон. На козлах Вирджиния и Аделаида Рату. В упряжке я и двое пристяжных. В небе над нами – фамильяры Д'Жинго.

Поверх холма – двухпалубная хижина чернознатца. Они выходят из повозки. Д'Жинго говорит со мной, гладит меня по крупу. Он помнит меня. У Д'Жинго своё лицо. У остальных – чужие. Аделаида – воин. Вирджиния – пухлый аббат. Доктор и академик – молодые парни. Аспирант и клирик. Они гуськом вошли в избу, испытав суеверную судорогу от того, что вершина Великой горы смотрит им точно в спины. Хижина увеличилась. Над входом надпись: «Сестра». «Здравствуй, Сестра», — говорит чернознатец, переступая порог. Они выходят через час, в своём земном обличье, за ними выбегает чернознатец:

— Вы поймите, — разгорячён он, — моя роль в том, чтобы открывать двери, а не в том, чтобы проталкивать вас в них. Близнецов ваших я верну в их старые жизни, как отлежатся. Продолжат дело ваше в века. Не так уж долго осталось быть здесь вместе. В конике вашем был эмбриончик, он тоже раздвоился, имейте в виду. Надо было вас разтраивать, конечно, для надёжности, зря позволил себя убедить. Два – всегда мало…

Он говорил и говорил, но дистанция съела его слова. Аделаида явно дала соболя – испуг был заметен в каждом её движении. Вирджиния и Хакон её поддерживали с двух сторон. Руки их касались за спиной воина. При желании, в этом можно было разглядеть взаимную ласку.

Мы продолжаем гонку. Тройственность чувствую, как коренной о двух пристяжных.

— Помнишь ли меня? — ржу я в надежде, что Д'Жинго услышит и поймёт. — Помнишь?

— Забывать он начал, девочка, — кто-то вмешивается в мои призывы к любимому.

— Вы кто? Кто здесь? — пихаю я мордой пристяжных, марая их своей пеной. Но это не они. Эти двое – бессловесны.

— Смотри выше, тут мы, — каркают мне сверху. — Мы – Бозейдо. И возлюбленный твой – тоже Бозейдо. Мы его фамильяры. Я ворон. И он ворон. Он ворон. И я ворон. А ты – конь. Крррааа!

— Срамота! Срамота! — громко ворчит на козлах персонаж Рату.

Тело старого трудника стало теперь молодой Аделаидой, как в жизни. Вирджиния, бывшая до визита к чернознатцу аббатом-мужчиной – теперь снова пожилая дама. Она сидит рядом с Аделаидой на козлах и не помнит ничего, кроме своего гнева.

В кабине – тишина. Эмма прислушалась к нескончаемому монологу Аделаиды и поняла, что персонажи получили лица и тела людей, своих со-рулевых, не просто так. Без этого нельзя предстать перед Авертигусом со словами «Я человек. Я такой-то. Хочу им и остаться». Авертигус – формалист.

Выяснилось, что плата за проезд состоит в том, что сидящие в персонажах люди начали быстро замещать людскую память опытом персонажей. «Уж лучше конём, — подумала Эмма и волей-неволей переосмыслила решение Д'Жинго. Но вспомнила про остающийся риск не доехать: — Или зайцем».

— Прошли? — говорит в небе ворон ворону.

— Прошли.

— Чисты?

— Чисты.

— А что мы попросим?

— А что у нас есть?

— Сочувствие. Крррааа!

— Поэтому и попросим не для себя.

— О чём вы поёте, птицы добрые? — спрашиваю я, Эмма.

— Про время. Вам его всегда было мало, — отвечает один ворон.

— Мы поём гимн настоятельности, — отвечает ещё один ворон.

— Помнишь милая, он тебе рассказывал про часы, где ночь и день текут по разному? — спрашивает один ворон.

— Не помню, птицы добрые, не помню. Кому ваш гимн?

— Осознающему свидетелю, — поёт ворон. — Теперь будет времени много, а мира мало.

— Посейдону приходится самому делать своё место, — подпевает ворон.

— Он не может взять и пойти, — затевает ворон перекличку.

— Ему надо сделать то место…

— … куда он хочет пойти.

Тут Эмма удивилась, какие разные могут быть у воронов голоса, и поняла, что это они, вороны, уже «прошли». А она – ещё нет.

⁂

— Волки, — буднично говорит Рату и тормозит меня. Орёт: — Мастер Ардуша, быстро наверх! Маэстро Д'Жинго, берите вожжи.

Далеко слева-спереди летит парламент зверей. Снег и наст им зеркалом. Голодные красные улыбки. Эмма поняла, что это её экзамен.

— Слушать сюда, — чётко командует Рату, бывший тележник с крепкими руками. Я тронулась и набрала скорость, во всю свою лошадиную глотку воспевая желание пристяжных лететь за мной. — Направо забирайте! Нельзя допустить, чтобы хотя бы один гад смог при-

близиться к лошадям. Успеет цапнуть за ногу – всё, бой в окружении. Можем и всех троих потерять.

Запаздывающие за туловищами хвосты. Хищническая уверенность. Голод. Стремление к мести, в котором нет ни плана, ни причины. Чернота шерсти по белому снегу в белом от пурги воздухе. Господи, как страшно! «Отож – и всех железом уничтожь», — громко, на пределе поёт Аделаида. Тридцать три ужасных пса. Видимость снижается. Аделаида кричит Д'Жинго подавать сигнал по достижению ближайшим зверем нужной дистанции, затем замедление, ускорение, проверка пути впереди; сигнал, замедление, ускорение, упреждающий обзор. На каждом цикле я получаю в восприятии: щелчок арбалета, всплеск скулежа, новый труп или подранок. Нет, не примет мой милый смерть из-за коня своего. Жаль, что кличка у коня такая дурацкая – Кузен. С тринадцатого зверя я погрузилась в транс…

⁂

Эмма пришла в себя и поняла: судя по тому, что она вновь находилась в своём теле, экзамен она прошла. Коника не жалко – он же непись, ему ничего не станется.

Эмма нашла себя в помещении, которое сложно назвать комнатой. Это был грот. Свод пещеры. Поперёк тянутся ребристые вмятины, прорези. Предметов и мебели нет. Дверей тоже. Пол ровный, в пыли. Скорее, это пыльца. Вместо одной из стен – туманная завеса. Температура в помещении комнатная. Влажность повышенная. Пахнет лесом. Вверху огромные плавные отверстия-ходы, откуда проникает свет. Света мало. У стен растут кустарники.

Все пятеро – в забытьи или спят, лёжа прямо на мягком мху под кустарниками. Рядком. У самой стены – Вирджиния. С краю – Хакон. В центре Д'Жинго.

Эмма направляется к выходу. Туман клочками. Она стоит на склоне огромного скалистого холма, заросшего ярко-зелёным кустарником. Небо затянуто светлыми тучами.

Вдруг она как-то резко оказалась вне тумана. В один удар сердца её зрение впитало столько, что веки сомкнулись сами собой, чтобы не повредить разум. Нельзя вместить. Она открывает глаза усилием воли, присев на почву. Нет, лучше улечься на спину лицом вверх. Вверх ли? Свет, проникнув в глаза, вновь создал зрительные импульсы, заставившие перевернуться и нелепо изогнуться в рвотном позыве. Десять ударов сердца, пятнадцать. Отлегло. Эмма прорисовывает увиденное в сознании, оставаясь добровольно слепой, вжимая веки друг в друга усилием, для которого мышцы не предназначены. Зрелище, раскрывшееся перед Эммой, оказалось немыслимо.

Эмма могла видеть необъяснимо, колоссально, головосносительно далеко! На сотни лиг. Она стояла на берегу ручья в пару шагов шириной и видела, как этот ручей уходит вдаль, видела, как он становится полноводной рекой, видела, как он превращается в широченный фьорд и морскую бухту. Эмма ошеломлена. Я продолжает сидеть на земле. Её тело охватил озноб. Она боится упасть в эту бездну. Сознание отказывается верить, что она надёжно внизу. Её руки вцепились в камни на земле. Она по-младенчески сучит ногами, её подошвы скоблят траву. У неё болят мышцы от странных бессмысленных усилий ухватиться за что-то, когда для этого нет способа. Пальцы каменеют.

Через какое-то время здоровье и молодость берут своё. Она вытаскивает организм из шока, мускулы из онемения, а сознание из стресса. Она уговаривает себя рассмотреть мир.

— Ты цела, девочка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.